

ISSN 2227-4413

ВЕЛИКОРОССЪ

Литературно-исторический журнал

№1(23) 2017

Главный редактор –
И.Ю. ГОЛУБНИЧИЙ

Шеф-редактор –
С.Г. ЗАМЛЕЛОВА

Зав. редакцией –
Г.В. МАМОНТОВА
galina-mamontova@mail.ru

Ответственный секретарь –
Н.А. ГОЛОВКИН
nikgolovkin@yandex.ru

Художник-верстальщик –
Р.А. ВОДЕНИНА

Редактор-корректор –
Н.Б. АЛЕКСЕЕВ

Редакция:
ООО «Издательский дом
ВЕЛИКОРОССЪ»
141730, Московская область,
г. Лобня, ул. Крупной,
д. 16, кв. 111

Телефон:
8 (916) 717-38-09

Рукописи и отзывы
принимаются по e-mail:
nikgolovkin@yandex.ru

Электронная версия:
www.velykoross.ru

В номере:

Слово главного редактора3

ЮБИЛЕЙ

Владимир КРУПИН
Памяти писателя и друга.....4

Эдуард АНАШКИН
Жить и помнить17

Айна КЕКИЛОВА
Поэт, учёный, педагог67

Василий ПОЛЯКОВ
Фармацевт, ставший знаменитым
писателем...140

ПОЭЗИЯ

Николай ПОЛОТНЯНКО
«Знай наших!» Осада Синбирска
(историческая поэма).....13

Юрий РЫЧЕНКОВ
От первого лица.....37

Диана КАН
«Текут века, а мне и горя мало...»59

Владимир ШУГЛЯ
«Время не ждёт...»75

Инна МУХИНА
«А только наших душ миры...»98

Тамара ПОТЁМКИНА
Полёты Ангелов.....106

Юрий ПАВЛОВ
«Метут снега, метут по всей России...»121

Рубен САРКИСОВ
«И мимолётный взгляд ещё меня
волнует...»137

Алеся МИХОЛАП
«Приходи в наши мечты...»149

Некоммерческое издание
Литературно-исторический
журнал **ВЕЛИКОРОССЪ**
№1(23) 2017

Выходит четыре раза в год
Распространяется бесплатно

16+

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
06.07.10.

Свидетельство о регистрации:
ПИ №ФС77-40753.

Учредитель и издатель:

С.Г. Макеева

141301, Московская область,
г. Сергиев Посад, а/я 16.

Подписано в печать 10.03.17.

Формат 70x108/16.

Усл. печ. л. 16,8.

Тираж 1000 экз.

Заказ D-1439

Отпечатано

в цифровой типографии

«Буки Веди» на оборудовании

KonicaMinolta

ООО «Ваш полиграфический

партнер», 127238, г. Москва,

Ильинский пр-д, д. 1, корп. 6.

Тел.: (495) 926-63-96,

www.bukivedi.com,

info@bukivedi.com

Инна ЯСКЕВИЧ

«Время алчности и амбиций...»158

Анатолий УВАРОВ

«Нам жизнь дана на радость!..»188

ПРОЗА

Анна МАЯКОВА

Крик души.....34

Сергей КАЛАБУХИН

Ведьмак47

Иван КАТКОВ

Рассказы.....82

Борис КАТКОВСКИЙ

Особенности натаски немецкой легавой
по кабану.....102

Олег ПРЯНИЧНИКОВ

Рассказы.....128

Юлия АЛЕКСАНДРОВА

Грузовик.....134

Александр ГАНИН

«...И тоска бесконечных равнин...».....152

Леонид ЧИГРИН

Исповедь сына века164

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Виктор ГРИБКОВ-МАЙСКИЙ

Литературно-исторические миниатюры.....90

Николай БЛОХИН

«Это был русский человек...».....183

ПУБЛИЦИСТИКА

Александр ДУБОВСКИЙ

Когда мы были на войне.....113

Владимир ФИЛАРЕТОВ

Солнце.....178

Слово главного редактора

Уважаемый читатель, дорогой соотечественник!

С началом нового года жизнь меняется столь стремительно, что даже и ближайшее будущее всё меньше поддаётся прогнозированию. Ключевой, главный сдвиг в глобальном порядке состоит в том, что на глазах всего мира дала сбой система американской демократии, казавшаяся до сей поры если не вечной, то, во всяком случае, запрограммированной на долгий срок. Сегодня, когда «мирового жандарма» раздирают противоречия, когда американские СМИ начинают открытое противостояние с законно избранной властью, когда сторонники и противники президента США вступают в рукопашные схватки на улицах американских мегаполисов, – подтверждаются самые смелые предсказания о том, что мир стоит на пороге больших перемен. И хотя носители идей либеральной демократии пока ещё представляют себя хозяевами мира, но вместо прежней самоуверенности в них всё больше проявляются признаки истерики и надрыва. Европейское сообщество, словно поражённое вирусом саморазрушения, совершает странные телодвижения, свидетельствующие о непреодолимом системном кризисе. Украинское государство безумствует, также стремясь к медленному самоуничтожению и стараясь увлечь за собой в небытие как можно большее количество своих бывших сограждан из самопровозглашённых ДНР и ЛНР. Что ждёт мир в обозримом будущем – не знает никто, но не подлежит сомнению только одно: мало не покажется всем без исключения. Но выбора уже нет, импульсы перемен вышли из-под контроля мировых кукловодов, остаётся только сохранять достоинство и готовиться к неизбежному. На смену прогнившей системе либеральных ценностей неизбежно должен прийти традиционализм, ориентированный на здравый смысл, консолидирующие принципы и поступательное развитие. Тогда мир получит шанс. Россия, прошедшая через горнило испытаний, сохранила самобытность и неоценимый духовно-нравственный потенциал, и готова к активной и созидательной миссии в обновляющемся мире...

Иван ГОЛУБНИЧИЙ

Кандидат филологических наук

Заслуженный работник культуры Российской Федерации

Заслуженный работник культуры Чеченской Республики

Заслуженный работник культуры Республики Дагестан

Мнение редакции необязательно совпадает с мнением автора. Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты. Редакция в переписку не вступает. Рукописи не рецензируются. Принятые рукописи могут быть отредактированы. Любое воспроизведение материалов или их фрагментов на любом языке возможно только с письменного разрешения правообладателя.

© Литературно-исторический журнал «Великороссъ», 2017

© Авторы, 2017

ЮБИЛЕИ

**К 80-летию со дня рождения
В. Г. Распутина (1937 – 2015)**

Памяти писателя и друга

Он был совестью народа...

Как ни вытесняет современная электроника книги, они сохранились и сдаваться не собираются. В них, в отличие от призрачных текстов виртуального пространства, есть осязаемость. Их можно взять в руки, перелистать, открыть на любимых страницах. В них есть магнитная сила. Рука сама тянется к книжным полкам. А как иначе? «Прощайте, друзья мои», – сказал Пушкин перед смертью, обратясь к книжным шкафам. Пушкин в книге и Пушкин в электронном варианте – это очень и очень разное. Как без его книг?

И вообще, как без народных сказок, былин, без Творений святых отцов, без Державина, Тютчева, Гончарова, Достоевского, Шмелёва, Есенина, Шолохова, Твардовского?

И в этот почётнейший список ещё при жизни по праву вошёл наш современник, признанный классик Валентин Григорьевич Распутин.

Его книги – достойное завершение литературы двадцатого века, новое подтверждение того, что русская литература – ведущая в мире. Почему? Она выращена Православием.

Одно только название повестей: «Деньги для Марии», «Вверх и вниз по течению», «Последний срок», «Прощание с Матёрой», «Пожар», «Дочь Ивана, мать Ивана», одно их перечисление вызывает в нашем сознании образ нашей России. Любовь к ней – главное в творчестве Распутина.

В чём я не соглашусь ни с критиками, ни с автором, так это в том, что «Вниз и вверх по течению», «Последний срок», «Живи и помни», «Прощание с Матёрой», «Пожар» у Распутина – повести, а остальное – рассказы.

Да, как рассказчик Распутин силён необыкновенно. Он в малое пространство текста вгоняет столько переживаний, откровений, событий,

Владимир КРУПИН

Владимир Николаевич Крупин – родился 7 сентября 1941 г. в селе Кильмези Кировской области. Сын лесничего. Окончив сельскую школу, работал слесарем, грузчиком, рабселькором районной газеты. Служил в армии в ракетных войсках. Окончил факультет русского языка и литературы Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской. Работал редактором и сценаристом на Центральном телевидении, в издательстве «Современник», был главным редактором журнала «Москва», преподавал в Литературном институте, в Московской духовной академии, в других учебных заведениях. Автор более 30 книг. Первый лауреат Патриаршей литературной премии. Сопредседатель правления Союза писателей России.

Живёт в Москве.

ВЛАДИМИР КРУПИН

людей, характеров – диво! Причём все его рассказы «крепчают» от перечтения.

Проверьте на себе. Давние рассказы «Мама куда-то ушла», «Рудольфио», «Тётка Улита»; да все-все открывают новые глубины русской жизни, безграничной для познания любящим сердцем.

Так вот, в чём я не согласен. В том, что «Уроки французского», «Василий и Василиса», «Изба», «В ту же землю» называются рассказами.

Ну ладно, автор по врождённой своей скромности так их назвал. Но мы же видим, что это совершенно не рассказы, а повести. Здесь такая концентрация жизни, такие, выражаясь по-достоевски, «эссенции», что какие же это рассказы?

Главный герой «Уроков французского» – маленький мальчик, который, как и рассказчик, как я знаю из его жизни, приехал учиться из деревни в среднюю школу. Одиноким, без какой-либо поддержки, голодающий ребёнок не желает, чтобы ему помогал кто-то из взрослых. Поэтому молодой учительнице французского языка, которой стало жаль мальчика, приходится идти на хитрости, чтобы хоть как-то поддержать своего бедного ученика.

После публикации этого произведения в 1973 году произошла удивительная история. Настоящая учительница писателя увидела в образе Лидии Михайловны (учительницы из рассказа) себя, а в одиннадцатилетнем мальчике – Валентина Григорьевича, своего бывшего ученика. Про посылку с макаронами, которую учительница как-то отправила тогда ещё школьнику Валентину, женщина уже забыла. Этот её поступок говорит о бескорыстной помощи и жертвенности ради других.

«Уроки» – это всем нам уроки доброты и любви, сколько пролито слёз над фильмом Евгения Ташкова, особенно над тем эпизодом, когда мальчишка, воспитанный голодом и холодом, бежит за машиной и кричит: «Мама!».

Может быть, только в «Уроках» писатель немного приоткрылся, показал свою ранимую, доверчивую душу.

Да ещё в позднем рассказе «Видение». Я так люблю этот рассказ, что хотел бы побольше процитировать из него. Но вот хотя бы это, об осени:

«Горячо рдеют леса, тяжелы и душисты спутанные травы, туго звенит, горчит воздух и водянисто переливается под солнцем по низинам; дали лежат в отчётливых и мягких границах; межи, опушки, гребни – всё в разноцветном наряде и всё хорошится, важничает, ступает грузной и осторожной поступью... И всё роняет, роняет семена и плоды, устилая землю. «Бабье лето» теперь помолодело: весна вдвигается в лето, а лето в осень, в сентябре ещё зелено, ядрёно, крепко, осенью ещё и не пахнет, а снежный саван между тем готовится без промедления. Через неделю после Покрова ударит мороз...».

Это рассказ, в котором всё от первого лица, в котором невидимая, но прочная стена перехода от земной жизни к вечности настолько растворена, что страшно за автора.

Так вот, о повестях «В ту же землю», «Василий и Василиса» и особенно о «Избе». В ту же землю, из которой пришли, из которой созданы, все мы ложимся. Да даже и это по нынешним временам стало у всех по-разному. Читавшие рассказ знают эту историю, когда женщине, уже немолодой, не на что похоронить мать и она – тайком! – хоронит мать на новом месте. И вскоре видит, как к свежей материнской могиле добавляются две, потом ещё, вот оно, новое русское кладбище, на котором нет «новых русских».

«Василий и Василиса», как помните, экранизированное произведение. И какой же это рассказ, когда в нём такой романский охват событий, такой великий женский характер! Не простившая мужу гибель недоношенного ребёнка, Василиса всю жизнь продолжает любить Василия, он это понимает перед смертью, когда она плачет над ним.

Но вот «Изба». Если суждено быть русской литературе наступившего века, то она выйдет не из «Шинели» Гоголя, не с «Матрёниного двора», а из распутинской избы. Вспомним, как в «Прощании с Матёрой» Дарья убирает свою избу перед тем, как отдать её на сожжение. Пересказывать не нужно, надо перечитать и представить, что такое изба для нас – это всё. В ней всё такое живое, такое кровно родное, и вот всё это должно погибнуть.

Я когда первый раз читал, то вспомнил рассказ из средневековой литературы. Сына приговаривают к смерти. Мать просит за него правителя. Правитель непреклонен – сына должны казнить. А мать накануне сказала сыну: «Если буду стоять в белом платье, когда тебя повезут на казнь, то значит, тебя помилуют, а если в чёрном – казнят». И мать надела белое платье. И со спокойной душой восходил её сын на эшафот.

Так и изба Дарьи, обманутая приборкой, прихорашиванием, думала ещё жить долго-долго, пока не поднесли к ней горящий факел поджигателя.

И вот изба Агафьи. «Изба осталась сиротой, наследников у Агафьи не оказалось». Но изба крепкая, мощные её стены выдержат морозы, крепкая крыша не пропустит влаги, огород около избы даст картошку и овощи, можно жить. И можно, и нужно. Примечательно, что автор проводит избу Агафьи сквозь пожар. Его устраивают приبلудшие безвольные люди Катя с Ваней. Добрые люди спасают и их, и избу.

«Агафьиная изба встречала и провожала зимы и лета, прокалялась под жгучей низовкой с севера стужею, стонала и обмирала до бездыханности и опять отеплялась солнышком... Тут, в Агафьиной ограде, было над чем подумать... Здесь можно было вволюшку повздыхать, и столько здесь копилось невыразимых вздыханий, что тучки в небе задерживались над этим местом и наполнились ими, унося с собою жатву людских сердец».

Уносили, добавим, к престолу Небесному. Старуха, похоронившая мать в рассказе «В ту же землю», после похорон идёт в церковь. Больше некуда. В мире воцарился дьявол – деньги. У старухи, у таких, как она, денег никогда не бывало и не будет, она свободна от зависимости золотому Тельцу. Она идёт к Господу. И ещё неумело своими закрутившими от работы пальцами «возжигает» и ставит перед святыми иконами свечи.

Впервые, но пришла в храм, неумело, но поставила свечи. И увидела, как «в высокое окно косым снопом било солнце, чисто разносилось восторженное ангельское пение».

...Один из рассказов писателя называется «В непогоду». Штормовые ветры, метели описаны так, что именно мы сами виноваты в затяжном непогоде.

А так оно и есть. Святитель Иоанн Златоуст напрямую связывал климат и нравственное состояние людей. Да, давно в России непогода. И переживать это нелёгкое время нам помогают книги Валентина Распутина. Потому что его герои среди нас, герои сильные характером и сильные душой.

Книги Валентина Распутина – молитва за Россию её верного, высокоодарённого от Господа талантом сына.

Я познакомился с Валентином Григорьевичем осенью 1972 года, когда приехал в Иркутск на совещание молодых писателей. Он мне сразу показался добрым, эрудированным и очень деликатным человеком – с ним можно было побеседовать на любые темы.

Но если речь заходила о России, русском народе и хоть как-то была направлена на то, чтобы унижить Родину писателя, Валентин Распутин становился жёстким защитником своей страны, её традиций и веры.

Распутин умел и пошутить. Помню, в 1972 году от Союза писателей мы были с ним в Финляндии. Я был коммунистом, Валя оставался беспартийным.

По мнению спецслужб, мы вели себя в Финляндии слишком вольно. На одном приёме неловко пошутили: «У нас в Москве пасмурно, а у вас – солнце. Значит, Господь больше любит капитализм». За неудачную шутку, которую тут же напечатали западные газеты, нас лет девять не выпускали за границу.

Валентин Григорьевич, кстати, Запад не любил, называл живших там людей роботами. Помню, он возмущался: «Нельзя же всё так зализывать!». Ему по душе был Ближний Восток.

Произведения Распутина ставили в театрах вместе с работами Шукшина и Вампилова. Как-то мы с ним пошли в один театр на спектакль «Прощание с Матёрой». На сцену после декоративного пожара выбежали герои постановки, намазавшие себя сажей, один страшнее другого и даже краше африканца. Но не было в этом спектакле любви к России, что его весьма расстраивало, он был раздосадован увиденным.

В 1970-1980-е годы мы жили бедно. Бывало, он выручал меня деньгами, но когда я ему пытался вернуть долг, то он отказывался. В этом случае я его упрашивал взять хотя бы половину суммы. Когда собиралась писательская компания, то он всегда за всех платил, но не от того, что был богат, а его великодушное сердце желало избавить друзей от необходимости тратить.

Валентин Распутин озарял столицу сначала своими короткими приездами, а затем каждый год он зимовал в Москве, только летом отправляясь на малую родину, в Иркутск.

В Москве мы с ним виделись почти каждый Божий день, вместе отправлялись в поездки по стране и за рубеж.

На душе было радостно от того, что на земле живёт такой писатель и человек, и Господь даровал мне счастье с ним дружить.

Всегда не переставал удивляться его оптимизму и жизнелюбью. Но, Боже мой, сколько он испытал, сколько перестрадал! На него столько свалилось горя, бед и несчастий, болезней, что под их тяжестью многие бы рухнули.

Господь, давая каждому из нас жизненный Крест, знает наши силы, и Крест не по силам не даёт. Значит, как же надеялся Господь на раба Божия Валентина, что попустил ему такие страдания! Голод и нищета детства и отрочества, нехватки и лишения юности, тяжелейшее становление писательской жизни.

Распутин, закалённый сибирской русской жизнью, воспитанного в высоконравственной трудовой семье, человека скромнейшего, не сломили ни огонь испытаний, ни мутные воды современности, ни медные трубы всеветной славы.

...Израненный отец мало пожил после войны, росли без него. И мама до старости не дожидка. Рано ушёл из жизни младший брат.

Одиннадцатилетним мальчиком Валентин был вынужден уехать из родной деревни, чтобы продолжить обучение в средней школе. Новая школа находилась в районном центре, который был в десятках километров от деревни писателя.

Уже тогда, совсем маленьким мальчиком, он осознал свой долг перед семьёй. И долг этот заключался в том, чтобы получить образование. Представьте, как тяжело было ребёнку находиться так далеко от своей семьи и понимать, что он должен учиться. А учился он отлично.

Об этом жизненном пути, уже будучи взрослым мужчиной, Валентин Григорьевич написал в «Уроках французского».

В людях, наделённых добротой, совестью, честью, милосердием, и писал Валентин Распутин.

Теперь уже навсегда в нашем сознании могучие распутинские старухи, мощь и красота Байкала, преданные жёны и верные мужья, уже всегда будет наше сердце сжиматься, представляя гибель русских деревень, нашествие чужеродного сознания.

Конечно, тяжелее становится жить тем, кто любит прозу Распутина. Читаешь и уже живёшь не только своей жизнью, а страданиями и радостями героев писателя.

Да какие они герои, это ты и я, это наши соседи, наши матери, деревни и сёла, посёлки и города.

Из читателей распутинских книг никогда не выйдет «новых русских». Почему? Потому что для бизнеса, для капитала совесть очень не нужна. Даже лишняя.

Проза Распутина – это прямая линия от русской классики Достоевского и Бунина к нам и от нас уходящая в будущее. Она показывает, что единственно верное направление литературы – реализм.

Он не исключает и других вкраплений. У того же Распутина можно увидеть и элементы мистики («хозяин» Матёры), и романтизм («Наташа»), символизм («Пожар»), но как все мы созданы по образу и подобию Божию, так и литература должна следовать своим первым образцам: Писанию, летописям, Словам, былинам, преданиям, сказаниям...

И обязательно быть современной и своевременной. И в бегущем дне появляться отблески вечности, когда этот день проживается как часть вечности. Уходить же в прошлое, в историю, – значит оставлять свой окоп на передовой и прятаться в тылу.

Если сравнить количественно написанное Валентином Григорьевичем с другими писателями, то заметно, что написал он меньше многих. Да, так. Но сказал больше, вот в чём дело.

Русский язык радостно подчинился прозаику и помог высказать то сокровенное, чем живёт народ.

И как ни надрываются ненавидящие Россию говорящие и пишущие, веры им нет.

А в Распутина поверили сразу и навсегда. Потому что каждое его слово обеспечено страданиями за Россию, любовью к ней.

В нашем детстве не только взрослые помогали детям, но и сами дети старались помочь друг другу, поддержать в трудной ситуации.

Конечно, не обходилось и без драк – но как же мальчишкам не выяснить отношения?

Сколько было нищеты тогда, вы не можете себе даже представить! Послевоенное время было очень тяжёлым, голодным, но мы никогда не сердились на государство, потому что понимали, что всем тогда было трудно. Радость мы находили в мелочах и благодарили Бога за каждый мирный день.

Я считаю, что если бы не было у Валентина Григорьевича радости в детстве – не было бы и такого выдающегося писателя. Он был уверен, что детство формирует человека как личность, рождает в нём многие человеческие качества: сострадание, терпение, выносливость.

Валентин Распутин стал настоящим мужчиной, он многое умел делать руками, хорошо владел топором, любил собирать грибы и ягоды. Очень любил русскую деревню.

Он вообще очень любил Россию и её природу. Во многих его произведениях природа словно оживает, меняется вместе с событиями и чутко реагирует на происходящее в душах героев.

Валентин Григорьевич очень переживал о том, что современный человек не только стал чрезвычайно далёк от природы, но и губит её.

А внешне у Распутина всё было, как в сказке: взлёт от судьбы Золушки к члену Президентского совета, к орденам и медалям, званиям, премиям. Герой соцтруда, секретарь Правления СП СССР, депутат Верховного Совета, почётный академик Российских и зарубежных академий...

И поездки на все континенты, во все стороны света, сотни книг, спектакли во многих театрах, переводы на десятки языков планеты... Хватило бы всего этого на десятерых.

Его тянули в политику, как могучего писателя. Но по натуре Валентин Григорьевич, повторяю, был мягким человеком.

Ему приходилось идти в политику, чтобы ретивые хозяйственники «реки вспять не повернули» и рядом с озером Байкал не построили очередной бумажный комбинат.

Своим примером он показал людям, что природу нужно любить, сохранять и оберегать.

Помню, когда он получил звезду Героя Социалистического Труда, то сунул её в карман и забыл. Это была вовсе не поза, не игра, а проявление скромности...

Его отношение к Горбачёву и Ельцину – развалили СССР! – было самое негативное.

Как-то он с несколькими другими членами Президентского совета пошёл с прошением по одному важному вопросу к Горбачёву.

Дверь в кабинет президента оказалась такой массивной, что Распутин заметил: «Михаил Сергеевич, тут никакой народ дверь не откроет».

Оставили в подарок книги, но Горбачёв к ним потом, по всей видимости, даже не притронулся.

Аа, Распутин объездил полмира, но любить и восхищаться своей Родиной и русскими людьми не перестал.

В своих произведениях он говорит о православной силе и мощи русского народа, рисует не столько сильные характеры героев, сколько сильную духовную личность.

...Он не терпел каких-то злых взглядов в сторону России. Ему совершенно претило то, что творится сегодня: когда традиционные нравственные ценности стали насмешкой в глазах части общества, когда стыд стал пороком, а гордость за Родину – чем-то нелепым.

Ему была всегда неприятна мысль о том, что молодые девушки стремятся выйти замуж не по любви, а по расчёту, также как молодые люди ищут профессию не по душе, а для наживы. Он считал это путём в бездну.

Валентин Григорьевич любил молиться в храме Божиим, регулярно принимал участие в церковных таинствах.

Несмотря на то, что Валентин Григорьевич принял крещение в зрелом возрасте, когда ему было уже за сорок, он всегда был верующим человеком.

Вспоминаю осень 1980 года, именно в ту осеннюю пору Валентин Григорьевич крестился в Ельце, а крестил наш общий духовник – схииеромонах Нектарий, в миру Николай Александрович Овчинников, бывший военный врач. Он был настоятелем красивейшего Елецкого собора.

Никто не знает, но возвращение Оптиной пустыни Церкви – это прямая заслуга Валентина Григорьевича.

Распутин защищал православные святыни, поэтому не остался в стороне, когда произошёл инцидент с группой «Pussy Riot». Вместе с нашими коллегами опубликовал заявление деятелей культуры «Молчать не позволяет совесть».

Его совесть никогда не молчала. Он всегда выступал за цензуру нравственную. Валентин Григорьевич всегда возмущался высказыванием, какое допустил как-то один высокопоставленный чиновник, заявив о том, что мат – это норма русского языка: ведь он радел за чистый, возвышенный русский язык. Я за 43 года не слышал от него ни одного матерного слова.

Распутин приходил на помощь ближнему, и если сам не мог помочь, просил о помощи других.

Тысячи и тысячи писем, сотни статей и предисловий. Бесчисленное количество встреч и звонков, когда устраивал чьи-то дела.

Сколько же корыстных людей пользовались его добротой! Помогал и им, и никому, истинно по-христиански, не упрекнул.

А скольких молодых писателей вывел, что называется, в люди!

И сотни, и сотни заседаний, съездов, пленумов, постоянные поездки по стране, выступления...

Это ведь только со стороны кажется, что фруктово жить писателю, когда он идёт к микрофону, а зал встаёт, устраивает овацию.

А каково ему, если он Распутин?!

Совестливый, мучающийся и перед тем, как говорить, и после того, как уже выступил. И может быть, кто-то подумает, что вся, без исключения, писательская братия его любит так же, как читатели? Или, может быть, уже исчезли из жизни зависть и злоба?

Только при его помощи и только благодаря Распутину вырос над Ангарой, в Усть-Уде, храм. Весь золотой, светящийся, он оживотворил пространство, а колокольный звон и молитва одухотворили его.

В Усть-Уде Распутин закончил десятилетку. Радостно было видеть писателя среди земляков. Деточки и взрослые вышли на сцену, настойчиво вызвали на неё Валентина Григорьевича, и исполнили трогательную песню о своём знаменитом земляке, а знаменитый земляк стеснялся такого внимания. Воистину: чем человек значительней, тем он незаметней.

Он никогда не роптал на Бога, даже тогда, когда ему было по-настоящему тяжело.

Мало кто знает, что у Валентина Григорьевича в Красноярске умер первый ребёнок, мальчик. Жили бедно, ютились с женой Светланой Ивановной – дочерью писателя Молчанова-Сибирского – в бараке. Маленький сынишка простыл, и врачи не смогли его спасти.

Спустя годы, в 2006-м, снова случился серьёзный удар: в авиакатастрофе погибла его любимая дочь Мария. Валентин Григорьевич страшно горевал. Все разговоры были только о Маше.

Ещё через несколько лет умирает жена.

А его самого дважды не просто избивали, а в прямом смысле убивали. Сколько больниц прошёл, сколько операций!

Только сибирское здоровье, только могучая наследственность, только молитвы за него помогали выкарабкаться Валентину Григорьевичу.

А ещё и, может, это главное – любовь к нему тех, кто любит Россию.

...В последние годы жизни Распутин тяжело болел. Его произведения хоть и издавали, но и в 90-е, и в 2000-ные почти никто из издателей не платил гонораров.

Однако Валентин Григорьевич не унывал. Видел, как тяжело живут люди, особенно пенсионеры, а для него всегда было важно оставаться народником и державником. Совестью народа. Он считал, что на всё воля Божия.

Сегодня безбожная Европа погружается в пучину грязи, сметая с лица земли традиционные ценности, чистую любовь и уважение. Нашей стране пытаются навязывать чужие традиции, перевирают историю и хулят святыни. Сможет ли Россия противостоять сегодняшнему врагу?

Я думаю, что сможет, – даже несмотря на то, что с уходом Валентина Григорьевича мы осиротели, наша земля потеряла одного из своих защитников.

Но, к счастью, остались его книги, которые будут вдохновлять нас на подвиг и любовь к своей Родине.

Книги Распутина говорят одно: спасение России в возрождении традиционных духовных и культурных ценностей. Все остальные пути перепробованы.

Неужели мы не прислушаемся к голосу крупнейшего писателя XX и начавшегося XXI века. Или опять обойдёмся без пророка в своём (в своём!) Отечестве?!

Он отработал за десятерых. И не в обиду будет сказано тем писателям, которые демонстративно отходили от забот общества, говоря о своём высоком призвании мастера слова.

Но где теперь их слово, книги? Кого они сделали счастливыми, кому помогли?

Авторы живы, книги забыты.

Конечно, общественная деятельность лишила нас ненаписанных страниц Распутина, зато написанные окрепли, оттого что сердце писателя было неравнодушным. Я думаю, что если Господь нам подарил такого замечательного человека, значит, Господь в нас верит.

ПОЭЗИЯ

Николай ПОЛОТНЯНКО

Николай Алексеевич Полотнянко – родился 30 мая 1943 г. в Алтайском крае. Окончил Литературный институт имени А.М. Горького. Автор поэтических книг и сборников: «Братина» (1977), «Просёлок» (1982), «Круги земные» (1989), «Журавлиный оклик» (2008), «Русское зарево» (2011), «Бунт совести» (2015), «Судьба России» (2016) и других.

Живёт в Ульяновске.

«Знай наших!» Осада Синбирска (историческая поэма)

-1-

Русь была некрепка.
И казак Стенька Разин
Поманил голытьбу
На удачу и риск.
И свирепого бунта пошли метастазы
На Москву,
Но запнулись о верный Синбирск.

Город был возведён
Как форпост на востоке,
От набегов разбойничьих
Стража и крепь.
Он стоял на обрыве,
Крутом и высоком,
И сторожко глядел
На немирную степь.

Стенька Разин поджёт
Русь святую низовий.
Пал Царицын,
Саратов, Самара – вослед.
И дохнуло пожаром и запахом крови
На Синбирск,
И крутым приближением бед.

– Вор у стен, –
Доносил своему государю
Князь Барятинский, –
Выжжен посад.

Сдан стрельцами острог,
Но снесём эту кару,
Уповая на русского Бога
И строй иноземный солдат.

Но Господь не помог.
И бежал по Казанской дороге
Князь, и с ним недобитая рать.
На казацком кругу,
Заседавшем в остроге,
Решено было –
крепость Синбирскую брать.

А пока
Распустил Стенька Разин загоны
По округе,
Чтоб гнёзда дворянские жгли,
И казачьи повсюду вводили законы,
И рабов обращали
В свободных хозяев земли.

И стекались к Синбирску
Несметные толпы.
И кипели, как пьяная брага,
От хмеля и зла.
Казаки, бурлаки, бобыли и холопы..
Жажда мести кровавой и воли
Их на приступ вела.

-2-

Целый месяц Синбирск
В круговой был осаде.
Но не дрогнул державный
Двуглавый орёл.
Под Казанью Бярятинский крепкие рати
Сколотил
И на войско мужичье повёл.

И октябрьским утром
Сошлись они в пойме Свяги,
Где клубился в кустах тальниковых туман.
И врубались
В ряды царских воев казаки,
Впереди – на гнедом жеребце атаман.

Мужичье накатило
С дубинами, с вилами...

И всю пойму накрыл
Лязг железный и рёв.
Рабья Русь и дворянская
Мерились силами.
И ручьями стекала в Свягу
Горячая кровь.

Вопли ужаса, стоны
И конские храпы,
Топот толп,
Самопалов и пушек пальба.
И катилось кровавое солнце
На Запад,
Но неведомо было,
Кому улыбнётся судьба.

Заскрипели ворота в кремле.
Из огады
Осаждённые ринулись
Разинцам в тыл.
И ударили дружно
Стрельцы из засады,
И удар этот участь сраженья решил.

Уцелевшие
К чёлнам в подгорье бежали,
Но немногие к ним
Второпях добрались.
Как снопы,
Казаков побеждённых вязали,
И к земле бородами
Бросали их ниц.

Бунт есть бунт.
Усмирение не знает пощады.
Только смерть
Тем, кто вольно надеялся жить.
Пробил час неизбежной,
Свирепой расплаты.
За разбойное счастье
Надо жизнью платить.

И всю ночь
Топоры на подгорье стучали
Под луной,
Чей кровавый таращился лик.
И глаголи над Волгой
Рядами вставали,
И качались пеньковые петли на них.

-3-

Восстание повержено,
Разбито.
Горит Синбирск
Под колокольный звон.
Так закатилась
Стенькина планида.
Он, бросив всех,
Бежит на вольный Дон.

Что ранен –
Не казачье оправданье.
Погибшими
Завалены все рвы.
Ещё немало,
Налетев по-враньи,
Накосит смерть народу,
Что травы.

Вокруг него –
Соратников ватага.
И у судьбы –
Для всех готов расчёт.
Их побратали
Вольность и отвага,
А разлучит московский эшафот.

Но кажется,
Что смерть ещё неблизко,
А воля и судьба
Всегда с тобой.
Летит стружок,
И зарево Синбирска,
Как солнце,
Закатилось за горой.

Сияет вечность
Ясной звёздной пылью.
И жизнь – мгновенье
В вековом кругу.
И мыслит Стенька:
– Обрету я крылья,
И снова Русь
С Поволжья подожгу!

Она ж темна, Россия,
И слепа...
А дальше так,
Как выпадет судьба!

ЮБИЛЕЙ

К 80-летию со дня рождения
Валентина Распутина

ЖИТЬ И ПОМНИТЬ

15 марта Валентину Григорьевичу Распутину исполнилось бы 80 лет. Судьба распорядилась так, что день рождения и день памяти нашего классика стали одной датой. И в этом ещё одно подтверждение мистики судьбы Распутина, невольно наводящее на глубокие раздумья. По долгом размышлении я решил опубликовать фрагмент своей будущей книги «Валентин Распутин. Жизнь и творчество. Наши встречи за 50 лет». Над книгой ещё работаю, торопиться в таком деле нельзя, суеты осмысление значения Распутина для России

Валентин Распутин ещё улыбчив.

Эдуард АНАШКИН

Эдуард Константинович Анашкин – член Союза писателей России, прозаик и эссеист. Родился в 1946 г. в Читинской области. Автор книг «Вовкин поцелуй», «Запрягу судьбу я в санки», «Ангел с огненным мечом», «Попавшие в переплёт», «Под крылом Пегаса», вышедших в Самаре и Москве. Печатался во многих московских, всероссийских и областных изданиях – «Роман-журнал-21 век» (Москва), «Русское эхо» (Самара), «Новый Енисейский литератор» (Красноярск), «Сура» (Пенза), «Балтика», «Наша улица» (Москва), «Парламентская газета» (Москва) и т. д. Лауреат Самарской региональной премии им. Гарина-Михайловского. Лауреат Всероссийской премии «Имперская культура». Награждён почётной грамотой Министерства культуры России (2012 г.).

Живёт в Самарской области.

не терпит. Но, думно мне, юбилейная распутинская дата – значимый повод представить читателям этот материал.

Казалось, как вчера имел я счастье встречаться и беседовать с Валентином Григорьевичем! И по прошествии нескольких лет никак не могу поверить, что его нет среди нас. То, что мне его очень не хватает – встреч с ним, разговоров, писем, просто дружеского общения, полбеда. Распутина очень не хватает России на её очередных непростых исторических путях.

Как утешение, достаю и перечитываю его письма ко мне, перечитываю дневниковые записи и словно бы въяве слышу его голос, вижу его внимательный, доброжелательный взгляд. Эта книга и этот материал – по праву моей памяти общения с выдающимся русским писателем, быть может, последним русским классиком в смысле верности Распутина великим заветам русской литературы.

В пору, когда Валентин Григорьевич работал над повестью «Мать Ивана, дочь Ивана», нам как-то довелось с ним неспешно прогуляться по парку в Доме творчества Переделкино. Остановились около пруда. Погода была прекрасная – лёгкий морозец, ни ветерка.

– Эдуард, – обратился ко мне Распутин. – Я заметил, что ты, когда приезжаешь в Переделкино, обустриваешься в старом двухэтажном корпусе. Но ведь там, в номерах, нет условий проживания таких, как в новом корпусе. Может, тебе не хватает денег снять номер в новом корпусе? Так я помогу!

От такого вопроса-предложения я немного растерялся, но решил ответить, как есть:

– Видите ли, Валентин Григорьевич, в старом корпусе даже стены пропитаны, намолены присутствием в них в разное время великих писателей... Они здесь жили, общались, работали над своими знаменитыми произведениями, подходили к телефону около дежурного и вели разговоры с родными, издательствами, редакторами. А в новом корпусе, признаюсь, хоть и условия хороши, да вот того писательского духа нет, который бы подзаряжал творческой энергией. Не пропах ещё в полную силу новый корпус писательским духом!

Валентин Григорьевич задумчиво улыбнулся:

– А ты, наверное, прав... Вот ты сказал про великих писателей прошлого, а я вспомнил Читку и давний-предавний семинар молодых писателей Сибири и Дальнего Востока, где мы с тобой познакомились. Там тоже было немало выдающихся писателей...

Наши с Распутиным добрые отношения, собственно, имеют своим истоком ту нашу первую встречу в Чите уже более полвека назад. С тех пор каждое его письмо, каждый личный и телефонный разговор с Валентином Григорьевичем становились событием в моей жизни, о котором я долго помнил. Порой некоторые писатели, зная нашу с Распутиным дружбу, косились, мол, Анашкин, видимо, Распутину надоедает, пытаясь просочиться на страницы журналов. Но честно скажу, мне и в голову никогда не приходило просить Валентина Григорьевича помочь мне напечататься. Не хотелось тратить драгоценное время, отпущенное на общение с ним, на такие житейские темы. Пересеклись мы как-то в Правлении Союза писателей России на Комсомольском проспекте, на втором этаже, около приёмной. Поздоровались, пожаловали друг

другу руки. «Как дела? – спросил Распутин и вдруг поинтересовался: – А где новая рукопись? С собой?».

Рукопись у меня была с собой. Кто из нас, писателей-провинциалов, приходя в главное писательское Правление, не берёт с собой произведения в надежде, а вдруг да случится познакомиться с редактором издания, которому как раз в это самое время ты позарез нужен со своими «нетленками»? Я протянул Распутину папку с рукописью.

– Посмотрю, скажу своё мнение, – сказал Распутин и начал спускаться по лестнице на первый этаж, на ходу добавив:

– Время и желание будет, приходи ко мне домой. Всегда рад встрече. Надеюсь, найдёшь, не заблудишься.

Заблудиться я не побоялся, а вот опасение показаться навязчивым сказалось. На квартиру Валентина Распутина в Староконюшеный переулок я пойти не осмелился.

Возвращаюсь домой в Самарскую область. Через несколько дней после возвращения домой от Распутина звонок: «Ты почему не пришёл ко мне? Я разыскивал тебя в Переделкино, не нашёл, сказали, что уехал. К твоей новой книге я написал короткое предисловие. Когда получишь письмо, позвони, если с чем-то не согласен. Буду ждать звонка. Смотри, не зазнайся у себя в деревне (в трубке раздался смех). Светлане Ивановне очень понравились твои рассказы, она даже плакала». Может, и нехорошо в том признаваться, но услышав слова о том, что фактически я довёл до слёз Светлану Ивановну, я обрадовался!

Подумалось, что, наверное, не со мной одним как автором он поступал как врач, главная заповедь которого «Не навреди». Памятно мне одно письмо от Валентина Григорьевича от 28 ноября 2001 года. Вот цитата из него: «Вполне может быть, что моё суждение о рукописи Вам не понравится. В таком случае откажитесь от него, а с моей стороны никаких обид быть не может. Повредить Вашей книге было бы для меня неприятно...».

Вообще каждое его письмо становилось для меня событием. Вот цитата из письма от 5 июня 2002 года из Иркутска: «Очень виноват перед Вами за молчание. Свой юбилей (тогда Валентину Григорьевичу исполнилось 65 лет – прим. авт.) праздновали с вашим гостинцем – степным мёдом во главе стола. 15-16 марта уже у меня были тяжёлые, я уже 17-го отправился на поезде в Иркутск. Дома пришёл в полную негодность и два месяца не подходил к письменному столу ни для “художеств”, ни для писем. Забросил всё, даже деловую переписку, так мне достаётся Москва. Полная психическая немощь. Только теперь начинаю с трудом отзываться на своё существование, виноват перед многими за своё “небытие”, но что делать!.. И ещё одно: когда дойдёт дело до книги, для которой я писал свои два или три листочка, дайте мне, пожалуйста, знать предварительно. Чтобы я мог свои листочки посмотреть...».

До чего обаятельны были распутинские письма – добрые и самоироничные, кратко талантливые, но при этом такие ёмкие по смыслу: «Я в своём духе, т.е. умею надолго пропадать. Наконец, недостающие строчки для начала предисловия отправляю. Что выбрасывается, пометил. Удач Вам! В. Распутин».

И вот на излёте 2002 года Самарское отделение Литературного Фонда России выпустило мою книгу «Запрягу судьбу я в санки» с предисловием Валентина Григорьевича, которое называлось «На добро – добром!». Привожу его полностью вовсе не из авторской гордыни, а затем, что в этих строчках

живёт взгляд нашего классика на непростую жизнь народа, из гущи которого он никуда не выходил. А жил в народе и потому стал народом любим. А я что? Я лишь один из представителей русского народа, которому повезло познакомиться и общаться с Распутиным. Вот что он написал:

«В этой книге всё, казалось бы, просто и нарочно обыденно. Простые люди, простые характеры и жизнь как жизнь, без стремительных и оглушительных подъёмов и падений. И пишет автор простодушно и незастенчиво, обыденно, но и бережно, как-то по-отцовски вникая в каждую предложенную судьбу. И герои его не врываются в читательский мир, а входят с осторожностью, как и полагается гостям, и уж после неторопливого общения появляется к ним дружеское расположение. В литературе, кроме техники письма и степени доверия к героям, есть ещё одна составляющая, от которой ничуть не меньше зависит конечный результат. Техника может быть безупречной, события могут происходить как наяву, в самой естественной, не вызывающей подозрений форме, но у читателя, тем не менее, доверия к происходящему не будет. Он станет наблюдать за ними как бы со стороны, не решаясь войти внутрь и отдаться сопереживанию, потому что книга, в которую его приглашают, по профессиональным качествам котирующаяся высоко, написана холодным сердцем. В ней нет ни тепла, ни уюта, ни дружеского расположения, там по душам не поговоришь, и душу свою не полюбишь.

Эта книга написана бывшим детдомовцем, и вся она – от начала до конца – посвящена им же. Надо ли говорить, что это особого психического склада люди, униженные своим сиротством и оскорблённые той жестокой действительностью, которая с каждым годом всё беспощадней продолжает плодить сиротство. Спасти их может только совокупное добро, получаемое от государства, от воспитателей и учителей, от окружающих и от таких же, как они, покинувших детдомовские стены прежде. Не воз гуманитарной помощи со сникерсами и кока-колой, доставленный из Америки или Европы, не компьютер, привезённый богатым дядей, который купил и огородил забором пустошь за холмом, где детдомовцы собирали грибы для общего стола, не пакеты со сладостями, выпадающими раз в год, и не бесплатный Дед Мороз к Новому году помогут им смягчить боль своей раненой души. А повсеместное и сознательное наше родительство, не скупящееся на ласковое слово и поощрительный взгляд, деликатная поддержка, целительное внимание, охранение от зла. По отношению к ним не должно быть чужих и посторонних. Все мы вольно или невольно виноваты в их сиротстве.

В этой книге из всех литературных достоинств есть самое главное – она удивительно добра. Добра, в некоторых случаях может показаться даже чересчур, добро неестественно, неоправданно, несовместимо с тем, во что сегодня превратилась Россия и во что превратился в ней человек. Но вот вопрос: разве может быть где-то, в том числе и в литературе излишнее добро? И как это – много? Разве мы уже, как у Достоевского в рассказе “Сон смешного человека”, всё зло преодолели и погрузились в сияющую, как солнце, нравственную гармонию? Напротив, мы погрязли в зле, у нас огромная, бесперебойно работающая идеологическая система, вырабатывающая зло. И за всякий лучик добра мы хватаемся, как за спасение.

А вот герои книги Эдуарда Анашкина живут добром так же естественно, как все мы дышим воздухом, – и никаких! “А всё-таки она вертится!” – сказано было одним упрямым о нашей планете, считавшейся в его пору центром Вселенной. “А всё-таки добра больше!” – с тем же упрямым уверяет автор

этой книги. И что бы вокруг него ни говорили, какие бы ни вели подсчёты, а он прав. Без любви к человеку и без веры в него жизнь теряет всякий смысл. Поверим же ему. В любой области человеческой деятельности, если она терпит крушение, начинать следует с азов. И всюду эти азы – одно: любовь и вера. Валентин РАСПУТИН».

Конечно же, сразу же после выхода книги я отправил одну с дарственной подписью Распутина. А 19 января 2003 года, в день Крещения Господня Валентин Григорьевич пишет мне письмо: «Поздравляю Вас с выходом книги; это всегда событие для писателя из глубинки, а для Вас, должно быть, событие вдвойне, потому что уж очень с большими трудностями она выходила. Это-то ладно, и вышла, казалось бы, и хорошо, но что-то уж очень поспешили с тиражом. Что это за тираж – 500 экз.! ох, и комментировать не хочется! Я искренне рад рождению Вашей книги. Это хороший Ваш новогодний подарок. Будьте здоровы и новых Вам книг!»

Видимо, с лёгкой руки Распутина моя книга пошла по России. Иначе, как же она попала к главному редактору журнала «Уроки литературы» Надежде Леонидовне Крупиной? Хотя уточнять этот вопрос я не стал ни у Валентина Григорьевича, ни у Надежды Леонидовны, а только однажды получаю бандероль, в которой несколько номеров журнала «Уроки литературы». Начал перелистывать страницы журнала и обомлел: мой рассказ «Вовкин поцелуй» журнал «Уроки литературы» не только опубликовал, но по этому рассказу, оказывается, во многих школах России прошли уроки. И учителя средних школ на страницах журнала делились своими впечатлениями о проведённых уроках.

Позже многие рассказы из сборника «Запрягу судьбу я в санки», крёстным отцом которого стал Валентин Григорьевич, были напечатаны и в других столичных журналах: «К единству!», «Россия молодая», «Наша улица». А редактор газеты Союза писателей России Николай Дорошенко опубликовал все рассказы в нескольких номерах газеты «Российский писатель». Уверен, что именно предисловие Валентина Григорьевича Распутина к этой моей книге проложило ей такую широкую дорогу к читателю!

Валентин Григорьевич был настоящим русским интеллигентом. За все годы нашей дружбы я не слышал от него ни одного скверного слова. Помнится, однажды после ужина в Переделкино я провожал Распутина до нового корпуса. О чём-то разговорились и я, возмущённый несправедливостью ко мне персонала, загнул по-русски. Валентин Григорьевич вдруг резко остановился, поднял голову, и я увидел его глаза, испытующе глядящие на меня:

– Эдуард, никогда не пачкай душу об эти слова. У нас такой богатый язык. Следи за своей речью. Не забывай, что ты писатель!

Его удивительный талант, конечно, не мог оставить равнодушным никого. Одни его пламенно любили, другие писали на него доносы за его гениальные, но якобы «антисоветские» повести. Когда начальник политического управления Советской Армии и Военно-морского флота А.А. Епишев узнал о повести Распутина «Живи и помни», то запретил подписку на опубликовавший эту повесть журнал «Наш современник» для библиотек воинских частей.

Известный русский поэт-иркутянин Владимир Скиф вспоминает о Валентине Распутине: «За чаем (этот разговор произошёл на даче Распутиных в порту Байкал – прим. авт.) я спросил у Вали: “Я знаю, что тебе пишут очень много доброжелательных и восхищённых писем. А есть ли письма, в которых тебя ругают?”. “Случается”, – коротко ответил он... Однажды пришло просто разгромное письмо. Это было после публикации повести “Живи и помни”. В нём автор разносил Распутина в пух и прах, грозился обратиться с письмом в соответствующие органы за подрыв советской идеологии и с просьбой, чтобы его наказали за разрушительную работу против СССР. “И что? Ты ответил?” – коротко спросил я. “А зачем?” – Валя замолчал. “А подпись? Подпись была? И кто автор письма, он указал – кто он?” – “Некто Иванов Николай Петрович, фронтовик, орденоседец”. – “Тебе, наверное, стало худо от этого письма...” – “Было, конечно, очень неприятно. Но потом я привык. Такие письма теперь для меня не редкость”. – “Да, странно”. – “Ничего странного. Мне-то понятно, кто водил рукой того же Иванова”. – “А где это письмо?” – “Я выбросил. Я всё выбрасываю...”».

Когда в ноябрьском номере журнала «Наш современник» за 2003 год была опубликована повесть Валентина Григорьевича «Дочь Ивана, мать Ивана», то очень точно высказался заслуженный деятель искусств России, академик РАЕН, искусствовед, историк, писатель, лауреат многих наград Савва Васильевич Ямщиков: «Читая о дочери и матери Иванов, я отчётливо понял, откуда глубокие борозды и тени на лице их создателя. Пропустить через себя такие коллизии не каждому под силу. Уверен, что критики немало слов напишут о новой распутинской повести. Наиболее шустрые враз прорезались. С лёгкостью необыкновенной вездесущий Дм. Быков, не поняв и малой доли многоосмыслённости классического сочинения, успел уличить писателя в “русофильстве” и свысока поучить “товарища по цеху” уму разуму!». Прав оказался Савва Васильевич Ямщиков!

Сначала, после публикации новой распутинской повести, воцарилась тишина, как всегда она воцаряется после редкого в море разлитом лжи правдивого слова. А затем началось. И по нарастающей. Не только в столице! Судили-рядили об этом новом детище Распутина все, кому не лень. Местные писаки, ничтоже сумняшеся, сравнивали Валентина Григорьевича с местными гениями, а в каждом регионе эти местные-поместные, как известно, свои. Попутно вспоминали предыдущие повести Распутина, особенно «Живи и помни». Даже сибиряки не остались в стороне, тоже захотелось лягнуть выдающегося коллегу-земляка, видимо, за то, что «посмел» стать классиком при жизни.

Так, некий, никому не известный далее города проживания (город Черемхов – прим. авт.) Александр Серёдкин в статье «Предательство возвели в ранг доблести» («Литературная Россия», №13 от 31.03.2006 г.) пишет о фильме «В круге первом» Глеба Панфилова: «Книги Солженицына читают немногие. И он решил наверстать не мытьём, так катаньем, чтобы донести до граждан поверженной России свои не востребованные тома сериалами». Я не большой поклонник идей и творчества Александра Солженицына. Но пресловутый Серёдкин зачем-то попутно не преминул лягнуть Распутина, проводя, мягко говоря, сильно натянутую параллель между творчеством Солженицына и

Распутина, писателей, несопоставимых по уровню художественного таланта. И литературная Самара, увы, не осталась в стороне в попытке низвержения Распутина. Одна из самарских газетёнок (потому что уважаемые газеты вряд ли позволят себе такое неуважение к признанному во всём мире классику), рассказывая об экранизации режиссёром Прошкиным повести Валентина Распутина «Живи и помни», назвала распутинскую повесть «непопулярной»... Как говорится, хотели обидеть, а получилось наоборот, если учесть, что сегодня популярны лишь вышедшие в тираж безголосые певцы и певички.

Но это я сейчас, по прошествии лет, понимаю умом всю глупость самарских «популистов». А тогда так меня задело это интервью самарской журналистки со столичным режиссёром Прошкиным, что не смог я промолчать, написал статью «Популярно о непопулярном. Стыдно за самарское околотературное хамство», отправил на сайт «Русское воскресенье» Союза писателей России.

Вот эта статья.

С печалью приходится констатировать: околотературный моськизм, когда местечковые «журналюшки» считают хорошим тоном гавкать на прижизненных всероссийских писателей-классиков, стал одним из принципов самарской журналистики. Намедни одна из самарских «жёлто-бульварных» газет (Татьяна Симакова «Очень немодное кино»/ Газета «Волжская коммуна», №130 от 14.04.09 – прим. авт.), рассказывая об экранизации режиссёром Прошкиным повести Валентина Распутина «Живи и помни», назвала повесть «непопулярной». По всему видно, что определением «непопулярная» горе-журналистка, яко моська слона, хотела укусить современного русского классика Распутина. Но не подрассчитала силёнок и попала впросак. Впрочем, о чём я? Где Распутин и где эта жёлтая газетка, коих в одной Самаре многаз множество?! Видимо, обаяние популярности, помноженное на одичание попкультурой (культурой поп, как её ещё называют), среди журналистов дошло до такой степени, что они уже не в силах отличить хулы от хвалы. По себе, бедолаги, судят! Но разве уважающего себя и своих читателей художника может порадовать принадлежность его творчества к «культуре поп»? Не буду называть имя «популярной» газеты (на которую почему-то на селе заставляют подписываться в добровольно-принудительном порядке!). Не буду порицать иных особей местной журналистики. Сам я одно время работал в газете и знаю, как легко отупеть на журналистской работе, которая приучает человека к цинизму и поверхности суждений. О каких приоритетах можно говорить, когда пресловутая газетка пафосно пишет о проводимом их редакцией среди сотрудников и авторов газеты чемпионате по пьяным шашкам и даже называет имя победителя чемпионата по пьяным шашкам, не понимая тем самым, что дискредитирует человека подобной «похвалой».

Странно мне только, что сия газета, которая кормится с руки государства в лице областного правительства Самарской области, считает при этом хорошим тоном лягать это же государство в лице Президента России, который в 2004 году наградил «непопулярного писателя» Валентина Распутина премией Президента. Но странностей у нас сегодня в России предостаточно, никакого Салтыкова-Щедрина не хватает, чтобы их описать! Позабавило в этом материале, посвящённом самарской премьере фильма по повести Распутина «Живи и помни», интервью режиссёра фильма Александра Прошкина. Сразу скажу – точность этого интервью, якобы данного Прошкиным газете,

оставляю на совести пресловутой «популярной» журналистки Татьяны Си...ковой. Цитата из Прошкина: «У Распутина вообще много литературщины, которую в фильм нельзя ставить. Повесть ведь очень принадлежит своему времени, невозможно сегодня читать её...» Подивил режиссёр – так подивил! Снял кино, а о чём оно, так и не понял! Разве предательство, являющееся основным предметом художественного исследования распутинской повести, не вечно на нашей земле? Господин Прошкин, да оглянитесь же вокруг – тотальное предательство стало едва ли не нормой жизни современной России. Президент Медведев едва ли не за голову берётся, когда говорит о неискоренимой коррупции в России. А коррупция – это то же предательство государственных и национальных интересов! Да если бы только коррупция была ныне единственной формой предательства на Руси!.. Далее популярный режиссёр, экранизовавший «непопулярную» распутинскую повесть, якобы говорит «популярной» журналистке: «Вообще я стараюсь с авторами не общаться и предпочитаю экранизировать произведения уже мёртвых писателей...». Конечно, куда как легче режиссёрам иметь дело с покойными гениями. Покойные классики смолчат и не смогут отстоять своё детище – это нам показала недавняя премьера «Тихого Дона»... Насколько полнокровен «Тихий Дон» Сергея Герасимова, подбирать актёров для которого помогал сам Михаил Александрович Шолохов, настолько же выхолощен «Тихий Дон» Бондарчука... Я вообще уверен: чтобы экранизовать классику на должном уровне, надо быть режиссёром, который по таланту сопоставим с экранизируемым писателем, как художник. Гениального писателя должен экранизовать гениальный режиссёр, иначе будет ситуация, когда сапожник пытается судить произведение искусства «выше сапога», налагая свои «сапожные» критерии на понятия художественности.

По иронии судьбы кинокартина Прошкина по «непопулярной» повести Валентина Распутина «Живи и помни» получила Гран-при, как лучший фильм 15-го Российского кинофестиваля «Литература и кино» в Гатчине. Операторы Геннадий Карюк и Александр Карюк награждены специальным призом фестиваля за лучшую операторскую работу. Роман Дормидошин отмечен призом жюри имени композитора Андрея Петрова за лучшую музыку. Но вряд ли бы хороший фильм состоялся, не будь изначально хорошего литературного произведения, положенного в его основу. Даже либеральная кинематографическая «тусовка» не смогла при всём желании замолчать фильм по гениально «непопулярной» повести Распутина «Живи и помни». Фильм получил сразу несколько призов на фестивале «Тэффи» у Михаила Швыдкого... Короче, фильм высоко оценили и красные, и белые, и почвенники, и либералы – все, но только не самарская бульварная газетка! Я считаю себя писателем-почвенником, поскольку всю жизнь живу на этой самой русской почве и тем горд. Чтобы посмотреть фильм, вынужден был купить видеодиск. После просмотра, положив руку на сердце, не могу сказать, что прошкинская экранизация достойно выдержала конкуренцию с гениально самодостаточным распутинским текстом. Это тема отдельного разговора о том, насколько вообще нынешние режиссёры способны подняться до уровня экранизации «непопулярной» классики. Возможно, если бы я смотрел фильм на широком экране, он бы мне понравился больше. Но если впечатление от фильма кардинально зависит лишь от размера экрана, то... Знаю одно: если встанет вопрос, что лучше – посмотреть фильм или перечитать повесть, однозначно предпочту второе!

Валентин Распутин категорически непопулярный писатель. Само сопоставление Распутина и популярности кажется смешным. Не придёт же нам в голову поверять критерием популярности наследие прижизненных классиков Габриэля Гарсиа Маркеса или Мориса Дрюона! К ним можно отнести немало эпитетов, но эпитет «популярный» будет едва ли не последним в этом ряду. Оставим популярность голосистым певичкам, сочинительницам дамских романов да журналюшкам жёлтых провинциальных газеток. Популярность преходяща. Приходят и уходят идеологии, мировоззрения, президенты. А «непопулярная» классика переживает всех. И повесть Распутина о таком непреходящем, увы, явлении, как предательство, останется в веках, потому что помогает нам постичь суть этого явления. Что касается Распутина, то категорически не может быть «популярным», как червонец, писатель – Герой Социалистического Труда, имеющий два Ордена Ленина, орден Трудового красного знамени, орден Знак Почёта. Писатель, впервые лауреатом Государственной премии ставший ещё тогда, когда наша страна называлась СССР. И ставший лауреатом именно за «непопулярную повесть» «Живи и помни»! Спустя десять лет вновь Распутин – лауреат Государственной премии. Менялись властители, режимы, идеологии – на смену партократам пришли демократы. В 2004 году, как я уже упоминал выше, Валентин Распутин был награждён премией Президента России. В марте 2007 года Президент Путин наградил Валентина Григорьевича орденом «За заслуги перед Отечеством»... Можно долго перечислять награды «непопулярного» Валентина Григорьевича Распутина. Но сам он не любил этих перечислений. А я по опыту своего с ним общения знаю, что наиболее высоко наш классик ценил Международную премию имени Фёдора Михайловича Достоевского – куда более скромную в материально-финансовом выражении, нежели другие его премии, но зато освящённую именем «непопулярного» Достоевского. Того самого Достоевского, который несколько лет назад был так гениально экранизован режиссёром Бортко. И не помешали режиссёру Бортко, который поставил «Идиота», сделать гениальный фильм пространные монологи, что произносят герои Достоевского. Может, режиссёру Прошкину лучше не гоняться за призрачной популярностью, а у режиссёра Бортко поучиться умению понимать и ставить классику?

Зачем пишу эту статью? А затем, что стыдно за родное самарское околоточное литературное хамство и проистекающее из этого хамства стремление своим региональным обывательско-бульварным аршином измерять явления всероссийского и всемирного масштаба. Так ведь и аршин сломать недолго.

Когда статья была опубликована на сайте «Русское Воскресенье», я получил много писем и отзывов со всей России, авторы которых горячо меня благодарили. Неожиданно откликнулся и Валентин Григорьевич:

«Дорогой Эдуард! Спасибо за поддержку в Самаре моей работы и моего имени. От Симаковых никуда не деться. Эти безграмотные и подловатые люди для того и существуют, чтобы защищать дурное и набрасываться на иное. За последние десятилетия в России расплодилось столько Татьян Симаковых, что как-то и стыдно иной раз становится за Россию. С них, как говорится, взятки гладки. Но меня удивил так называемый режиссёр Прошкин. Кто его, интересно, заставлял брать мою повесть «Живи и помни»? Кстати, текст её

от начала и до конца, должен быть мой, если Прошкин не напортил что-нибудь. Не годился он для Прошкина – зачем брал, кто его заставлял? Меня это удивляет больше всего. Коли взял, да ещё по своей воле... ты и только ты несёшь ответственность за неё. Эта Татьяна Симакова и подобные ей могут говорить о ней всё, что угодно, а ты уже не можешь. Ну их подальше! Всё, что требовалось сказать, ты сказал в своей работе. Я недели через две собираюсь лечь опять в больницу. А затем уже буду собираться в Иркутск. Но это уже ближе к маю. Работа твоя – я имею в виду «Популярно о непопулярном» – серьёзная и о многом говорит помимо моих с Прошкиным отношений. Серьёзная работа. Кланяюсь. В. Распутин».

Долго думал, а стоит ли, говоря о Распутине, задевать тему его личной жизни? Сам Валентин Григорьевич был человеком закрытым, когда речь шла о его семье, публичности не любил. Хотя семья его была едва ли не идеальной, а уж с точки зрения литературной среды – и вовсе. Всю свою жизнь Валентин Григорьевич прожил со Светланой Ивановной, воспитали двух прекрасных детей... Но, говоря о жене Распутина, придётся мне вести речь об Ольге Владимировне Лосевой. Как её только ни представляют наши СМИ: «... вторая жена великого писателя Распутина», «вдова Валентина Григорьевича Распутина» и др...

В книге Андрея Румянцева «Валентин Распутин», изданной в серии «Жизнь замечательных людей», в главе двадцать пятой под заголовком «Та, что скрасила трудные годы» говорится так: «После ухода Светланы Ивановны жизнь Валентина Григорьевича оказалась тесно связана с Ольгой Владимировной Лосевой, ставшей впоследствии его второй женой...»

О Светлане Ивановне, хотя она всегда держалась в тени своего великого мужа, говорить не стану. Её знают все писатели как верную музу Распутина. А вот об Ольге Владимировне Лосевой многие, даже из числа коллег, знавших Распутина, слышат подчас впервые. Женщина, 1957 года рождения, была замужем за профессором Евгением Владимировичем Назайкинским, волжанином из села Новая Малыкла Ульяновской области.

Е.В. Назайкинский родился в 1926 году. Был участником Великой Отечественной войны. Он известный музыковед, доктор искусствоведения. Ольга Владимировна приехала учиться в Москву из Подмоскovie – города Ногинска. В 1975 году окончила музыкальное училище при Московской консерватории. В 1980 году закончила своё образование непосредственно в самой государственной консерватории имени П.И. Чайковского. Руководителем класса Ольги Владимировны был профессор Е.В. Назайкинский. У молодой девушки вспыхнула любовь к профессору, а затем она переступила порог квартиры Евгения Владимировича в качестве супруги. Так и прожили они до 3 апреля 2006 года, когда умер её муж. Их долгий брак был бездетным.

Многие музыканты не могли не заметить, что когда Ольга Владимировна вышла замуж за профессора Назайкинского, её карьера стремительно пошла по восходящей. Защита кандидатской диссертации, стажировка в Вене. Потом она стала лауреатом шумановской премии ФРГ, доцентом теории музыки, заведующей редакционно-издательским отделом консерватории и одновременно старшим научным сотрудником отдела современного западного искусства Государственного института искусствознания.

Сёстры Евгения и Светлана – дочери классика сибирской литературы и жёны писателей России.

С семьёй Распутиных Лосева познакомилась благодаря их дочери Марусе. В 1990 году дочь Валентина Григорьевича и Светланы Ивановны Распутиных Мария закончила Иркутское училище искусств и поступила в Московскую консерваторию, где среди её преподавателей был Евгений Владимирович Назайкинский. Не хотелось бы лишней раз вспоминать страшную трагедию крушения самолета в Иркутске, где погибла Мария Распутина, но вспомнить придётся, потому что Ольга Владимировна Лосева всюду позиционируется как любимый педагог Марии Распутиной. Однако на похоронах Маруси, Марии Распутиной, Ольги Владимировны Лосевой почему-то не было. Череда трагических событий преследовала семью классика. 8 мая 2008 года жене Распутина, Светлане Ивановне, в Москве сделали онкологическую операцию. Самоотверженно ухаживала за супругой нашего классика её младшая сестра Евгения Ивановна.

«Наша Асланочка, так называли мы её в семье с лёгкой руки моей дочери Даши, – написала как-то мне Евгения Ивановна. – Была всегда сильной, деятельной».

Не устаю восхищаться сестрой Светланы Ивановны Распутиной – Евгенией, этой красивейшей, умнейшей и тактичной женщиной. Она, памятуя мою долгую дружбу с Распутиным, прислала мне некоторые дневниковые записи своей старшей сестры.

Стоит привести фрагменты этого дневника, чтобы прочитали это юные современные девушки и осознали, как далеко порой они ушли в своём стремлении к успешности от тех извечных канонов русской женственности, которые воспели лучшие поэты и писатели России. И которые стали олицетворением русской женщины. В своём дневнике от 28 августа 1960 года совсем ещё

молодая будущая жена будущего классика русской литературы Светлана так формулирует своё жизненное кредо:

*Надо жить в полную силу. Дерзать. Творить.
Не бояться повседневности. Подчинять её себе.
Всегда, везде быть сильной, независимой.
И чтобы все это знали.
И никогда не раскисать, по крайней мере,
Чтобы никто не видел этого...*

Это были не просто красивые слова. Этим принципам Светлана Ивановна следовала всю свою жизнь. После выписки из больницы Светлана Ивановна всё делала по дому сама и возмущалась, если ей кто-то пытался помочь. Она знала, кто у неё муж, и берегла его. В золотой юбилей – 50 лет совместной жизни Валентин Григорьевич и Светлана Ивановна решили обвенчаться.

12 октября 2010 года Распутины венчались в храме в честь иконы Божьей Матери именуемой «Касперовская», расположенном рядом с Князе-Владимирским храмом, в лесочке, по улице Лесная, 145. Таинство венчания совершил протоиерей Алексей Серединов.

...В конце сентября 2013 года я принимал участие в работе замечательного праздника «Дни русской духовности и культуры» в Иркутске. Однажды, когда гости праздника завтракали, в гостиничный комплекс «Русь» пришёл Валентин Григорьевич Распутин. Накануне по телефону мы с ним договорились

Венчание Светланы и Валентина Распутиных.

встретиться. Распутин сел на кожаный диван, я присел рядом. Валентин Григорьевич, это уже было заметно, очень изменился, измученный борьбой с недугом, он, и без того никогда не отличавшийся лишним весом, ещё более похудел. Глаза были усталы и печальны.

Я спросил:

– Валентин Григорьевич, а почему вы венчались со Светланой Ивановной в храме Касперской иконы Божьей Матери на окраине города, а не в своём любимом храме Михайло-Архангельском, рядом с домом, где вы живёте?

– Это наше со Светланой Ивановной общее решение. Венчаться в Москве мы не захотели, решили совершить таинство на Родине, на иркутской земле. Да, старинная Михайло-Архангельская, её ещё называют Харлампиевская, церковь рядом, мы её любили. Немногие знают, что в этой церкви венчался и Александр Колчак. Я видел в церкви запись о бракосочетании в марте месяце 1904 года лейтенанта флота Александра Васильевича Колчака с дочерью действительного статского советника, потомственной дворянкой Подольской губернии Софьей Фёдоровной Омировой.

– Мы с женой, – продолжил Валентин Григорьевич, – не хотели, чтобы на нашем семейном празднике присутствовали журналисты, фотографы. Они бы сделали из этого, Эдуард, шоу. Потому всё произошло скромно, похорошему и, главное, тихо...

15 марта 2012 года, в день 75-летия Распутина, Валентин Григорьевич и тяжело больная Светлана Ивановна покинули Москву, вернулись в Иркутск. Светлана Ивановна покинула Москву навсегда. Валентин Григорьевич старался всё время проводить с женой. Когда наступили самые трудные дни, вообще не отходил от постели жены. И, конечно, постоянно рядом со Светланой Ивановной была её младшая сестра Евгения Ивановна.

– Нам не удалось добиться, чтобы Светлане Ивановне, – вспоминает Евгения, – выписали сильнодействующие препараты, говорили, что это возможно только в хосписе...

Спросите, к чему я так подробно описываю последние недели жизни Светланы Распутиной? А потому, чтобы читатель понял: о помощи и уходе за Светланой Ивановной со стороны Ольги Лосевой, как пишут сейчас многие СМИ, не может быть и речи.

Скончалась Светлана Ивановна 1 мая 2012 года в день рождения своего отца – известного сибирского поэта, первого Председателя иркутского отделения Союза писателей СССР Ивана Молчанова-Сибирского. Отпели её в Богоявленском Соборе областного центра 4 мая. Похоронили рядом с дочерью Марией на Смоленском кладбище.

Именно с момента смерти жены стала заметно прогрессировать болезнь и у самого Распутина. Он проходил курсы лечения в больницах Иркутска и Москвы.

«Валентин, – считает крёстная Распутина Р.А. Григорьева, – знал, что у него рак, проходил курс химиотерапии, но считал делом чести оформить союз. И она (Ольга Лосева – прим. авт.) продлила ему жизнь».

И ещё крёстная добавляет: «Света дала напутствие (О. Лосевой), чтобы та ради Бога не оставляла Валентина. “Как было бы хорошо, если бы ты взяла на себя и писательский архив”».

Именно это последнее обстоятельство было главной причиной оформления отношений: кто будет владеть правами литературного наследия.

Позволю себе немного хронологии из моего дневника. Вот, что вспоминает друг Распутина – охотовед-биолог, предприниматель, меценат Николай Васильевич Терещенко из города Тулуна Иркутской области. Николай Васильевич прислал мне свои воспоминания о встречах с великим писателем земли русской: «У меня есть фотография с Валентином Григорьевичем за полгода до его смерти. В сентября 2014 года мы с ним созвонились. “Я в больнице лежу” – сказал мне Распутин. Набрал гостинцев – сок, фрукты – и к нему. Взял он пакет с гостинцами. Я ему предложил: “Давайте на память сфотографируемся”. Тогда я не знал, что эта фотография с ним окажется последней. На фотографии хорошо видно, что рубашечка на нём застёгнута неровно. Мы посидели с ним в вестибюле, поговорили. Он мне признался: “Я, Николай Васильевич, ничего не помню. Сосуды головного мозга совсем отказали. Ничего не помню. Лечат меня, системы ставят, только улучшения нет”».

Сравниваю эту запись со своими дневниковыми.

9 октября. Разговаривал по телефону с Валентином Григорьевичем. Сразу же после выписки из иркутской больницы и по приезде в Москву он попадает в столичную клинику.

15 октября. Распутин: «Эдуард, ничего не помню. Голова не работает».

25 октября. Опять позвонил Распутину, но он ещё в больнице.

23 декабря. На мой звонок ответила внучка Антонина, пригласила Валентина Григорьевича. «Эдуард, прости, у меня гости. Позвоню сам».

27 декабря. Распутин выполнил своё обещание (внучка напомнила). Поздравил с наступающим Новым годом. Жалуется на страшную головную боль и потерю памяти. Спросил меня про статью о читинском семинаре молодых писателей: «Пришли мне, посмотрю, добавлю фотографии к материалу...».

...Последний раз я дозвонился до Распутина 21 февраля, в субботу. Ответил женский голос (но это была не внучка): «Что передать Валентину Григорьевичу? Он говорить не может, болеет сильно...».

Невольно возникает сразу несколько вопросов. В какой ЗАГС Москвы тяжело больной, за три месяца до смерти Валентин Григорьевич Распутин привёл Ольгу Лосеву? Кто были свидетелями со стороны жениха и невесты? Зачем Ольга Владимировна Лосева привезла Распутина жить к себе за три месяца до его смерти, фактически вырвав тяжело больного человека из привычных ему годами условий? Почему все три месяца после заключения брака Валентина Распутина и Ольги Лосевой известие об этом браке находилось в тайне? Почему о женитьбе Распутина не знали даже и родственники Распутина?.. Ох, как хотелось бы получить ответ на многие вопросы, касающиеся судьбы и творческого наследия русского классика!

Немного отвлекусь от грустного, чтобы вспомнить о праздновании Дней духовности и культуры «Сияние России-2016» – праздника, обязанного когда-то своим появлением на свет несколько десятков лет тому назад Валентину Распутину. Получив приглашение на этот литературный праздник, я, не раздумывая, дал согласие на участие.

Вот уж праздник так праздник! Мы, писатели России, вместе с иркутскими товарищами по перу, проводили встречи с общественностью, школьниками,

студентами. Побывали вместе с творческим коллективом иркутской филармонии на родине В.Г. Распутина посёлке Усть-Уда. Восхитились концертом «Встань за веру, русская земля» заслуженной артистки России, замечательной певицы Татьяны Петровой, посетили литературные места в посёлке Листвянка, были на месте гибели известного советского драматурга Александра Вампилова. Большая работа по подготовке и проведению праздника проделана иркутским отделением Союза писателей России и лично известным в России поэтом Владимиром Петровичем Скифом.

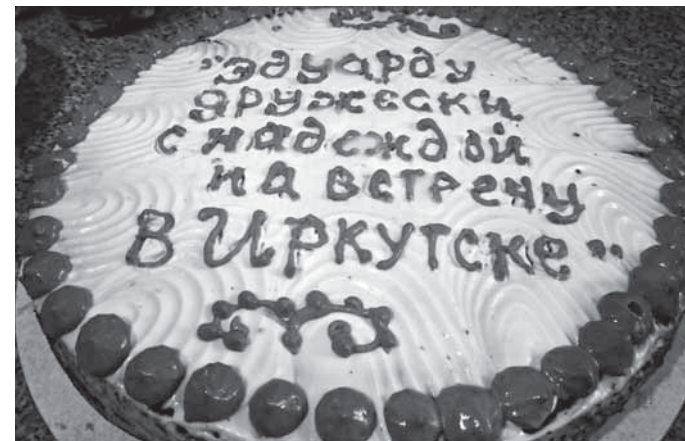
Особенный душевный подъём вызывали встречи с иркутянами и сибиряками. Однажды после обеда мне в номер позвонил дежурный и попросил выйти в холл гостиничного комплекса, сказав, что меня ждут посетители. Подумал, что это кто-то из читателей или коллег. Я был изумлён, увидев красивую женщину и молодого мужчину с роскошным тортом в руках. Это оказались известный иркутский модельер, ученица знаменитого Вячеслава Зайцева Людмила Васильевна Карелова и её сын Руслан, известный скульптор и ваятель ледяных фигур. Огромный именной торт гласил: «Эдуарду, дружески, с надеждой на встречу в Иркутске».

«Вы не удивляйтесь, – сказала женщина. – Я прочитала вашу статью о нашем любимом земляке Распутине. Вы в ней приводите автограф на подаренной вам книге “Прощание с Матёрой”, выпущенной к его 75-летию издательством “Геннадия Сапронова” у нас в Иркутске. И я испекла этот торт и перенесла на торт этот автограф. Торт из измельчённой иркутской черёмухи. Примите его, пожалуйста, вы же сибиряк, и этот торт передаст вам запах и вкус Сибири».

Проговорив это, хозяйка кулинарного чуда вручила мне торт, взяла сына под руку, села в машину да и была такова. Вконец изумлённый, я даже не помню, успел ли её поблагодарить! Так и остался стоять, как вкопанный, с тортом в руках, где кремом был нарисован один из распутинских автографов...

Номер, где мы жили с поэтом из Братска Владимиром Корниловым на празднике «Сияние России», сразу стал местом паломничества прозаиков и поэтов. Весть о торте разошлась мгновенно, многие приходили посмотреть на кулинарное чудо!

Однако торт под свою ответственность взяла моя любимая певица, друг Татьяна Петрова. Она попросила персонал ресторана, где мы питались, по-

Эпиграф Распутина попал на торт.

ставить торт в холодильник. Чтобы за праздничным столом всем писателям досталось по изрядному куску. А мне Татьяна Юрьевна подарила свой диск «Сто русских песен» с таким автографом: «Эдуарду – родному брату во Распутине на долгую дружбу. 1.10.2016 года. Иркутск».

В понедельник, 26 сентября 2016 года, мы, писатели, должны были посетить Некрополь Знаменского монастыря, побывать на могиле В.Г. Распутина, где должно было состояться открытие памятника. Накануне вечером я заказал букет бордовых роз, чтобы возложить их на могиле Валентина Григорьевича. Перед отъездом мне в гостиничный комплекс «Русь», где проживали писатели, букет цветов был доставлен.

Народу в Некрополе собралось много. Удалось лишь мимоходом пообщаться с сыном Валентина Григорьевича – Сергеем, младшей сестрой покойной Светланы Ивановны Евгенией Молчановой... Когда Владыка Ангарский и Иркутский Вадим закончил службу и с памятника упало покрывало, я немного оторопел – на могиле стоял огромный, из серого камня крест более похожий на европейский, нежели на православный – тот православный деревянный крест, который прежде стоял на могиле Валентина Григорьевича Распутина. Многие переглянулись и опустили головы. Знаю, что работу по изготовлению креста оплатил сын Распутина – Сергей. Сумма немалая. А вот кто автор проекта памятного креста русскому классику Распутину, так и не удалось узнать. Впрочем, если мы говорим о памятнике, то лучшим памятником великому печальнику земли русской – Валентину Распутину стали его прекрасные книги о России, написанные с такой правдивостью, что порой вызывали яростные споры, как всегда вызывает яростные споры русская правда, сказанная с гениальной простотой.

Я рад, что мне удалось довести в ценности и сохранности бюст Распутина, вылепленный заслуженным художником России, московским скульптором Николаем Селивановым. Теперь этот бюст красуется в Распутинской

комнате Иркутской областной библиотеки им. Ивана Молчанова-Сибирского. И у праздника «Сияние России» появилась новая традиция – все писатели-гости расписываются на колонне, что находится в этой комнате. Бюст мне был подарен самим скульптором Николаем Селивановым, знакомым со мной лично, по моим материалам о Распутине. Хотелось бы немного сказать об этом скульпторе-подвижнике русской культуры. Он автор бюстов всех выдающихся русских писателей – Василия Белова, Василия Шукшина, Владимира Солоухина, Михаила Алексева... Одних только «Есениных» в творческом активе Николая Селиванова 50 бюстов! Так что намерения Николая Селиванова увековечить русских словотворцев в камне не остаются просто намерениями, воплощаясь в великолепные работы. Бюст Распутина Селиванов передал мне через нашу общую хорошую знакомую – доцента кафедры филологии Тольяттинского государственного университета Елену Кайнову. И эта женщина, тоже немалая подвижница русской литературы, не сочла для себя обузой везти из Москвы, чтобы передать мне, это произведение искусства, впоследствии переданное мной землякам Валентина Григорьевича. Так бюст Распутина совершил путешествие по всей России – из Москвы через Тольятти и Самару – в Иркутск.

И всё-таки лучшим памятником Валентину Григорьевичу будет наша память о нём. Когда мы откроем его прекрасные книги, наполненные любовью к России и болью за неё, когда перечитаем пронзительные его повести, чтобы жить и помнить то, что завещал нам Распутин своими строками.

Открытие памятного креста на могиле Валентина Распутина.

Крик души

Тёплым августовским вечером, вернувшись в дом после вечернего купания в канале имени Москвы, что в десяти минутах ходьбы от Старбеево, и перекусив пахучей дыней с белым хлебом, мы с дочерью и внуком уселись в гостиной смотреть телевизор. Оля и я – на мягком диване, обтянутом цветным велюром, Ваня – в кресле поодаль. По первому каналу шла популярная развлекательная программа «Точь-в-точь». Один за другим современные певцы и певицы с тяжёлым гримом на лицах артистично перевоплощались в кумиров прошлого и исполняли их хиты. Я прикипела к экрану, поскольку на сцене появился Тото Кутуньо, которого я обожала с молодости. Конечно, не он, а кто-то из наших певцов, кто именно я не могла сразу вычислить – сходство было потрясающее. Бархатным голосом Кутуньо певец начал петь одну из самых популярных песен своего репертуара «L’Italiano» (Итальянец): «Lasciatemi cantare con la chitarra in mano, lasciatemi cantare una canzone piano-piano. Lasciatemi cantare, perché ne sono fiero, sono l’italiano, l’italiano vero».

Когда выяснилось, что это бывший клоун, а теперь известный шоумен Юрий Гальцев, дочь переключила ТВ на другой канал, где показывали новости – она беспокоилась о российском гуманитарном грузе, который так и не был доставлен в Донецк. Моя дочь, в отличие от матери, весьма чувствительная особа: всегда у нее слёзы на глазах, когда показывают военную хронику о событиях в Донбассе. В этот раз мы увидели передвижение танков ополченцев, интервью с женщиной, у которого при обстреле погиб сын первоклассник, страшные взрывы вдалеке, разрушенные дома, от которых остались лишь стены, старух, причитающих у развалин, плачущих матерей с маленькими детьми на руках.

– Мама, как могло такое случиться? – с болью в голосе сказала дочь. – И кто в этом виноват? Ведь мы с тобой столько раз бывали у бабушки на Украине, и ничто не предвещало этого ужаса.

Анна Дмитриевна Маякова – родилась в Донбассе. Окончила Московский Государственный институт международных отношений. Владеет несколькими иностранными языками. Член Союза писателей России и Союза писателей-переводчиков. Публикуется в различных сборниках, журналах, альманахах. Автор двух сборников трёхстиший «Свет сквозь тучи» (2013) и «Времена года» (2014), книги рассказов и эссе «Истории о мужчинах и любящем сердце» (2015), а также книги воспоминаний «Мозаика моей жизни». Дипломант литературно-общественной премии «Лучшая книга 2011-2013». За участие во II международной ассамблее писателей награждена Серебряным Крестом (2016).

Живёт в Москве.

– Доча (так называла меня мама в детстве), – отвечала я, с печалью глядя на красивое молодое лицо дочери, ещё не омрачённое жизненными бурями, – ответа у меня нет. В политике всё непросто, а я давно перестала ею интересоваться. Но ответ и ты на мой вопрос. Если бы мы жили в Донецке, и настали такие ужасные времена, когда матери с детьми и пожилые люди вынуждены прятаться в подвалах, словно крысы, когда в городе нет воды и продовольствия, когда человеческая жизнь ничего не стоит, что бы ты сделала?

– Я? – дочь сжала тонкие руки перед собой. – Я бы схватила сына и тебя и бежала в Россию.

– Понятно, – кивнула я и с любопытством продолжила свой «социальный опрос»: – А ты, Ванюша, – внук, пухленький московский мальчик в шортах, сидел, уткнувшись в модный планшет, на котором были записаны компьютерные игры, и играл в любимую всеми мальчишками «войнушку», – тебе одиннадцать лет, что бы ты сделал?

Внук оторвался от игры, открыл было рот, но моя учёная дочь упредила его ответ:

– Мама, он же ещё ребёнок и не может принимать ответственные решения. Для этого у него есть родители. А ты, – серьёзно взглянула на меня, – что бы ты сделала?

Помолчав минуту, нужно было собраться с мыслями, я сказала:

– Я бы пошла к ополченцам, попросила винтовку и стала бы снайпером.

– И ты бы стреляла в людей?! – на лице дочери отразилось удивление.

– В людей?! – переспросила я зло. – Разве это люди, убивающие стариков и детей, обстреливающие из пушек и разрушающие мой родной город, который во времена моей молодости называли городом миллиона роз?

– Да, помню чайные розы у оперы. Я наклонилась понюхать их, а меня за нос укусила оса. Было больно, и я плакала. После окончания первого класса ты привезла меня к бабушке на каникулы. Mam, только не кричи ты так, – сказала дочь примиряюще.

– Буду кричать! Это крик души! Донецк – моя родина! Ты не понимаешь, мне больно! – Я вдруг увидела округлившиеся глаза внука, никогда не видевшего меня в таком состоянии. – Да, больно! Это мои шахты, домны, и терриконы, и пшеничные поля! Там прошло моё детство и юность, там могилы моих родителей! А они всё это бомбят, уничтожают! – Вскочив с дивана, я продолжала: – Как-то папа повёз нас с братом в цирк-шапито, впервые приехавший в город после войны. Улица Артёма, где мы жили, была уже восстановлена. Но цирк поставил свой шатёр на окраине города, и я впервые увидела ещё не восстановленные руины. Теперь я вижу эти руины вновь! Тогда разрушали немцы-фашисты, захватчики, теперь же – свои, братья-украинцы!

В моей душе всё бушевало. Всплыл в памяти комсомолец из фильма моего детства, рванувший на груди тельняшку и крикнувший во весь голос немцам: «Я комсомолец! Стреляй!» Я вдруг ощутила себя такой же комсомолкой, готовой отдать жизнь за родной город, за Родину. А члены «Молодой гвардии»? Разве они колебались, когда нужно было убрать часового? Война диктует свои законы, а в Донбассе идёт настоящая война. Нет, я бы не струсилась, не бежала, но пошла бы защищать свой город от непрошенных гостей. Тут я горько зарыдала, закрыв лицо дрожащими руками, моя голова упала на грудь, и я, вдруг прейдя на шёпот, с трудом выдавила из себя: – Вот только возраст не тот, и никто не даст мне винтовку...

Дочь стала рядом, тепло обняла за плечи, прижалась. Её глаза, такие родные, были полны сочувствия. Внук не шелохнулся в своём кресле и не произнёс ни слова.

– Мама, успокойся! Тебе нельзя волноваться. Пойдём, я дам тебе лекарство. Война далеко, побереги себя.

Побереги... Да, это уже не моя война. Мне повезло – в отличие от своих бывших одноклассниц, прячущихся от снарядов в подвалах, я живу под мирным небом, русским.

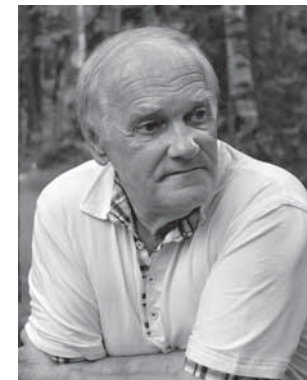

ПОЭЗИЯ

Юрий РЫЧЕНКОВ

Юрий Алексеевич Рыченков – член Союза писателей России. Награждён Золотой Есенинской медалью. Дипломант литературной премии имени Н.А. Некрасова «За вклад в сохранение народной традиции в русской поэзии». Победитель Международного конкурса «Литературный Олимп» в номинации «Поэзия» Лиги Писателей Евразии. Автор двух поэтических книг: «В объятьях памяти», «Иду осенним полем...» и многих поэтических сборников. Автор рецензий и критических статей.

Живёт в Москве.

От первого лица...

Напророчил...

(Стихотворное эссе
Григорию Родоману)

...В одном уверен я вполне,
Что в час отчаянья глухого
Ты вновь придёшь на помощь мне.

Ю. Рыченков

I

Со мной случилась незадача...
В Орудьево, у нас на даче,
Есть небольшой заросший пруд,
И потому, как подобает,
В погожий день окрестный люд
Толпится там семейной стаей.
И крик восторженных детей
Пугает сонных пескарей...

То лето жаром полыхало, –
Давно такого не бывало.
Слепни под солнцем озверели,
Дурманит запахом полынь.
И без дождей пожухла зелень,
А небеса – сплошная синь.
И ясно, чтобы не загнуться,
Немедля нужно окунуться.

Велосипед всегда под боком,
И пруд желанный недалёко.
Вот только тут одна беда –
Ездок должен быть дюже ловким:
По этим рытвинам езда,
Как по канату без страховки,
Но, слава Богу, мы не раз
Уже являли высший класс.

И вот в пыли и жуткой тряске
В путь подались по воле страсти.
И потому – сомненья прочь,
Охота ведь неволи пуще.
Когда крутить уже невмочь,
Вкатили на берег цветущий.
И, может, волею судьбы
«Мой конь» поднялся на дыбы.
От этой выходки в итоге
Я распластался на дороге,
Подмяв собой велосипед.
Мизинец хрустнул словно спичка,
Но в довершение всех бед
Похуже вышла «закавычка»:
«Паршивец» свой блестящий рог
Подставил мне под правый бок.

С расстройства всё же окунулся...
А палец к вечеру раздулся
И подстегнул меня в Москву.
И там к врачу пришёл страдалец,
Неся на брюхе синеву.
Увидев, врач, забыв про палец,
Сестре скомандовал: «Вези
Его скорее на УЗИ».

По синеве там датчик плавал,
А после доктор моложавый,
И получаса не прошло,
Сказал: «Похоже, мышцы целы.
На этот раз вам повезло,
Синяк пройдёт, живите смело».
О пальце промолчу зараз –
О нём пойдёт другой рассказ...

II

Год пролетел, наверно, с гаком.
О происшествии однако
Напомнил мне мой правый бок:
Боль постепенно накатила,
В паху кинжал, и мир поплёк,
И даже уши заложило.
Не вдруг вначале, а потом,
Как в ясный день внезапный гром.

Пришёл я к другу Алексею,
Мол, так и так: терплю, болею, –
Его я знаю много лет.
Мой друг, по-моему, всё знает,
Всегда на всё найдёт ответ.
Он головой слегка качает
И говорит: «Наверняка
Тебе мешает жить кишка.

Не трусь! Уймём твои мы громы.
Надеюсь, понял идиому?
Своё уныние ты спрячь,
И не придётся ехать в Ниццу.
Тебе поможет Главный врач
Екатерининской больницы,
Он, правда, всем необходим,
Но мы его уговорим».

Высокий пост и дел по горло.
Комиссий наплодилось прорва,
И проверяет каждый «чих»
С усердием контролёр завзятый.
Не сосчитать бумаг пустых,
И все пугают срочной датой.
Ну, где тут время отыскать,
Чтоб дело жизни продолжать?

Профессор нас любезно принял,
Взглянул и говорит: «Отныне,
Как только выберу момент,
И годовые сдам отчёты,
Ты наш законный пациент –
Тебе вниманье и забота.
Ну, а пока умерь свой раж
И поноси чуток бандаж».

В ортопедическом салоне
Нашли немецкого фасона
Мне аккуратный пояс, –

Телесный цвет и очень ноский,
Но от него тогда лишь прок,
Когда наденешь «встав на мостик».
И надоел он мне – нет сил!
Бывали дни, что чуть не выл.

Срок подошёл, и вот больница,
Кругом знакомые всё лица.
Друзья слышали мольбу:
Покой в палате и прохлада,
И греет горькую судьбу
То, что цветы и книги рядом.
Вот только знает новосёл,
Что завтра гольшом на стол.

III

И вот доехали до цели.
Укол – и ноги потеплели.
И врач: «Желаете поспать?» –
А я в ответ: «Ну, если честно:
Хотелось бы понаблюдать,
Да и послушать интересно». –
И слышу: «Коль охота – бди».
Но шторка встала на груди.

Хирург, войдя, ко мне нагнулся:
«Привет», – и вроде улыбнулся
И тут же к делу приступил.
И лазер режущий зафыркал.
А я, не думая, спросил:
«Ну, как, ещё не видно дырку?» –
«Какой ты быстрый, погоди, –
Хирург в ответ, – всё впереди».

Втроём копаются усердно,
Возникли сложности, наверно,
А мне бы это ни к чему –
Уж больно бодро начинали.
Но что случилось – не пойму:
Мешок какой-то потеряли.
И вдруг: «Суши, суши!» – Хоть плачь:
Откуда там японский харч?

О, если б мог, заткнул бы уши,
Ну, невозможно это слушать.
Вдруг голос: «Вот он, дорогой.
А здесь ещё сидит липома –

Канал прижала семенной!
Как говорится – тут все дома, –
И мне, – смотри, что мы нашли,
Ах, жаль, успели, унесли».

Путь позади извилист, долог.
Стал у врача довольным голос –
Для ассистента, словно маг:
«Стоп, не тяни, прижали. Села!»
Так не спеша, за шагом шаг,
Пристроил сеточку умело.
«Всё, – говорит, – почти здоров,
Проси Татьяну сделать шов».

Затем легко сорвал перчатки,
Молодцеватый и опрятный,
И говорит: «Ну, что, поэт,
Приход был вовсе не напрасен,
Того дефекта больше нет,
Который жизнь тебе колбасил.
Шов зарастёт – пляши чарльстон».
И, улыбнувшись, вышел вон...

IV

Когда мы встретились намеренно,
Я был ещё немного бледен,
Профессор вид мой похвалил –
Жаль, редко у него бываю –
И я ему здоровья, сил
На много долгих лет желаю..
Я дружбой долгою горжусь,
Но в стих вставлять остерегусь...

Всё по науке

*Алексею Коротяеву
(наследственная медицина)*

Анамнез

Я в деда: он провизор был
И, говорят, неплохо жил,
И пожелал, конечно, сыну
Идти туда же, в медицину.

Но всем известно, что бывает,
 На них природа отдыхает.
 Сын сделал, как отец просил,
 Но вот лица не сохранил.
 Испортил всё один момент,
 Сказать точнее – ингредиент:
 Уж больно часто попадался,
 И сын в любви ему признался,
 Короче, до смерти влюбился,
 А если проще – просто спился.
 И все дела пошли насмарку,
 Не удержал отцову марку.

Тут понял я, что, видно, внуку
 Придётся укреплять науку.
 Поскольку я вина не пил,
 То в медицинский поступил.
 И жизнь пошла – не жизнь, а рай,
 Случалось даже через край.
 И успевали всё: учиться,
 Гулять, работать и жениться.

И как-то незаметно – глядь,
 Настало время выбирать,
 К какой мне кафедре прижаться.
 Тут должен вам, друзья, признаться,
 Что крови с детства не терплю,
 Чуть где увижу – ночь не сплю.
 Не став раздумьями терзаться,
 Стал терапевтом называться.

Для терапевта нет полезней
 Знать диагностику болезней.
 Как говорит наш диагност,
 Секрет неимоверно прост:
 Чтобы любую хворь понять,
 Её симптомы нужно знать.
 Болезнь их кажет, вроде дули,
 Но каждой дуле – есть пилюля.

Вот тут ко мне пришла беда:
 Я все симптомы у себя
 Нашёл без всяких исключений.
 Пришла пора тревог, сомнений:
 Что если у меня реальный
 Туберкулёз абдоминальный?
 Или ещё похлеще – вона!
 Синдром того же Мендельсона?

Какая к чёрту тут наука,
 Читать учебник стало мукой,
 Что ни страница – приговор:
 То диарея, то запор,
 Болезни сердца и артерий,
 Артрит, пелагра, бери-бери.
 Я точно знаю, что не вру:
 Я болен всем, и даже спру!

Смотреть я на себя без слёз
 Не мог, и в деканат принёс
 Бумажку с просьбой отпустить:
 Ещё семестр – не пережить.
 Всё сдал: колпак, халат и книги,
 Как будто снял с себя вериги,
 И в день, когда всё подытожил,
 Вы не поверите – я ожил!

А дальше, всё, как у людей:
 Женился быстро, без затей.
 Потом – и тут не надо книжки –
 Само собой пошли детишки.
 И помню, кажется, мечтали –
 Мою жену Марусей звали, –
 Ругались, не ломая дров,
 Но главное скажу – здоров.

Я, в общем, с детства был не смел,
 И много в жизни не умел,
 А тут – пока недуг не мучит –
 То жизнь – она всему научит.
 Закончен бал, погасли свечи,
 И всё легло на эти плечи:
 Пришлось готовить, мыть, стирать,
 Играть, читать и пеленать.

Вначале я от счастья пел,
 Потом охрип, потом терпел,
 Потом поплыл: сломался стапель,
 И я, как батя, с горя запил.
 Здоровье как-то вдруг пропало,
 Вчера особенно прижало.
 Имею снова бледный вид:
 Всегда чего-нибудь болит.

Бывает, временами – жуть!
 Как будто кто – ногой на грудь.
 Спросил студента я, араба.
 Он говорит: «Похоже, жаба».
 Я аж присел: вот недоучка,
 Чему их только в вузах учат.
 А то, как будто выстрел в спину,
 Эх, зря я бросил медицину...

Лечение

Рассказ закончил мой сосед –
 Любитель пчёл и краевед.
 Мы с ним соседствуем на даче,
 И я заметил, что иначе
 Он как-то стал смотреть вокруг.
 Не к месту засмеётся вдруг
 И вслед тихонечко заплачет,
 А то возьмётся фордыбачить...
 Такая вышла незадача:
 Обжил чуток другую дачу,
 Где тишина и гигиена.
 Виной всему отцовы гены,
 Но, слава Богу, полон сил.
 Вчера его я посетил.
 Сосед таинственно сказал,
 Что он меня почти узнал...

Эпикриз

Недавно вышел – не сбежал,
 Он там, где рядом пруд лежал.
 Здоров. Читает день и ночь
 Свой эпикриз. Просил помочь.

С трудом прочли начало – «вяло»,
 Потом «теку», каракуль слалом,
 А дальше их – ну, прям стихия,
 И на конце три буквы «ния».

P.S.
 Как ни старались мы – хоть плачь,
 Не разобрали – нужен врач.

Подарок из Китая (шутка по заказу)

Канькину А.И.

Раз студентка МГУ,
 За немалую деньгу,
 Заработанную честно,
 Побывала в Поднебесной.
 Чтоб понятие иметь,
 Захотелось посмотреть,
 Как же в этом мире райском,
 Расплодись, живут китайцы.

И потом, соблазн велик
 Подтянуть чужой язык:
 Там ведь даже среди ночи
 По-китайски все лопочут.
 Всекитайский семинар
 Все сдают и млад, и стар,
 И притом, что очень ценно,
 Чешут ловко без акцента.
 И ещё, в короткий срок
 В меру сил узнать Восток.
 Выйдешь на люди – и вона:
 Маски, пагоды, драконы,
 В небо ткнулись, как зубцы,
 Современные дворцы!
 Говорят, что даже Будда
 Называет это чудом.

В общем, есть на что взглянуть...
 А вокруг китайцев – жуть!
 С ранней рани непоседы
 Жмут педаль велосипеда.

Тем, кто жиром перегружен,
 Быстроногий рикша служит.
 Остальные – не в парче –
 С коромыслом на плече.

Все торопятся куда-то...
 Разузнали всё про атом
 И, похоже, всем гуртом
 На луне построят дом.
 Год за годом, тихой сапой
 Приручили дикий Запад,
 И китайский сувенир
 Покорил огромный мир.

Впрочем, я слегка отвлѣкся...
Там на площади толкся
Удивительный базар,
И диковинный товар
Бесконечными рядами
Там лежал. Ходя кругами,
Покупатель, щуря взгляд,
Брал на память всё подряд.

И студентка для начала
Покупала покрывало.
«Сколько стоит», – говорит.
Продавец глаза косит
И в ответ, мол, россияне
Платят тысячу юаней,
И, поверьте, не дурна
Эта скромная цена.

Призадумалась студентка...
Говорит, склоняясь почтенно,
Подбирая нужный слог,
Не спеша, чтоб точно смог
Собеседник в красной майке
Разобрать её китайский.
И на чудо тот старик
Понял собственный язык.

Растянул в улыбке губы:
«Подойди ко мне, голуба».
Быстро с коврика привстал,
Аккуратно приобнял,
Изловчился и искусно
Прошептал на чистом русском:

«Коль такой имеешь дар,
Получай тряпицу в дар.

А теперь душа-девица
Поезжай к себе в столицу,
На Пречистенку зайти –
Да не жди: пойдут дожди –
От меня с большим приветом,
Расскажи о встрече этой...
Знает тут его любой
За Китайскою стеной!»

ПРОЗА

Сергей КАЛАБУХИН

Ведьмак

Злой как чёрт я ввалился в вонючую духоту
поселкового магазина. В этот послеобеденный час
в нём почти никого не оказалось, только молодень-
кая продавщица доставала из ящика бутылки с
водкой и заполняла ими пустые полки, да у при-
лавка маялся какой-то маленький, похожий на
бомжа мужичонка.

– Где у вас тут сорок восьмой дом? – рявкнул
я с порога.

Очередная бутылка выскользнула у девушки
из рук, и запах разлитой водки моментально за-
глушил все остальные.

Сергей Владимирович Калабухин – родился в 1958 г. в городе Коломне Московской области. Окончил Московский инженерно-строительный институт им. В.В. Куйбышева. Верный приверженец дефицитного ныне жанра научной фантастики. Наряду с фантастикой пишет реалистические рассказы и яркие публицистические статьи. Печатался в газетах, журналах и интернет-изданиях России, США и Финляндии. Автор пяти книг. Награждён Почётным дипломом имени А.Т. Твардовского МГО СПР. Лауреат Третьего всероссийского фестиваля «Господин Ветер». Награждён медалью «И.И. Лажечников». Член редколлегии «Коломенского альманаха».

Живёт в Коломне.

– Ты что, мужик, очумел? – повернулся ко мне недомерок. – Рази ж можно в такой момент под руку говорить?

– Извините! – раздражённо буркнул я застывшей продавщице. – Я заплачу за разбитую бутылку, только ответьте на мой вопрос.

Та молча взяла веник и начала заметать осколки.

– Понятно... – процедил я. – Посёлок сплошных партизан! Вот только я не из гестапо, а вы не на допросе.

Я повернулся к жадно приносивавшемуся «бомжу».

– Может, ты проводишь меня к сорок восьмому дому? Пузырь за мной.

– Серый, ты? – неожиданно заулыбался тот. Его зубы напоминали остатки полуразрушенного гнилого забора, окружавшего покосившуюся голубятню рядом с поселковым магазином. – Вот так встреча! Это ж я, Толян. Мы с тобой в детстве в одном доме жили, на Ленина, помнишь? Только я в первом подъезде, а ты в четвёртом.

– Толян? Извини, что-то не припомню. Я жил когда-то на улице Ленина. Но...

– Клава, дай-ка нам пару бутылок «Кристалла». Ща мы с тобой, Серёга, раздавим эти пузырьки, и ты всё вспомнишь.

Я полез за портмоне, но Толян возмущённо отмахнулся и, достав несколько смятых бумажек из кармана грязных драных джинсов, бросил их на прилавок. Продавщица с непонятной мне ненавистью сунула моему неожиданному знакомцу две бутылки водки, как-то брезгливо, даже с отвращением, взяла его деньги и положила в кассу. На меня она старалась не смотреть.

В дом Толян меня не пригласил. Мы устроились в саду, за старым железным столиком под цветущей яблоней. Смахнув рукавом грязной водолазки хлопья облупившейся краски и прочий мусор, Толян расстелил газету, придавил её по краям консервами и банками с соленьями, сноровисто порезал крупными кусками хлеб.

– Ну что, за встречу? – наконец перестал он суетиться.

– За встречу, – согласился я, хотя так и не смог его вспомнить.

– Двадцать лет прошло, – захрустел огурцом Толян. – И я бы тебя не узнал, если б...

Он не договорил и начал разливать по второй.

– Слушай, Толян, что за народ тут у вас в посёлке живёт? Поверишь, кого ни спрошу, где этот чёртов сорок восьмой дом, никто не отвечает! Шарахаются, как от чумного. А номеров на домах нет. Ты-то хоть покажешь?

– Это ты верно сказал: чёртов дом. Зачем он тебе?

– Да вот, жена прочла объявление в газете. Хозяева предлагают продать или обменять на квартиру в городе. А ей уж очень хочется огород завести, живность всякую. Мне этого не понять, я в городе вырос, а она – деревенская. В деревню я бы ни за что не поехал, а сюда, в посёлок, можно.

– Моя тоже деревенская была, – загрустил вдруг Толян. – Это её дом. Сам помнишь, как трудно было тогда с жильём. Вот я и попал сюда, в примаки. Да особо и не сопротивлялся. Мне с Любашей моей и в шалаше был бы рай. Теперь один вот кукую. Давай за наших жён!

Мы выпили. Я не стал спрашивать Толяна, что стало с его Любашей. По всему видно, что он давно уже живёт один. Огород зарос сорняками, никакой живности во дворе не видать, одет Толян, как бомж, давно небрит и немывает. И дом выглядит таким же неухоженным и пустым, как хозяин. И даже

крыша так же криво накрывает почерневшие брёвна стен, как засаленная кепка голову Толяна.

– Далеко отсюда сорок восьмой дом?

– Рядом, – хмуро ответил Толян, яростно взрезывая тупым ножом какую-то рыбную консерву. – Только тебе там искать нечего.

– Почему это?

– Потому. Скажи своей жене, что дом тот давно продан. Это когда-то здесь была деревня – «Протопопово» называлась. А теперь город вокруг, трамвай ходит, и мы сейчас – «посёлок имени Кирова», да и то только по названию, а по факту – городской район. «Новые русские» как обезумели. Скупают дома и участки, дворцы строят, газ с электричеством провели, телефонный кабель тянут. Ко мне вон тоже регулярно подкатывают, гады! То золотые горы сулят, то утопить пьяного в колодце грозят или сжечь в доме – всё одно, говорят, твою развалюху сносить!

Толян слил остатки водки в свой стакан и быстро выпил.

– Ты сюда, Серёга, больше не приезжай. И жене своей втолкуй: пусть ищет дом где угодно, только не в нашем посёлке. А лучше оставайтесь в своей квартире.

Толян проводил меня до трамвайной остановки.

– Прощай, Серёга. Так и не вспомнил меня? Ладно, я не обижаюсь. А школу нашу спортивную помнишь?

– **Т**яни носок! – Громкий шлепок, и я чуть не падаю от жгучей боли с турника. Сквозь выступившие слёзы вижу, как тренер, идя по залу, щедро раздаёт шлепки и ругательства. Почему он был так груб и жесток с нами, мальчишками и девчонками, пришедшими к нему учиться спортивной гимнастике? Натура у него была такая, или просто срывал на отданных в его власть безответных детей своё дурное настроение? А хорошего настроения у этого человека никогда не было. Вымещал на нас обиду за собственную неудавшуюся спортивную судьбу? Или неудачи в личной жизни? А, может, это был общепринятый тогда метод, стандарт спортивного воспитания молодёжи? В восточных боевиках мастер-азиат часто бьёт своего ученика бамбуковой палкой, когда тот что-то неправильно делает. Но этот ученик – уже здоровый мужик, пытающийся стать «круче» своего «близнеца-злодея», а не десятилетний ребёнок. Неужели, жестокость и побои – метод воспитания спортсмена?

Через несколько лет, уже будучи студентом института и посещая занятия по гимнастике, а затем по тяжёлой атлетике, я ни разу не видел, чтобы тренеры кого-нибудь били, оскорбляли или даже просто повысили голос. Но было уже поздно: между детской спортивной школой и институтом пролегли годы без спорта, определившие мою судьбу. Спорт перестал меня привлекать. И не только грубиян-тренер был тому причиной.

Наша детская спортивная школа занимала здание церкви Петра и Павла на старом купеческом кладбище. Кроссы мы бегали вдоль красивой кирпичной стены, порой прыгая через могилы. Отдыхали сидя на поваленных мраморных надгробиях, рассматривая непривычные надписи с ятями и фитами о «рабах Божиих». Могилы нас не пугали.

Несмотря на грубость и побои тренера, я продолжал ходить в спортшколу. Но город рос, и старое купеческое кладбище неожиданно оказалось в его новом «центре», причём власти именно здесь решили построить здание горсовета. Партийное и городское начальство не желало наблюдать из окон своих кабинетов кладбище явных врагов советской власти: купцов и именитых горожан дореволюционного периода. Было решено кладбище «перенести» и создать на этом месте мемориальный парк с аллеей героев, скульптурой Родины-матери и «вечным огнём». Мраморные надгробия были снесены, «лишние» вековые деревья выкорчёвывались. Экскаватор рыл огромный котлован под мемориал. Рабочие несли жёнам найденные в могилах старинные монеты, кольца и перстни, а пацаны тащили в свои дворы черепа и кости. Несколько дней на крышах многих домов щёлкали на ветру челюстями надетые на телевизионные антенны черепа, вызывая восторг у дворовых банд. Мы, дети, не понимали всего ужаса происходящего. Взрослые молчали, но кто-то всё же лазил по ночам на крыши и снимал черепа. А днём пацаны приносили со «стройки» новые и насаживали на антенны.

Спортивная школа в помещении церкви Петра и Павла была ликвидирована, и вместо неё там создали музей боевой славы. Через несколько лет я принёс сюда ордена и медали деда, но директор отказался их принять, так как я не мог ничего рассказать о военных подвигах, за которые были вручены эти награды. Дед никогда не рассказывал мне о войне. И в этом музее для его орденов и медалей не нашлось места. С тех пор я в него никогда больше не зашёл. А награды деда висят у меня дома на стене, на самом видном месте.

— Серый, ты? Опять?

— Привет, Толян. Вот приехал. Ты, ведь, меня обманул в прошлый раз. Дом-то, сорок восьмой, до сих пор не продан. Жена опять объявление в газете прочла.

— Что ж, видно не зря судьба нас с тобой опять свела. Не ходи ты туда. Я ж тебе говорил: ищите себе дом где угодно, только не в нашем посёлке.

— Да почему?!

— Посмотри на меня, — Толян снял кепку. По его совершенно лысой голове змеились страшные шрамы. — Видишь, что со мной тут стало? А Любаша моя, дети наши — вообще сгнули! И не только они. Думаешь, почему тебе никто дорогу к тому дому не показывает? Не задумывался, почему этот проклятый дом никак постоянного хозяина найти не может? Почему за дом с огромным участком практически в черте города, а не где-то за пятьдесят километров в захолустной деревушке, просят так мало?

— Чего ты меня пугаешь? Чем? А что мало просят и обменять на квартиру согласны, так в газете прямо написано: дом требует ремонта. Вот я и хочу посмотреть, в каком он состоянии, что за участок. Чего ты так возбудился-то, Толян?

— Да, мотыльки летят на свет свечи, а попадают в её огонь. Пойдём, Серёга, возьмём у Клавы пару пузырей, закусь какую-нибудь. Я расскажу тебе всё, что знаю и помню про тот дом. А там решишь, захочешь ли ты его смотреть...

На этот раз мы сидели в доме. Небо с утра хмурилось, и теперь по железной крыше гулко хлестал дождь. Электричества Толян так и не провёл, окна

почему-то были наглухо закрыты ставнями, и мы сидели в жёлтом круге света допотопной керосиновой лампы.

— Ну что, так и не вспомнил меня?

— Извини, Толян. Дом на Ленина помню, школу спортивную тоже...

— Ладно, не ломай голову. Щас раздавим первую, я тебе такой «маячок» зажгу...

Пока хозяин готовил стол, я постарался немного осмотреться. В колеблющемся свете керосиновой лампы многолетняя грязь, пропитавшая некогда пёстрые домотканые дорожки половичков, смотрелась каким-то абстрактным узором. Печь зияла открытым «ртом», полным слежавшейся золы и какого-то мусора. Её когда-то белые стенки покрывали серые разводы пыли, паутины и отпечатков ладоней, по-видимому, пьяного хозяина и его гостей. За печкой виднелась широкая двуспальная кровать, от которой воняло несвежим бельём. Судя по виду, это бельё не менялось несколько лет и впитало все возможные выделения пьяного хозяина.

— Давай откроем окошко? — предложил я. — Тут у тебя явно не хватает озона.

— Нельзя. У меня ставни забиты намертво гвоздями. Потерпи, скоро привыкнешь. А дождь кончится, тогда, если захочешь, в сад переберёмся, под яблоню.

— Ну, рассказывай, — закусив первую, попросил я. — Давай свои «маячки».

— Торопись? Школу спортивную, говоришь, вспомнил? А помнишь, почему ты перестал в неё ходить?

— Так ведь закрыли её! Кладбище снесли, мемориальный парк там теперь.

— Да, понятно теперь, почему ты меня никак вспомнить не можешь. Я догадывался, потому и не обижаюсь. Наливай! Ух, хороша, зараза! Повезло: не подделка попалась. Настоящая, «кристалловская». Так вот, Серёга, школу нашу спортивную тогда вовсе не закрыли, а перевели в другое место. Но ты в новое помещение ни разу не пришёл. Заболел ты сильно, после того, как на наших глазах склеп вскрыли. Помнишь?

На кладбище было несколько склепов. Этот стоял в стороне от других, прилепившись к кирпичной ограде, и даже простых могил рядом с ним почему-то не было, хотя в иных местах холмики теснились чуть ли не вплотную. В отличие от прочих склепов и надгробий, на этом не было привычных нам надписей: «Здесь лежит раб Божий...» или «Покойся с миром...». Только имя и фамилия. Мы совершенно спокойно лазали в другие склепы. Железные двери и решётки с них давно уже были сняты и сданы пионерами на металлолом. У этого склепа дверь висела, хоть замок и был давно сорван. Никто из нас почему-то не мог заставить себя открыть эту ржавую дверь и войти внутрь. У любого смельчака, пойманного на «слабо», в последний момент отказывали ноги, сердце сжималось от непонятного ужаса, а тело покрывалось мурашками. Кроме того, мы откуда-то точно знали, что внутри всегда полно змей, хотя никогда их не видели вползающими туда или выползающими оттуда. Каких только ужасов не рассказывали мы друг другу о «вампирах из склепа», отдыхая между кроссами на поваленных надгробиях. Поэтому, когда кладбище начали «переносить» и бульдозер зарычал рядом с загадочной постройкой, вся наша школа, включая мрачного тренера, бросив занятия, сгрудилась поблизости.

Надо сказать, что власти не все могилы пустили под бульдозер и экскаватор. У многих захороненных на старом кладбище нашлись живые родственники, которым «было оказано содействие» в перезахоронении «буржуев» на новом кладбище. Нашлись такие родственники и у «вампира».

Склеп действительно оказался заполнен змеями, и бульдозерист сначала плеснул внутрь ведро солянки и бросил горящую тряпку. Когда с гадюками было покончено, солнце стояло уже в зените. Но главное препятствие ждало рабочих впереди. Крышка огромного саркофага оказалась примурована раствором по древнему русскому рецепту, по которому была построена кирпичная ограда вокруг кладбища и сама кремлёвская стена. Открыть саркофаг оказалось невозможно, а разбить не позволяла теснота помещения. Выволочь саркофаг наружу не давала узкая дверь. Видимо, склеп был построен уже вокруг захоронения. Были остановлены работы по разрушению «лишних частей кладбищенской ограды», и стенобитная машина начала крушить склеп.

День клонился к закату, первую смену рабочих сменила вторая, набежали тучи, и вскоре заморосил мелкий противный дождь. Но толпа зрителей не расходилась. Наоборот, она увеличилась за счёт пришедших с работы мужчин и женщин и присланных властями города милиционеров.

Наконец матерящиеся рабочие разгребли обломки с огромным трудом разрушенного склепа и начали долбить кувалдами крышку саркофага. Толпа, сминая жидкую цепочку милиционеров, придвинулась поближе, оттеснив нас назад, и мы полезли на уцелевшие кладбищенские деревья, чтобы не пропустить ни одной подробности. Бульдозер и экскаватор давно утихли. Люди стояли молча. Шелест дождя не мог заглушить грохот кувалд. Ветви дерева были скользкие, мокрые листья противно липли к лицу и рукам. Мы с Толяном успели занять самые лучшие места и теперь сидели, как в театре, разве что тряслись от сырости и нетерпения. Саркофаг был прямо под нами.

И вот, наконец, крышка разбита и удалена вместе с гнилыми остатками гроба. Народ ахнул, увидев вместо скелета сморщенную мумию, к тому же лежащую на животе!

– Ироды! – заахали женщины. – Живьём бедолагу похоронили.

Хмурые родственники, скользя в мокрой жиже земли и мусора, расквашенной техникой и сапогами рабочих, кинулись переносить мумию в приготовленный гроб. Крик ужаса чуть не сбросил нас с дерева. Голова мумии осталась лежать в саркофаге. Она оказалась отрублена! В рот был вбит деревянный кол.

– Оборотень! – завизжали в отхлынувшей толпе.

Передние ломались назад, задние напирали вперёд, желая своими глазами рассмотреть происходящее. Один из родственников торопливо схватил голову мумии и понёс к гробу. И тут голова открыла глаза. Судорожно всхлипнул рядом со мной Толян. Жёлтые глаза со змеиным вертикальным зрачком уставились прямо на меня.

– Ведьмак! – истошно заголосила какая-то женщина, и я тяжело рухнул с дерева вниз...

– Ведьмак... – прошептал я.

– Вспомнил, наконец, – довольно ухмыльнулся Толян и разлил по новой.

– Вспомнил. Мы с тобой на одной ветке сидели...

– Да, знатно ты тогда шмякнулся! Прямо на того бедолагу, что голову отрубленную нёс.

– Но почему же ты мне потом ни разу не встречался?

– Ты, Серёга, тогда несколько дней в больнице без сознания пролежал, потом болел долго, а когда выздоровел, твои родители уже с нашего двора переехали куда-то.

– Точно! Я ж после Ленина на Советской жил. Новый двор, новая компания, новая школа. И вместо спортивной меня, помню, в музыкальную записали. Надо же, столько лет не вспоминал этот отрезок своего детства. Серьёзно, видать, доктора надо мной поколдовали!

– Это, Серёга, не доктора колдовали. Это он.

– Кто?

– Да ведьмак же!

– Погоди, Толян, ты о чём?

– О том. Я ж об этом тебе с самого начала толкую, а ты никак не поймёшь! Здесь он, в том самом сорок восьмом дому обитает.

– Ты что, очумел? Или водяры перепил? Он же труп давно.

– Был труп. А теперь живее всех живых. Давай ещё по одной. Ты хоть знаешь, кто такие ведьмаки?

– Ну, читал, в кино видел. Бьются с чудовищами, защищают людей...

– Читал он, кино смотрел, – процедил Толян. – Не то ты читал, Серый, и не то смотрел. Ведьмаки, как и ведьмы, говорят, бывают добрыми. Но это редкость, как те белые вороны. Настоящая сущность ведьмака – зло! А добрые, наверно, только в твоих книжках бывают или в сказках. Эти твари – настоящие оборотни. Могут превращаться в кого угодно. Я даже не представляю, каков их настоящий облик. Может, они и не люди вовсе, а какие-нибудь драконы или ещё кто. Все ведьмы подчиняются ведьмаку, потому что он гораздо сильнее любой из них. Ведьмак может дунуть человеку в рот, и у того выпадут все зубы, посмотреть в глаза таким взглядом, что человек тотчас заболеет и умрёт. Ты, вот, выжил. Видать, у мумии не те силы, что у живого и здорового ведьмака.

– И ты говоришь, он здесь?

– Здесь. Крематория у нас нет, а жечь мумию на костре родственники побоялись. Властей побоялись, идиоты, не ведьмака! Привезли мумию сюда, в посёлок, и похоронили на местном кладбище. А через несколько лет, когда гроб прогнил, и на мумию стала лить после дождей земляная жижа, эта тварь ожила, набралась сил и выбралась из могилы. И голова у неё приросла на место!

С тех пор ведьмак стал пожирать местных жителей. А те молчат! Страх не даёт им бежать отсюда, а тем более рассказать кому-нибудь вне посёлка о чудовище. Да и кто им поверит? Они и между собой-то никогда не говорят об этой нечисти.

Когда я сюда переехал, ведьмак сожрал уже всех родных моей Любаши. А она мне об этом ни слова! Прям гипноз какой-то. Я спрашиваю, где твои родители, она мне в ответ, мол, уехали к родичам погостить. Недели проходят, месяцы – от них ни одного письма! А Любаша и не волнуется. Я удивляюсь, а она говорит: «Радуйся, что никто в нашу жизнь не лезет. Разве плохо нам вдвоём?»

Годы прошли, детишки у нас родились, близнецы – Саша и Маша. Как стали бегать по посёлку, так он их и пожрал! Тогда только мне Любаша всю правду и открыла.

Я – в милицию. Участковый у нас из местных был, Пашка Лось. Здоровенный детина, под два метра ростом. Очень волейбол любил. Каждый день с компанией себе подобных мячиком перебрасывался. А бумаги заполнять для него сущей мукой было. Так он, ежели кто хулиганил, со всей своей волейбольной кодлой приходил и так нарушителя отделявал, что тот потом несколько дней пластом лежал. Зато начальство Пашку уважало. Наш посёлок по всем показателям в передовые вышел, а Пашку у нас забрали – на повышение пошёл.

Ну вот, пришёл, значит, участковый к нам, а дети во дворе играют! Пригрозил мне Пашка морду набить за такие шуточки и пошёл дальше мячик через сетку перекидывать, а вместо детей передо мной уже ведьмак стоит и зенки свои змеиные щурит. Жди, говорит, как только твоих детёнышей переварю, за женой твоей приду. А я стою, как каменный. Хочу бежать, ноги не слушаются. Язык примёрз – слова в ответ сказать не могу. Целый час так простоял, как статуя.

Уговорил Любашу бежать, но как только за посёлок выйдем, ноги сами назад нас несут. И так тут со всеми! Сколько народу в посёлке ведьмак пожрал, никто не ведает. Ежели кто пропадает, родственники говорят, мол, уехали то ли на заработки, то ли к дальним родственникам. К властям никто и не суётся. Так и живём.

– погоди, Толян, а как же ты-то?

– Я-то? Меня он наказать решил. Я, ведь, когда он за Любашей пришёл, стрелял в него. Не сам, конечно. Забил намертво ставни, снарядил самострел. Как ведьмак дверь открыл, так заряд картечи ему в брюхо и влепило. А мы-то сами, с Любашей, как парализованные сидели. После выстрела паралич с нас спал. Ведьмак, когда боль чувствует, контроль над жертвой теряет.

Стала Любаша заговор против него читать, который у местной знахарки взяла, а я на нас и него «святой водой» брызгать. Бежать-то бесполезно: дальше околицы не уйдём. Вот и хватились за соломинку, хоть оба тогда неверующими были и даже когда-то в комсомоле состояли. Как шас помню: ходит моя Любаша вокруг этого корчащегося в муках гада и дрожащим от страха голосом читает раз за разом: «Молитв ради Пречистыя Твоея Матери, благодатный свет мира, отступи от нас, нечестивый, змея злая, подкодная, гадина люта, снедающая людей и скот, яко комары от облаков растекаются, тако и ты, опухоль злая, разойдись, растянься, от раба божьего Анатолия и рабы Божией Любви. Все святые и все монастырские братья, иноки, отшельники, постники и сухоядцы, чудовные святые лики, станьте нам на помощь, яко в дни, тако и в нощи, во всяком месте, рабу Божьему Анатолию и рабе Божьей Любви. Аминь».

Только, Серёга, что ему эта картечь и заговоры? Поревел полчаса, а потом встал перед нами здоровёхонек, как ни в чём не бывало! Разозлился только жутко. «Глупые людишки! – шипит. – Я ходил по этим местам, когда даже птиц ещё не существовало. Динозавры служили мне миллионы лет. Я учил ваших волосатых предков добывать огонь. Тысячи лет я был их богом. Они называли меня Велесом и приносили мне жертвы. Когда ваши предки стали жечь идолов и вырубать священные деревья, я ушёл отсюда в места, где меня стали звать Драконом. Я был богом, воином, учёным, царём! Мне известны все ваши жалкие желания и уловки. Вы всегда были и останетесь только моими игрушками, пищей для ума и тела».

Тут он стал на наших глазах меняться! В какого-то змея превратился. Прям дракон или огромный крокодил со змеиной головой. И стал на моих

глазах Любашу живьём жрать. А я опять стою, как статуя, и даже глаза зажмурить не могу! Натянулся на Любашу, как перчатка на руку, а потом и меня начал заглатывать. Я хоть ничем двинуть не мог, но всё чувствовал! Как только коснулся его поганый язык моей головы, потекла драконья слюна, меня как огнём обожгло! Видать, кислота у него заместо слюны. Слава Богу, в глаза не попало. Только волосы начисто сгорели, да вот шрамы остались. Теперь и летом на улицу без кепки не выхожу.

– Как же ты выжил?

– Передумал он. «Я сейчас сыт, – говорит. – Живи пока, но помни: с этого момента ты – мой раб. Будешь приводить мне раз в месяц жертву вместо себя. Лучше не из местных. Приведёшь – значит, ещё себе месяц жизни купил, не приведёшь – я тебя сожру, но не сразу, а по частям, и начну не с головы». Вот почему, Серёга, ты меня у трамвайной остановки-то встретил..

– Значит, Толян, ты меня?..

– Да ты что, Серый?! Я ж тебя с самого начала отговаривал. Пусть я – гад распоследний, но уж тебя-то я ему не сдам. Бомжей у вас в городе пока хватает, а тут ещё и всякие нищие, беженцы с Кавказа и прочих азиатских республик появились. Да не смотри ты на меня так! Жить, Серёга, всем хочется, а своя рубашка всё же ближе к телу.

Мы выпили очередную. Толян хрустел огурцом, а у меня неожиданно разболелась голова. Перед глазами дрожало какое-то марево.

– Слушай, Толян, если ведьмак – не человек, то откуда взялись «родственники»?

– А ты подумай: ведьмак же оборотень! Ему жить где-то надо. Какого-нибудь купчишку сожрал, а сам под его видом в городе поселился. Но, видать, эту тварь всё же распознали, раз уж в таком виде похоронили. Кто правду знал, мог в Гражданскую или Отечественную сгинуть. А современные «родственники» ни в Бога, ни в чёрта не верили. Парткома больше любой нечисти боялись...

Неожиданно скрипнула дверь, и в горницу вошёл милиционер.

– Так, Трусов, опять у тебя пьянка. Ваши документы, гражданин.

– Это не то... – засуетился вдруг Толян. – Друга я встретил. Двадцать лет не видался. Мы уже заканчиваем. Шас я его на трамвай провожу...

– Какой трамвай? Твой гость на ногах не держится. В вытрезвитель захотели?

– Я в порядке, лейтенант, – прохрипел я, с ужасом чувствуя, что ноги меня и в самом деле не держат. – А из документов у меня только пропуск на завод.

– Покажите. У нас сейчас кампания идёт по проверке паспортного режима. Так что, ходить по городу без документов я вам не советую. Тем более распивать спиртные напитки с лицами, вроде Трусова. Пропуск ваш я пока забираю. И не возражайте! Переночуете здесь, а утречком явитесь ко мне. Дорогу вам любой укажет. Да вот хоть и Трусов проводит.

– Послушайте, лейтенант...

– Это вы меня послушайте, гражданин! Или ночуете здесь, и утром являетесь ко мне для установления вашей личности, или я немедленно доставляю вас в вытрезвитель, а утром мы опять же займёмся установлением вашей личности. Решайте.

Я молчал, хотя внутри меня всё клокотало. Надо же так влипнуть! И что я скажу завтра жене?

– Вот и ладненько, – улыбнулся участковый, пряча мой пропуск в карман кителя. – И не шумите здесь. Ночь уже во дворе.

Когда за участковым закрылась дверь, я в ярости пнул под столом пустую бутылку.

– Вот чёрт! Откуда он взялся? Когда надо, их не найдёшь, а тут сам появился.

– Серый, тебе нужно срочно делать ноги! – Толян метнулся к двери. – Запер! Теперь нам точно хана!

– Как это запер? – я, что есть сил, рванул дверь на себя и чуть не рухнул. Толян вовремя меня подхватил. Отбросив оторвавшуюся ручку, я вновь кинулся к двери. – Да что этот участковый себе позволяет?

– Ты что, Серый, совсем очумел? Какой там участковый? Это ж он был, ведьмак! Я ему сегодня должен был бомжа привести...

– Ведьмак? – я всё не мог заставить себя поверить в реальность происходящего. – Чего ж ты молчал?

– У тебя ноги отнялись, а мне он язык заморозил. Ладно, видать, судьба, – обречённо махнул рукой Толян. – Давай баррикаду делать. Он сейчас тобой оборотился. Пойдёт через весь посёлок, потом в трамвае с кем-нибудь свару затеет, чтоб свидетели были, что ты из посёлка ушёл. Думаю, час у нас есть.

Мы с трудом придвинули к двери старинный деревянный сервант, не обращая внимания на бьющуюся внутри посуду.

– Тут ему не войти, – удовлетворённо пропыхтел Толян. – Окна тоже забиты. Печь!

Он стал пихать оставшиеся с зимы поленья, пока не забил печной зев под завязку.

– Тут ему теперь тоже не пролезть. Авось, продержимся до утра. Днём, на виду у всех он нас штурмовать не будет. Его время – ночь. Давай, Серёга, устраиваться. Хошь, на кровати, а хошь – на печи.

Я, конечно, выбрал печь. Тряпье, что лежало там, тоже было далеко не первой свежести, но всё же не такое зловонное, как на кровати. Толян, не раздеваясь, плюхнулся в свою постель и задвинул замызганную занавеску. Как ни странно, мы с ним быстро уснули. Я погрузился в какую-то мутную дрему, сквозь которую явственно прорывался пьяный храп Толяна.

Неожиданно дверь громко стукнула в стенку серванта. Я попытался скинуть с себя путы сковавшей меня дремы, но не смог. Толян встал.

– Толик, открой, это я, – послышалось из-за двери.

Толян всхлипнул. Дверь вновь несколько раз стукнула о придвинутый сервант.

– Толик, ну что же ты? Я соскучилась.

– Любаша, это ты?

– А кто же ещё, дурной? Открывай скорее! На улице дождь, я вся промокла и замёрзла.

Толян бросился к двери и, пыхтя, отодвинул сервант.

– Чего это ты вдруг закрылся, дурачок?

Я лежал, не в силах даже открыть глаза. Язык тоже не повиновался, но слух мне не отказал. Борясь с ужасом и отвращением, я слышал, как Толян с Любашей кинулись на койку. Их возня вызвала у меня тошноту. Я боялся, что меня вырвет, и я захлебнусь собственной рвотой, и потому прилагал все силы, чтобы скинуть с себя оцепенение. Но мои усилия были напрасны. Обливаясь потом, я затаил, решив немного отдохнуть, накопить силы и попытаться ещё

раз. Заткнуть уши я не мог, и потому вскоре холод ужаса покрыл мурашками неподвластное мне тело. Возня на койке затихла, и начался диалог, который я никогда не забуду. Ведьмак играл со своей жертвой, как кошка с мышью. Он давал Толяну иллюзию счастья обладания любимой женщиной, а потом взамен требовал награду – меня! Толян сопротивлялся, как мог, но силы были явно не равны. Наконец, наигравшись, ведьмак встал с кровати. К печи подошла уже не женская, а мужская фигура.

– Гражданин, вставайте! – цепи с меня спали, и я увидел перед собой давешнего участкового.

– Уже утро? – деланно зевая, слез я с печи.

Видимо, столкновение с ведьмаком в детстве дало мне какой-то небольшой иммунитет к его чарам, и эта тварь не подозревала, что я не спал, всё слышал и теперь точно знал, кто стоит передо мной.

– Нет, но неожиданно выяснилось, что у меня утром будут другие дела. К тому же вчера у нас распространили инструкцию: по возможности доставлять пьяных и граждан без документов по домам и там, на месте, устанавливать их личности. Потому как спецучреждения сильно переполнены. Так что собирайтесь, поедем сейчас. Только сначала зайдём по одному адресу, тут рядом – дом сорок восемь, заберём ещё одного без документов. Машина придёт туда.

– Хорошо, только верните мне мой пропуск.

– Пропуск? Зачем он вам сейчас? Вот приедем к вам, тогда и получите. Впрочем...

«Участковый» вынул из кармана пачку документов и в свете лампы стал искать среди них мой.

– Лучше сейчас, – сказал я, дрожащей рукой выливая остатки водки в стакан. – Вон у вас их сколько, чужих документов-то. Не ровён час, и я свой на радостях забуду.

«Участковый» испытующе взглянул на меня через стол, и сквозь дрожащее марево вновь скрутившей меня головной боли я увидел на жёлтом фоне вертикальные щели зрачков. В ту же секунду я плеснул водку ему в лицо. Ведьмак заревел – жидкость попала ему в глаза. Схватив со стола лампу, я бросил её в голову чудовища. Живой факел заметался по комнате. Головная боль у меня тут же исчезла.

– Беги, Серёга! – заорал оживший Толян и выпихнул меня за дверь. – Ну-ка, посвети.

Я щёлкнул зажигалкой.

– Вот чем нас этот гад вчера запер, – пробормотал Толян, просовывая в ручку двери рукоятку швабры. – Серёга, там, под крыльцом, канистра с бензином лежит...

– Бежим, зачем тебе эта канистра?

– Ты беги, а мне с этой тварью поквитаться надо.

В комнате с грохотом рухнул сервант, и дверь задрожала под ударами ревущего ведьмака. Я сунул Толяну тяжёлую пластиковую канистру и поджёг вместо свечки веточку из распотрошённого им веника.

– Откуда у тебя бензин?

– А-а, от одного «нового русского» остался. Также приезжал дом смотреть...

Толян плеснул на дверь в горницу, стены и, когда мы выскочили на крыльцо, бросил в сени горящую веточку. Сквозь вспыхнувшее пламя донёлся яростный рёв ведьмака, неожиданно перешедший в какое-то свистящее

шипение. Толян побежал вокруг дома, щедро плеща из канистры на стены и ставни.

Я подошёл к колодцу и бросил ведро вниз. То ли водка, то ли нервы, то ли всё вместе навалилось, но меня вдруг скрутила жажда. Появившийся из-за угла Толян вдруг закричал и упал. Я хотел кинуться к нему, но в ужасе застыл. В свете луны и звёзд трава шевелилась. Сотни, а может, и тысячи змей ползли к дому, из которого доносилось шипение ведьмака. Толян с трудом встал.

– Серёга, лезь на колодец, – прохрипел он, отрывая от себя и отбрасывая извивающихся гадюк.

– А ты?

– Мне конец! Не думай обо мне.

Толян вылил остатки бензина на себя и вцепившихся в него змей. Трава исчезла под живым шипящим ковром.

– Прощай, Серёга! Прости за всё...

Толян, превратившийся в клубок змей, с трудом взобрался на крыльцо, распахнул дверь и упал в ревущее пламя...

– Прощай, Толян... – прошептал я, глядя на всё сильнее пылающий дом. Никто из соседей не спешил на тушение пожара.

Не знаю, сколько я просидел на скользком бортике колодца. Когда ведьмак затих, змеи, как камикадзе пытавшиеся живым морем затушить огонь, сразу утратили осмысленность своей атаки и быстро исчезли. Трава после них так и не поднялась.

С трудом разжав затёкшие руки, мёртвой хваткой вцепившиеся в колодезную цепь, я спустился на землю. Подняв фонтан искр, рухнула прогоревшая крыша. Я вышел за калитку и пошёл по тёмной улице, на которой не горел ни один фонарь, и не светило ни одно окно. Передо мной в зареве пожара шагала моя тень. Я не спешил и не пытался прятать лицо, хотя был уверен, что за мной наблюдают сотни глаз. Никто из жителей посёлка никогда не расскажет властям правду. А смогу ли я сам рассказать её хотя бы жене?

Диана Елисеевна Кан – известная русская поэтесса, автор книг «Високосная весна», «Согдиана», «Подданная русских захолюстий», «Междуречье», «Обречённые на славу» и др., а также многих публикаций в России и Зарубежье. Член редакционных советов журналов «Дон» (Ростов-на-Дону), «Аргамак» (Татарстан), «Новый Енисейский литератор» (Красноярск), «Гостинный Двор» (Оренбург), «Парус» (Москва), «Траектория творчества» (Калуга) и других. Руководитель единственного в стране литературного объединения «Отчий Дом», имеющего статус «народный коллектив».

Живёт в Новокуйбышевске.

«Текут века, а мне и горя мало...»

Самару в Оренбурге помнят чаще,
Чем Оренбург в Самаре, ну так что ж?
И там, и тут я прослыла пропащей.
То и другое – истина и ложь.

Но этой самой истинною ложью
Спасается подлунный грешный мир,
Где дураки похлеще бездорожий,
Чумы похлеще хлебосольный пир.

Ни в Бога и ни в чёрта не поверю,
Когда уже который век и год
Чумных пиров полынное похмелье
И порохом, и кровью отдаёт.

Здесь прослыла я чумовой заразой,
Отнюдь не ради красного словца
Клеймя навзрыд рифмованною фразой
Подонка, графомана, подлеца.

Текут века, а мне и горя мало.
Степным простором допьяна упьюсь...
... Здесь, в междуречье Волги и Урала,
Моим стихом заговорила Русь.

Уральская печальная приبلуда,
Самарская лукавая змея...
Как жаль, что я давно не верю в чудо,
Ведь надо верить – чёрт возьми! – в себя!

Памяти митрополита Иоанна Снычева

Ваши пальцы пахнут зыбким ладаном.
 Наши пальцы – крепким никотином...
 С этим, право, что-то делать надо бы –
 С этим неизбывным русским сплином.

С этим, право, что-то делать надо же,
 А не делать вид, что так и надо...
 Зябкий свет осеннего Приладожья
 Не пророчит чаемого лада.

И почти на равных – до обидного! –
 Наш вопрос не одарив ответом,
 Прочь струится фимиам молитвенный
 И дымок лукавый сигаретный.

...Мы не извращенцы и не нытики,
 И не суицидники по пьяни,
 Но бояться психоаналитики
 Нас, великий Отче Иоанне!

Крепким никотином заарканены
 В этой зябкой северной столице,
 Чем мы так смертельно в душу ранены,
 Что и смерть нас до смерти боится?..

Накануне ночью, жёстко жизнь итожа,
 Я была жесточе, но зато моложе.
 И, бордо с бургундским намешав по-русски,
 Я пила азартно, то есть без закуски.

Своевольно губы закусив до боли,
 Всех, кто были любы, вспомнила невольно...
 Ах, любовь-чахотка! Ты неизлечима!
 Не спасала водка, не спасут и вина.

Вовсе не пытаюсь врачевать печали,
 Вновь бордо с бургундским кровно воевали.
 Не щадя постылых, не жалея милых,
 Ледяным коктейлем закипали в жилах.

Кто сказал, что вина уврачуют вины?
 Грянет день январский с брызгами рябины...
 И любовь склонится тихо к изголовью,
 В белую перчатку покашливая кровью.

Причешись, причепурись,
 Улыбнись, примерь обновы!...
 – Свет мой, зеркальце, заткнись!
 Мне и без тебя хреново.

По спирали жизнь бежит...
 По спирали, по спирали
 Годы юный шёлк ланит,
 Что остался в зазеркалье.

Эвон дочка подросла,
 Красотой меня затмила...
 Всё вы врете, зеркала!
 Хоть я правды не просила!

Строчка встала на крыло
 И далёко улетела...
 Ах ты, мерзкое стекло!
 Ну твоё какое дело?

Бон суар, моншерами?
 Ни фига! Ещё не вечер!
 Свет мой, зеркальце, храни
 Память нашей первой встречи.

В зазеркальных тайниках
 Пусть живёт девчушка эта,
 Что не ведает пока,
 Что сулит судьба поэта.

Даже неважно, с кем засыпать,
 А просыпаться надо с любимым...
 Палец о прялку уколешь опять –
 Тысячелетья проносятся мимо.

Встречи-прощания материков.
 Выдох и вдох мировых океанов.
 Протуберанцы кровавых эпох
 И содроганья душевных вулканов.

Что это, ежели не суета?..
 На сквозняках безразличной вселенной
 Гроб мой хрустальный парит, как мечта,
 Самонадеянно самозабвенно.

Где ж королевич мой, мой Елисей?
 Что ж он никак не вернётся из странствий?
 Пусть поцелует меня поскорей:
 «Дочка моя, Елисеевна, здравствуй!»

Овладев античным гекзаметром,
 Я вдыхаю сумрачный простор,
 Где вовсю качается под ветром
 Петербургский пьяный светофор.

С ним в обнимку грустный гастарбайтер
 Провожает взглядом лимузин.
 И столичным стритом лунным найтом
 Рассекает хипстер, сукин сын.

Время хипануть и удивиться,
 Стоило ли ехать далеко,
 Чтобы в этой западной столице
 Встретиться с ташкентским земляком?..

Помнится, в Ташкенте кентовали,
 Обнимали пьяный светофор,
 Также хипповали, шизовали,
 Никого не видели в упор.

Словно неизбежная издержка
 Всех житейских и душевных драм,
 Еле уловимая усмешка
 Прикипела намертво к губам.

Я бы и хотела улыбаться
 Раню запёкшегося рта
 Так, как будто мне опять семнадцать
 И не смыслю в жизни ни черта.

Но глядит с ответною издёвкой,
 На меня глядит со всех сторон –
 Петербург – от Лиговки до Ржёвки –
 Что похож на обморочный сон.

Презируя суетные контры,
 Он летит гекзаметром в зенит!..
 Он меня, конечно, пересмотрит,
 Только всё же не переглядит.

Здесь растут без всяких привилегий
 Придорожной сорною травой
 Россыпи прилудных аквилегий,
 Принятых Россией на постой.

Здесь в дожде купается купена,
 Предвкушая солнечный потоп.
 И ромашки всходят белопенно,
 Обживая фронтовой окоп.

Это всё она, моя Россия!
 Это я, её родная дочь!
 Кашки сами в руки попросились –
 Их сорвать хотела – да невмочь!

Прикорнул к плечу татарник милый,
 Даже не пытаюсь уколоть...
 ...Эх, напрасно мама попросила
 Доченьку картошку прополоть!

Пусть вы не торжество добра и света,
 Как ни крути, вас не любить нельзя –
 Сценичные циничные поэты.
 Заклятые самарские друзья.

Ведь я была одной из вас когда-то.
 Хотела б откреститься, да никак!
 Разбойные запойные ребята,
 Отечеством считавшие кабак.

Рассадин, Чепурных, Олег Портнягин...
 Ах да, Сиротин! Как забыла я!
 Немало вы испортили бумаги...
 ...И Семичев – особая статья.

Немало вы кровей моих попили
 Вприхлёб с самарским пивом Жигули.
 Немало, как княжну, меня топили,
 Но утопить в итоге не смогли!

Не утонула, породнилась с Волгой...
Она во мне свою признала дочь.
И с той поры – увы и слава Богу! –
Ни помешать нельзя мне, ни помочь.

И разве я могла в вас не влюбиться,
Как ни крутили пальцем у виска,
Когда взлетали стрАнницы-странИцы
И строфы-катастрофы в облака?

Когда, презрев досужие приметы
И больше не желая быть, как все,
И я взлетала с ними против ветра
По этой чёрной взлётной полосе?..

Эх, не его, не пито, не курено,
Не целовано девок взасос!..
Знать, в деревню Большое Никулино
Неспроста нас нечистый занёс.

Здесь оконца намыты-надраены –
Ни сказать, ни пером описать!
Николаевна свет Нидвораевна
За околицу вышла встречать.

Распростёртыми встрела проклятьями:
«Нет креста на вас, скройтесь с глаз!..»
И – привычное, право, занятие! –
Приголубила матерно нас.

Мы б ушли, ведь дорога проторена,
Ветер воли пьянит, как нектар.
Для кого же ворота отворены,
Стол накрыт, и кипит самовар?

Гость незванный получше татарина!..
Для кого же, незваного в дом,
Банька топлена, липа заварена,
И расшиты кисеты крестом?

И не верится, братцы, не верится,
Ну нисколько не верится мне,
В то, что здесь не для нас красны девицы,
Словно маковый цвет, по весне!

Николаевна свет Нидвораевна,
Пусть у нас ни кола, ни двора...
Полыхает закатное зарево –
Приюти дураков до утра!

Жигулёвская вольница стонет: «Вернись!..».
Новгородская вольница чаёт: «Приди!..»
Это смех, это грех, это жечь, это жисть,
Это вольная воля в разверстой груди.

Заплутавшая в северном синем бору,
Целовавшая питерский гордый гранит,
Эта вольная воля звенит на ветру
И, шутя, обживает имперский зенит.

Что ей труб водосточных крикливая жечь,
И слезливая жисть прошлогодних снегов?
Пьяный смех, свальный грех и бездарная месть
Тех, кто тщились стяжать себе званье врагов?

Что ж, попытка – не пытка, и где наша не
Пропадала, печалилась, пела, летала...
Я вернусь по весне... Я вернусь по весне –
Високосной весной – разве этого мало?

Редька-триха и редька-ломтиха,
Редька с мёдом и редька так...
Как бы ни было, братцы, лихо,
Никакой нам не страшен враг!

Не впервой нам врагов увечить.
Не единожды в том помог,
По усам утекая в вечность,
Не попавший в роток медок.

Редька с маслом и редька с квасом,
И с хреновиной редька – ах!
... Пьёт шампанское с ананасом
Респектабельный олигарх.
Пусть погасит свою улыбку,
Недоделанный супермен,

Ободравший страну, как липку,
А на нас положивший хрен.

Гадом буду – не позабуду
Голливудский его оскал...
Но у нас тут не голливуды!..
Рот захлопни – я всё сказал!

Щелчком смахнула пепел с папиросы.
Заметила: «Тебя, наверно, ждут!..»
И разом улетели все вопросы,
Как дым, в невозмутимый абсолют.

Прихваченные отчуждённой стужей,
Они теперь летят за облака –
Вопросы, что испепелили душу,
Но так и не слетели с языка.

Болтаете о чём-то несерьёзном,
Ведь надо же о чём-то говорить.
И ты вдруг понимаешь – слишком поздно
Пытаться что-то в жизни изменить.

Да, ты любил. Но был ли ты любимым?..
Ты вовремя его не произнёс
Сегодня улетевший вместе с дымом
Всего один-единственный вопрос.

Что ж, ты не сотворил себе кумира.
Ты победил... Гляди издалека,
Как, абсолютно безучастны к миру,
Дымятся над землёю облака.

Здесь ещё чужая. Там уже чужая.
Полно!.. То потеря в жизни небольшая.
Ну-ка, ногу в стремя, в руки – удила.
Отродясь насильно милой не была.

Покури в сторонке, разлюбезный враг!
Бьёт копытом звонким звёздный аргмак.
И течёт дорога аж до самых звёзд
Вдоль реки Молога через млечный мост.

ЮБИЛЕЙ

Айна КЕКИЛОВА

К 105-летию со дня рождения
народного писателя Туркменистана
Амана Кекилова

Поэт, учёный, педагог

Эссе

Я тебя помню и люблю...

Я не видела, не знала тебя молодым и красивым – любила и люблю тебя таким, каким ты был в моём детстве: тёплым, уютным, пахнущим сигаретами, работающим по ночам...

Айна Кекилова – родилась и выросла в Ашхабаде, столице Туркменистана, в семье врачей и филологов. Окончила Туркменский Политехнический Институт. Автор нескольких научных и познавательных статей, опубликованных в Туркменистане, США и онлайн. В 2011 г. получила стипендию Фулбрайт на обучение в магистратуре Университета Небраски в Линкольне. В 2013 г. получила степень Магистра в области Природоохранного Инжиниринга (Environmental Engineering). Прозу начала писать в виде писем маме и друзьям о жизни в Америке. Автор перевода документов ОБСЕ на русский язык: Руководство ОБСЕ по Вопросам Безопасности Журналистов (2014) и Пропаганда и Свобода Средств Массовой Информации (2016).

Живёт в США – в столице Дикого Запада, г. Шайенн, Вайоминг.

Аман Кекилов (1912–1974).

Я помню тебя так хорошо, как будто не было этих долгих лет разлуки, как будто всё это время ты здесь, рядом. Потому что только мне повезло жить вместе с тобой, называть тебя папой, хотя ты и был мне дедушкой. Я с рождения и до 6 лет жила рядом с тобой.

Я помню запах твоих сигарет – родилась и выросла с ним. Помню эти бело-красные пачки «Столичных» и «Российских», которые огромными блоками по 40 пачек лежали на самой верхушке книжных стеллажей. Казалось, они никогда не кончаются.

Я помню синий саквояж в чёрную клеточку, с которым ты приезжал из Москвы и который всегда был полон шоколадных конфет, суфле, «Птичьего молока», козинаков, зефира, мармелада и ещё всякой вкуснятины.

А. Кекилов в рабочем кабинете.
Ашхабад, 1960-е годы.

Я помню, как собирались твои друзья, все очень взрослые и серьёзные. Но вы как-то умудрялись находить изредка пару часов по вечерам, чтобы сыграть в карты, выпить чаю, пошутить, поговорить на разные темы.

И всё это время я сидела на твоих коленях и вдыхала запах сигарет. Дым стоял коромыслом, бабушка ругалась и пыталась меня забрать. Но это было невозможно, потому что такие часы были редкими, и я пользовалась этими мгновениями.

В пять лет я знала правила твоей карточной игры, и потом мы играли с братьями и сестрой, и я учила их.

Помню, как любила лежать с тобой рядом на продавленном диване с зелёной обивкой, практически я лежала у тебя на животе. Сейчас понимаю, что все дети любят лежать на животах своих дедушек, но тогда я была маленькой, и это было моё любимое занятие – просто лежать. Наверное, мы о чём-то говорили, я не помню.

Когда научилась читать, я любила втихую таскать книги с твоих полок и читать их где-нибудь в укромном уголке. Причём неважно, на каком языке они были написаны.

Я до сих пор помню маленький томик стихов Тараса Шевченко на украинском языке. И ведь читала, и мне нравилось, что это вроде не по-русски, а ведь красиво и понятно.

А шкаф, полный сказок всех народов мира! Я больше нигде такого не видела, даже в библиотеках.

И во многих твоих книгах пометки на полях – чаще арабской вязью, наверное, потому что тебе было легче писать арабскими буквами, чем кириллицей.

Спустя годы я посвятила тебе такое стихотворение:

*Я помню запах сигарет
И стол рабочий...
А за столом серьёзный дед,
И мелкий почерк...*

*И полки с книгами вокруг:
Труды, поэмы,
Шекспир, Вольтер и Мопассан,
И сказки, и родной дестан,
Любые темы...*

*Испещрены поля у книг
Арабской вязью.
Ах, как хотелось прочитать
Все эти сказки!*

*Рабочий кабинет поэта,
Святых святая.
И в пепельнице сигарета
Тихонько тает...*

Я помню, как мы отмечали твой 60-летний юбилей во дворе, под беседкой. Как привезли трёх или четырёх барашков, и я потом помогала чистить потроха.

А вечером все сидели и слушали бахши. Я это пение абсолютно не понимала, но видела как вы, мужчины, с удовольствием слушали песни, пили чай, тихонько что-то обсуждали.

Я помню, как мы ходили к тебе в больницу, когда у тебя случился инфаркт. Помню маленький стаканчик для капель и запах валокордина, или ещё чего-то пахучего.

Помню, как я возвращалась из твоего дома к родителям, потому что завтра понедельник и мне надо в школу, а навстречу идёшь ты – тебя только что выписали из больницы. Мы обрадовались, обнялись, и договорились, что через неделю я приду на выходные...

Нам было о чём поговорить, нам было хорошо вместе...

А ночью ты умер...

А назвала сына в твою честь, говорят, что он даже похож на тебя. Может, и он когда-нибудь станет таким же дорогим человеком для своей внучки, каким ты был для меня, я на это очень надеюсь.

Спасибо за то, что ты был со мной, что, несмотря на все твои регалии и заслуги, занятость и постоянные путешествия, ты нашёл время для маленькой девочки...

Наверное, это была моя фантазия, но мне казалось, что ты меня любил больше всех, а может, это так и было. Потому что, несмотря на годы, прошедшие со дня нашей последней встречи, я всё ещё вижу себя у тебя на коленях. Я всё ещё тебя люблю...

Поэт, учёный, педагог

Один из известнейших писателей и учёных Туркменистана XX века Аман Кекилов родился 9 мая 1912 года в ауле Кеши близ Ашхабада в семье бедного крестьянина.

С юности и до конца жизни он изучал и анализировал творчество туркменских писателей прошлого и своих современников. И творил сам – стихи, поэмы, пьесы, романы... Его имя по праву стоит среди основоположников современной туркменской поэзии.

Первые уроки творчества Аман Кекилов и его двоюродный брат Чары Аширов получили в родном ауле, общаясь с дядей Айдогды-ага, весельчаком и балагуром. Он знал наизусть множество стихов Махтумкули, Молланепеса, Мятаджи, дестаны. Детям очень нравилось подражать его шутливым стихам, и они тоже старались что-то сочинять.

В 10 лет Аман потерял родителей. С 1922 года воспитывался в столице, в интернате имени Ильбаева, куда его и Чары устроил старший брат Шалы Кекилов – он преподавал там после окончания педагогического техникума.

В интернате братья продолжали поэтические соревнования. Шалы, как и дядя, оказал большое влияние на развитие таланта младших братьев, на их становление.

В 1925–1929 годах Аман и Чары учились в педагогическом техникуме. В 1928 году Аман Кекилов опубликовал первое стихотворение. А в двадцать лет молодой автор, поработав в печати (журнал «Пионер», газета «Колхозчи», детский сектор Туркменгосиздата) и став преподавателем педагогического техникума, издал первый сборник стихов.

Имея уже определённый творческий опыт, Аман Кекилов с первого же дня создания Союза писателей Туркменистана активно участвует в повышении профессионального мастерства коллег-ровесников: поэтов, прозаиков, критиков.

Произведения Амана Кекилова того времени рассказывают о жизни крестьян («На хлопковом поле», «Колхозникам», «Вперёд», «Обновляются наши

Туркменские писатели Аман Кекилов и Беки Сейтаков в дни работы Ташкентской конференции писателей стран Азии и Африки. Ташкент, 1958.

В 1934 году Аман Кекилов, удостоившийся этой чести на первом съезде писателей Туркменистана, отправился в Москву делегатом на первый Всесоюзный форум советских писателей.

Этот год стал, пожалуй, самым памятным для молодого автора. В Москве он был принят в члены Союза писателей СССР и получил членский билет за подписью А.М. Горького. Много лет спустя писатель описал свои впечатления от съезда в статье «Воспоминания тех лет».

С 1935 года Аман Кекилов – аспирант знаменитого Московского института истории, философии и литературы (МИФЛИ). Затем он преподаёт на туркменском отделении ГИТИСа имени А.В. Луначарского.

В Москве Аман Кекилов создаёт семью. Здесь в 1937 году родилась старшая дочь.

В конце 1939 года писатель возвращается в Туркменистан, преподаёт в Ашхабадском государственном педагогическом институте имени А.М. Горького.

В ночь с 5 на 6 октября 1948 года Ашхабад был разрушен в результате страшного землетрясения, тысячи человек погребены под руинами.

Семья Амана Кекилова чудом спаслась. Стена их дома вывалилась наружу, и его жена, моя бабушка, выбежала со старшей дочкой на руках, а затем вытащила деда, который работал допоздна в своём кабинете.

Их младшая дочь, моя мама, осталась под руинами. Когда толчки прекратились, её удалось откопать из-под груды кирпичей. К счастью, во сне она скатилась в сетку детской кровати, поэтому кирпичи её не задели.

Из полностью разрушенного землетрясением Ашхабада семья Кекилова, как и десятки других выживших, переезжает в Чарджоу.

Аман Кекилов преподаёт здесь сначала в учительском институте, а затем в Туркменском государственном педагогическом институте имени Ленина, где заведует также кафедрой.

...Тема его докторской работы и монографии «Великий лирик» – творчество классика туркменской литературы XIX века Молланепеса. Учёный не только скрупулёзно изучил стихи классика. Он побывал в его родном селе, беседовал с земляками поэта, постарался собрать мельчайшие сведения о жизни Молланепеса.

Народную славу Аману Кекилову в Туркмении принесла его поэзия. Вершины своего творчества он достиг в первом романе на туркменском языке – романе в стихах «Любовь», работе над которым поэт отдал двадцать лет жизни.

В этом произведении на фоне судьбы всего туркменского народа после революции описывается жизнь и становление первой туркменской советской интеллигенции, представителем которой был и сам автор.

Художественное воплощение в романе получили высокие нравственные ценности – уважение к старшим, честь имени, верность слову, Любовь с большой буквы.

Роман – не просто описание жизни в одной из советских республик (становление туркменского села, непростые годы военной жизни и др.), его самобытные образы, психологические размышления героев притягивают читателя. И через весь роман яркой нитью прослеживается тема Любви.

Финальная сцена романа – картина Ашхабада, разрушенного одним из самых сильных в мире землетрясений. Ярко, пронзительно описана эта катастрофа, мужество людей.

XVII

*Тех бедствий и той разрухи
Не описать перу,
Дрожит оно, когда в руки
Я снова его беру.*

*Свидетель и очевидец,
Пишу я эту главу,
Словно разгул стихии
Вижу вновь наяву.
Всё это теперь – история.
Я долго не мог решить:
Стоило или не стоило
Прошлое ворошить?*

*Многое позабылось,
Но помнит из нас любой
Из тех, что в живых остались,
Той ночи ужас и боль,*

*Когда среди садов осенних,
В грохоте и пыли,
Стёрло землетрясением
Город с лица земли.*

*...Когда мы расстались с нашей
Парою молодой,
Казалось, настало странное
Затишье перед бедой.
Казалось, ночь приглушила
Все звуки.
Спал Ашхабад –
Ни шума поздней машины,
Ни лая цепных собак.*

*Спал Ашхабад предутренним,
Спал безмятежным сном,
Секунды его последние
Отсчитывал метроном.
Казалось, это зубчатое
Стучит колесо судьбы...
Стихийные силы землю
Вдруг подняли на дыбы.*

*Хотя всё шаталось, падало,
Кирпичную пыль клубя,
Те, что спаслись успели,
Пришли наконец в себя.
В земле погребённым заживо
Спешили они помочь.
Начавшимися пожарами
Теперь озарилась ночь.*

*Поддерживая друг друга,
Касаясь плечом плеча,
Уходят они по грудам
Битого кирпича.
За их спиной предместья
Разрушенные горят...
В саду, в безопасном месте
Оставил их Акмурад.
Спешил, несмотря на раны,
Спешил он спасти других...
Герои мои! Пора нам,
Простившись, покинуть их.*

(Перевод с туркменского Юрия Гордиенко)

Да, Любовь побеждает стихию. Надежда на то, что жизнь продолжается и надо жить дальше – вот с чем остаётся читатель после того, как дочитана последняя строчка.

Роман вызвал много как восторженных оценок, так и упрёков в традиционности художественных средств и формальном совпадении строфы романа со строфой «Евгения Онегина». Однако попытка использовать опыт русского классического стихотворного романа для создания картины жизни и нравов современного туркменского общества более чем удалась. И сегодня, более полувека спустя после создания, роман «Любовь» занимает достойное место в туркменской литературе и дорог нескольким поколениям туркмен.

Аман Кекилов был автором текста первого Государственного Гимна Туркменской ССР. Много лет возглавлял Комитет солидарности стран Азии и Африки, был членом правления Союза писателей Туркменистана, членом Академии наук Туркменистана.

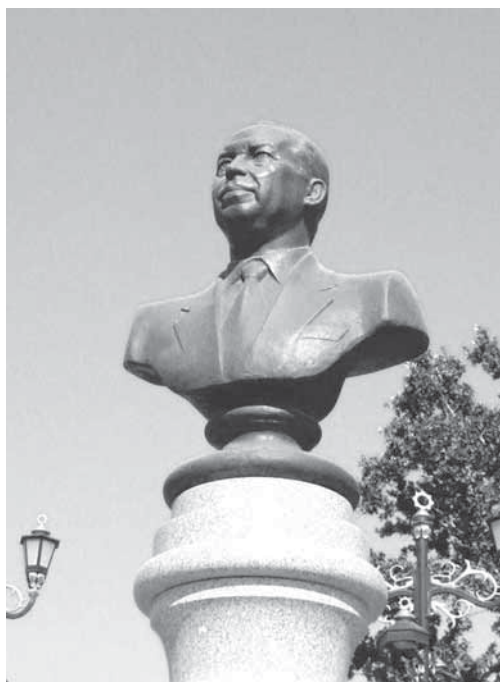
За выдающиеся достижения в развитии науки и литературы Аман Кекилов был награждён двумя орденами «Знак Почёта», медалями СССР.

В 1967 году ему было присвоено звание Народного писателя Туркменистана, в 1972 году – заслуженного деятеля науки Туркменистана.

Писатель скончался 13 декабря 1974 года. Но до последних дней жизни, уже будучи тяжело больным, он удивлял своей трудоспособностью, готовностью к творчеству, к новым поискам. Поэтому никто не думал, что его сердце вот так внезапно остановит свой ход.

Творческое и научное наследие Амана Кекилова велико и незабвенно. Его стихи читают наизусть и в городах, и в сёлах, его сказки знают дети. Им гордятся как простые туркменистанцы, начиная от школьников и студентов, так и учёные, артисты, писатели. В столице Туркменистана его имя носит улица и Педагогический техникум, где он учился и преподавал.

В 2010 году в Ашхабаде на Аллее Славы в числе выдающихся писателей и деятелей искусства открыт бюст Аману Кекилову.

Бюст Амана Кекилова в Ашхабаде.

ПОЭЗИЯ

Владимир ШУГЛЯ

Редакция журнала **ВЕЛИКОРОССЪ**
поздравляет **Владимира Шуглю**
с **70-летием!**

*Владимир Фёдорович Шугля – почётный консул
Республики Беларусь в Тюменской области.
Живёт в Тюмени.*

«Время не ждёт...»

В стремленьи вечном лучше жить
Мы рвём на части неба нить,
И души, судьбы на излом
В слепой погоне за рублём...
Живём как будто бы взаимы...

Себя везде всех прежде чтим,
Без покаяния грешим.
Идём в желаньях напролом,
И честь, и совесть продаём.
Живём как в пир среди чумы...

...И хмелем залиты сердца,
И души словно из свинца –
Обиды, ссоры и гульба –
Холопье барство... путь раба...
На что мы тратим наши дни?!

Сердце неровно бьётся,
Годы стучат в висок.
В небо дорога вьётся
С жизнью наискосок.

Лишнего нету часа –
Время, увы, не ждёт.
Нету другого раза
В днях, что летят вперёд!

Веру я теплить смею –
Нам ещё время даст
Подлые дни развеять,
Скинуть с души балласт.

...Бью я прямой наводкой
По полным боли дням,
Серости околотку...
И по своим грехам...

Пока живу – всё в поисках чего-то,
Пытаюсь душу ввысь взметнуть,
Чтоб не пропасть в судьбы глухих болотах,
Я всё ищу у жизни суть.

Ищу непокорённые высоты,
Вдыхаю неба свежесть в грудь
И рву, как сорняки, свои невзгоды –
Я всё ищу у жизни суть.

...Покой короток – впереди тревоги,
Судьбы по ним начертан путь,
И вновь, как в старой сказке, три дороги...
Я всё ищу у жизни суть...

Без тревог... сердцу душно.
Снова куда-то бегу,
Снова что-то мне нужно,
Снова у жизни в долгу.

Годы время терзает –
В них за теплом стыни пядь...
Нам на жизнь одевает
Боль серебрястую гладь.

...Часа нет занедужить –
Годы, как кровь на снегу...
Сердце рвётся наружу...
Я с ним у жизни в долгу.

С неба льётся свет лимонный,
И искрится снег...

Горит...
Ах, как в небе высь бездонна!
Ах, как сердце вдаль летит!

Ветра колкие потоки
Стынью в воздухе кружат –
Отмороженные щёки,
Как рябиновый закат.

Ах вы, зим сибирских зори –
Белизны снегов зоря!
В дымке светлой – выси одурь
В искрах солнца-янтаря...

Дым печной, как будто трубы
В даль, где жёлтых звезд луга...
Примороженные губы...
И снега...

Снега...
Снега...

Вокруг как будто всё, что нужно, есть,
Но всё равно чего-то не хватает.
Бегу вперёд и некогда присесть,
И жизнь опять капканы расставляет...

Синь неба, твердь земли – душа и плоть –
Сошлись... Их спор –
строка из многих точек!

...Мне образ твой нарисовал Господь
Движеньем звезд среди бессонной ночи...

Старайтесь делать добрые дела –
Они душе питательные соки.
Беззвучно жизнь звонит в колокола,
Когда добро земные пищет строки.

Старайтесь делать добрые дела –
Огнём улыбок грейте души, лица...
Жизнь бьёт порой под дых из-за угла...
И доброта тогда, как фельдшерица!

Старайтесь делать добрые дела –
Тем дайте, кто в беде... добром напиться.
...Пускай забот не сосчитать числа,
Но все ж нельзя душою нам лениться.

От лика доброго с улыбкой
Мне в сердце свет сквозь морось дня,
Невзгоды кажутся ошибкой,
В груди тепло как от вина...

...И жизнь уже не так бескрыла,
Боишься что-то упустить...
В душе неведомая сила –
Растёт...
И учит дальше жить...

Закрываю – усталый – глаза,
Грусть слезинками льётся,
Кровоточат души образа,
Но она не сдаётся...

Усталь прочь!.. Я стою у окна,
В нём закат полыхает,
Синеву пью, как воду, до дна,
Жадно воздух вдыхаю...

...Озорного во мне пацана
Краски неба рождают...

В тучах гуляет ветер,
Серость неба туманна,
День как вечер несветел –
Темень пришла незвано.

Счастье подобно ветру,
Где-то на сером донце,
Бродит вместе со светом...
В окнах то дождь, то солнце.

Морось в дождике банном
Рвётся из туч туманных.
Счастье – свет без обмана,
Счастье... непостоянно.

Как ненавистен серый полутон!
Пуста, никчёмна в этом цвете жизнь.
Как преломленье многих грешных призм
Расцвёл гламур и выгоды закон.

Над серой жизнью кружит вороньё,
Подъёмной силой – мелочность души...
А с ней и зло...

И подлость...
И враньё...
И звон у чувств...
иудины гроши.

Как пролетело быстро лето!
В багрянец день листву одел,
И утра песней недопетой
На небо в синеву взлетел.

Душа за ним в небес пределы
Незримо мчится в два крыла,
И вот уже невестой в белом
Кружит средь звёзд, забыв дела...

Но всё ж летит она обратно
(Быть долго зябко ей средь звёзд),
Летит туда, где жизнь всесвятна,
Где роци русские берёз...

Что высь роднит с землёй
И тянет в дали моря,
Как свет в небесных зорях,
Что полнит жизнь мечтой?

Свободная душа –
Она жизнь мерит далью,
И в мире звёзд кружа,
Стремится в зазеркалье...

И сердце ввысь влечёт
В волшебное небесье,
Где мир с любовью вместе,
Где беды все – не в счёт...

Уходит эхом год за годом –
Зима сменяет лето.
Забывать скорее о невзгодах –
Весну дожидаться следом.

И пусть морщинит лица время,
Но только бы не душу!!
Прочь жизни всякий хлам, и бремя...
Песнь сердца важно слушать!

Мечтам слагать душою оды,
И править жизнь делами...
И хоть прибоем бьются годы,
Душа – над облаками...

...С судьбой, мы часто споря,
Душою птицам вторим.

Что может быть прекрасней жизни
В потоках солнечных лучей,
В алмазах рос полей Отчизны
И ночью звёзд немых речей...

В руках поэзии – не прозы –
Весь смысл космических глубин,
И свет, и мгла, шипы и розы
Земных узоров и картин.

И душ полёт, как моря волны –
То бриз, то шторм, как вечный стих,
Как отзвук дальний, колокольный
Среди снегов, равнин родных...

И дни летят, спадая тенью,
На фоне вечности, времён...
А я, как в детстве, в восхищеньи
Смотрю на синий небосклон...

Рассказы

Ещё один день

Андрей вышел на школьное футбольное поле. Несколько ребят, оставив сумки на лавке, шумно гоняли ободранный мяч. Мальчик поправил очки, присмотрелся. В толпе футболистов он увидел одноклассников. Крепыш Вовка Заяц враскорячку стоял на воротах, а рыжий Бабаев, расталкивая соперников, неумело вёл мяч.

«Лучше бы через гаражи проскочил», – подумал Андрей, но отступать было поздно.

– Пацаны, – донеслись голоса, – секите, новенький идёт! Пошли, приколемся!

Андрей ускорил шаг. На ходу снял очки и торопливо убрал в футляр.

Вовка Заяц мощной подсечкой сбил Андрея с ног. Школьник грохнулся на землю. Силился подняться, но Бабаев грузно сел ему на спину, заломил руки, и стал выкручивать пальцы.

– Делай ласточку, гамадрил убогий, – шипел рыжий.

– Гаад, – стонал Андрей, – пусти, урод, больно!

Подростки из параллельного класса перебрашивались рюкзаком Андрея.

– Ладно, харэ, – скомандовал Заяц, – а то вон посинел уже весь, пошли лучше мяч попинаем.

– Твоё счастье, – Бабаев слез с Андрея и отряхнул колени.

Ухмыляясь и весело переговариваясь, ребята возвращались на поле. Андрей отыскал обломок кирпича и метнул в обидчиков. Кирпич попал в ногу Бабаеву. Он взвизгнул, повалился на бок и завыл.

Андрей схватил рюкзак и припустил в сторону школы. Вдогонку ему летели страшные угрозы и ругательства. Кто-то бросился за ним, но быстро отстал. Школьник мчался во всю прыть.

На уроке литературы на парту Андрея приземлился аккуратно сложенный клочок бумаги.

Иван Олегович Катков – родился 3 июля 1986 г. в Актобинске. Учился в Нижегородском государственном университете им. Лобачевского (филфак). Публиковался в журналах «Пролог» и «Сетевая словесность».

Живёт в г. Дзержинске Нижегородской области.

«Падла после школы вешайся» – развернув, прочёл он и скопил взгляд на Бабаева. Тот показал кулак и накрыл его ладонью.

До конца учебного дня Андрей думал о предстоящей расправе. Картины рисовались самые ужасающие. Сотрясение, сломанные руки, «скорая», реанимация. Однако больше всего он боялся публичного унижения. Поставят на колени и заставят просить прощения, обреют под ноль и зальют лысину зелёнкой, разденут догола и закроют в женской раздевалке, или окунут головой в унитаз, снимая всё это на телефон. И опасения его были не напрасны, подобное уже случалось.

Андрей вышел из школы. Заяц и компания курили на крыльце. Они небрежно затягивались и громко харкали себе под ноги. Курить у всех на виду – это высший пилотаж.

– Э, слышь, постой! – окликнул Андрея Заяц, цепляясь за его рукав, – базар есть. Пошли, отойдём.

Они вышли на задний двор. Там уже собралось человек десять. Одноклассники, ребята из параллельных классов и несколько совсем незнакомых юнцов. В ожидании кровавой бойни один из них даже нетерпеливо приплясывал.

Андрей убрал очки и приготовился к худшему. Его зловеще окружили. Первым выступил Заяц. Он приблизился вплотную и заговорил:

– Ты чё, очкозавр, беспредел творишь, а? С тобой прикалываются, а ты в своих же пацанов камнями кидаешь. Тя чё, обоссать, шоль, прилюдно?!

– Не надо, – Андрей попятился назад и с опаской глянул на его ширинку.

Заяц ударил в челюсть. В голове зазвенело, из губы тонкой струйкой брызнула кровь, попав на рукав толстовки. Андрей отшатнулся к кирпичной стене. Прихрамывая, подошёл Бабаев и ткнул кулаком в живот. Андрей сложился пополам и рухнул на асфальт. Дыхание сбило. Он закашлял, сплевывая багровой слюной.

– Отхватил, дрищ? – сказал Вовка Заяц, отвесив Андрею подзатыльник, – это я тебя только погладил слегонца.

Отдышавшись, мальчик вскочил, принял боксёрскую стойку и выкрикнул:

– Козлы вы все, поняли?! Козлы все до одного!

Он в бессилии свесил руки и расплакался.

На секунду ребята смолкли, затем раздалось оглушительное ржание. Парень в растянutom балахоне присел на корточки и, заливаясь смехом, схватился за живот.

– Рэмбо, одинокий рейнджер, блин, – задыхался он, – парни, нам же хана, давайте сваливать.

– За козла ответишь, лошарик! – прогнусавили из толпы.

– Всё, всё, брэк, – примирительно поднял руки Заяц.

Затем он шагнул к Андрею, пыхнул дымом в лицо и похлопал по плечу:

– Ну тепер ты попал, друган. Жизни тебе в нашей школе не будет. Я те отвечаю. А скажешь кому – ваще опустим.

Одноклассник замахнулся, Андрей пугливо дернул головой.

– Пацаны, – послышалось из толпы, – палево, Маргоша идёт!

Показались огненно-рыжие кудри Маргариты Павловны, преподавателя физики, которую побаивался даже директор. Задний двор моментально опустел.

Андрей утёр слёзы. Он взмок, у него тряслись колени, сердце колотилось где-то под подбородком.

Вернувшись домой, школьник, к своему облегчению, не застал родителей. Прошёл в ванную, умылся. Встав на цыпочки, глянул в зеркало. Нижняя губа раздулась. Андрей слегка прикусил её, но это не спасло, всё равно было заметно. Он снял толстовку и замыл кровавое пятно. На кухне поковырял вилкой холодную котлету, глотнул воды из графина и направился в комнату. Не раздеваясь, повалился на кровать и через минуту уснул.

Семилетний Андрюша гостит в деревне. Июль. Жара под тридцать. Босиком он несётся по цветущему саду. Губы перепачканы клубникой. В руке сачок на бамбуковой палке. Андрей ловит пёструю бабочку. Прыжок, взмах, неудача. Упрямый, он пробует снова. Осторожно приподнимает фиолетовый капрон, а там пусто.

– Ну и пусть, – Андрей бросает сачок в траву и бежит к дому.

На скамейке под разросшимся кустом сирени он замечает своего дедушку. Жёлтые табачные усы, густые брови, озорной прищур. На нём зелёная гимнастёрка с засученными рукавами и слегка сбита набок шапочка из газеты. Не вынимая папироски изо рта, дед смазывает цепь старенького «Школьника».

Андрей обнимает деда, целует в колючую щёку.

– Поторопись, родненький, тебя уж заждались, – покашливает от едкого дыма старик, вытирая перепачканные солидолом пальцы.

Внук лихо седлает велосипед и несётся по узкой, петляющей тропинке.

В конце тропинки видит колодец. Андрей резко тормозит, прыгает с велосипеда. Затем припадает к колодцу и всматривается в темноту. Веет сыростью и холодом.

– Я сильный, я смогу, – решает мальчик.

Минуту поколебавшись, забрасывает одну ногу, другую и, зажмурив глаза, сигает вниз.

Полёт его бесконечно долгод. Мальчик пытается схватиться за каменные, с глубокими выбоинами стены, но сильно обжигает ладони. Он кричит, но не слышит своего голоса.

– Ничего не бойся, Андрюш, никогда ничего не бойся, – далёким эхом раздаётся хрипловатый басок дедушки...

Мальчик чувствует, как что-то сильное и в то же время нежное подхватывает его и вытягивает вверх. Ему становится тепло и спокойно. Дедушка берёт его на руки, гладит по голове и шепчет на ухо.

Андрей проснулся. Его знобило. Подбив под себя одеяло, мальчик лежал, устремив взгляд в потолок. Вскоре вернулись родители. Ворчливый отец отправился с пакетами на кухню, а мама вошла в комнату Андрея. Сын отвернулся к стене.

– Просыпайся, сынок, – мать слегка качнула его за плечо, – или ты до вечера валяться намерен?

– Не, мам, сейчас встану, ты иди пока.

– Давай-ка поторопись, скоро уж придут все.

Мама вышла из комнаты.

За столом собрались родственники. Отец разливал водку, женщины потягивали вино из бокалов. Дядя Костя густо покраснелся, когда уронил на скатерть кусок ветчины.

На телевизоре у окна разместился портрет дедушки в военной форме.

Мама положила сыну горячего и налила стакан вишневого морса.

– А что это у тебя с губой, Анрюшк? – тётя Таня впила зубами в куриную ножку, – с девками, небось, нацеловался?

Тётка закатилась от смеха, стукнув по столу пухлым кулачком:

– Ой, не могу, такой напёрсток, а всё туда же!

Андрей опустил голову, нанизывая на вилку салат «оливье».

Отец, дядя Костя и дядя Валера отправились покурить на балкон.

– Только недолго, мальчики, – мать поднялась и помогла отдёргнуть тюль.

Захлопнулась балконная дверь, и женщины принялись о чём-то шептаться, перебивая друг друга. Сплетничают, догадался Андрей.

Покуриив, мужчины вернулись за стол. Отец поднялся, дождался, пока все стихнут, откашлялся и заговорил:

– Для начала хочу выразить благодарность всем присутствующим за то, что собрались в этот знаменательный день почтить память нашего любимого, нашего уважаемого Дмитрия Николаевича Воронцова. Героя Великой Отечественной войны, получившего огромное количество боевых наград, в том числе и медаль за отвагу. Человек, который рисковал жизнью за свою Родину, за каждого из нас. Кроме того, они с Клавдией Фёдоровной, царствие ей небесное, воспитали и поставили на ноги двух замечательных дочерей – Свету и Татьяну. Обе с высшим образованием, обе выбились в люди! Внуки в нём души не чаяли. С нетерпением ждали лета, чтобы отправиться в деревню. Стоит ли говорить, баловал он их очень...

Отец вздохнул.

– И вот сегодня ему исполнилось бы восемьдесят лет. Совсем немного не дотянул Дмитрий Николаевич до своего юбилея, но мы всегда будем его помнить, гордиться им, и всегда будем ему благодарны.

Все поднялись и осушили рюмки.

– Ага, – икнула тётя Таня, – благодарны за то, что он свой дом фиг знает на кого переписал.

Отец кашлянул в кулак.

– Тань, выпила – веди себя достойно, или сходи проветришь, – сказала мать.

– Ты сама проветришь. Что, разве я не права? Не намерена я тут ему дифирамбы петь. Ты лучше вспомни, как мама на сушилах чуть из-за него не повесилась. Что, забыла? Напомнить, может?

– Татьян, Свет, да не ссорьтесь вы, – вмешался дядя Костя, – опять вы за старое взялись, давайте хоть не сегодня.

– А мне сегодня дедушка снился, – воспользовавшись передышкой, проронил мальчик.

– Она, может, и пожила бы ещё, так ведь он её до инфаркта и довёл, – не унималась тётя Таня, – а вы, идиоты, тут сидите, оды ему слагаете. Тьфу, смотреть противно.

– Да как ты смеешь на отца, дрянь! – вскочила мать, – как тебе не стыдно! Он тебя, дуру, вырастил, потом в Политех пристроил! Сама бы ты со своим мозгом куриным поступила бы?! Хренушки! А с квартирой вам кто помог?! Так бы и жили в своей общаге с двумя детьми! Девять метров счастья! Вспомнила?! Вот и помалкивай сиди!

– Мне сегодня дедушка снился, – повторил Андрей.

– Рот свой закрыла! – крикнула тётя Таня. – Я, в отличие от тебя, по залёту замуж не выскакивала! Или, может, ты вообще его нагуляла, пока муж по гарнизонам мотался!

– Пошла вон отсюда! – вскричал отец, плеснув ей в лицо морсом. Тётка зафыркала, как лошадь.

– Ну это уже чересчур, старик, – дядя Костя вцепился в лацкан его пиджака и рванул на себя. Глава семейства повалился на стол, стащив праздничную скатерть и опрокинув тарелки с едой.

– Мне сегодня дедушка снился, – уже шёпотом повторил мальчик.

Мать заголосила во всё горло.

– Не здесь, не здесь! – орал отец, – не в квартире, посуду побьём! Выйдем в подъезд!

– Урод! – вытирала лицо салфеткой тётя Таня, – прямо в глаз попал! А если бы я ослепла?!

– Поделом тебе, шваль! – поправил пиджак отец, ослабляя заляпанный майонезом галстук.

– Это я-то шваль? Ты лучше на благоверную свою посмотри! Тоже мне, тихая мышь. Да чтоб ты знал, она, когда с Зиминим встречалась, изменила ему с его же другом! Под Новый год дело было. А потом вместе с ним, с Зиминим, в гости к нему ещё ходила, на диване его сидела с бесстыжими глазами, а на том диване он, наверное, её, то самое, шпехал. А потом ещё просила у Зимина сапоги ей купить! Вот она какая! Он любил её больше жизни, а к ней то и дело пацаны из соседних деревень приезжали по ночам. И увозили её. Куда? Явно не в шахматы играть. К приличным девушкам, между прочим, кавалеры по ночам не ездят!

– Не слушай её, Вов, – разрыдалась мать, – врёт она всё, паскуууда!

– Мне сегодня дедушка снился, – беззвучно шевелил губами мальчик, выводя чайной ложкой невидимые узоры на столе.

Мать вцепилась в волосы сестры и повалила её на пол. Все бросились разнимать. Дядя Костя обхватил свояченицу за талию и с лёгкостью приподнял.

– Всю жизнь мне испортила, тварь!!!! – сучила ногами мать, – вон из моего дома!!!

– Что, правда глаза колет?! – бушевала тётка, – харя твоя наглая! Люди добрые, полюбуйте на эту Деву Марию!

На крики стали тарабанить в дверь соседи. С площадки доносились недовольные возгласы.

Андрей ушёл в свою комнату. Лёг в кровать, накрыл голову подушкой. Мысль о завтрашнем дне наступала грозовой тучей.

Другой

«**Н**е пойду сегодня на работу, – решил Королёв, выйдя из подъезда, – всё, баста! Поброжу немного по улице и вернусь домой...»

Он поправил шарф, сунул руки в карманы пальто и зашагал по хорошо расчищенному тротуару. На улице подморозило. Снег ложился пушистыми хлопьями. У соседнего дома скребли фанерными лопатами дворники.

«Вот прогуляю сегодня, – размышлял он, – а Сергей Олегович стукнет по столу кулаком и закричит: где этот м...звон шарахается! Уволю к едренифени! Тогда девочки- корректорши ехидно засмеются: заблудился наш идиот где-то, или в лифте застрял»...

Королёв вышел со двора и двинулся по оживлённой улице в сторону парка.

Прошёл мимо продуктового ларька. Продавщица в синем переднике и наброшенном на плече пуховике сметала с крыльца снег.

– Доброе утро! Бог в помощь! – приподнял ондатровую шапку Королёв.

– Проходи давай, – буркнула продавщица.

В парке Королёв отыскал скамейку. Очистил её от снега, вытянул из кармана пальто газету, расстелил и присел.

«Хм, м...звон. Видали его! Это почему это я м...звон или идиот, или кто там ещё... Потому что не умею ругаться с людьми? Потому что не заглядываю в рот начальнику? Потому что я косноязычен? Потому что я пугаюсь в присутствии наглых людей? Или, может, оттого, что я всего-навсего человек. Обыкновенный человек, каких много...»

Вот сейчас вернусь домой, заберусь с головой под ватное одеяло и проваляюсь так долго-долго. И никто меня там не съест. Ну, разве что уборщица тётя Галя. Вот войдёт она в мою комнату, заглянет под одеяло, а там я лежу. Весь из себя обыкновенный и добрый.

– Ты чиво ит? – спросит она меня на деревенский лад.

– Сгинь, дурында, так надо... – отвечу я ей таинственно.

И буду смотреть из темноты, как волчонок. Если будет надоедать – зарычу.

Она вымоет пол и уйдёт по своим делам. А я буду лежать и размышлять, почему всё именно так, а не по-другому...»

Королёв поёжился от холода, приподнялся на руках и похлопал ногой об ногу.

«Но с другой стороны, – притопнул Королёв, – я ведь не медведь какой-то берложный. Не гоже мне под одеялом от людей прятаться. Ну день, ну, может, два, а вылезать-то всё равно придётся... Да-а-а, – вздохнул Королёв, – всё как-то сложно... Я прямо-таки недочеловек какой-то, что ли... Каждому позволено об меня ноги вытирать, с грязью смешивать, бранить и пугать...»

Бывало так, глянешь в окно: снег валит, ребятня во дворе на пластиковых поддонах с горки катается, сосед снизу, Генка Бочкарёв, на лыжную прогулку собрался, тётя Зоя расстелила ковёр и, что есть мочи, колотит по нему выбивалкой... И страшно как-то делается. Оттого страшно, что всё как всегда...»

Королёв встал, прошёлся взад-вперёд и снова присел на скамейку.

«Ну сколько ж можно, люди добрые! Неужели всем Так нравится! Неужели всем Так хорошо! И неужто никому не хотелось остановить прохожего, расцеловать его и пожелать здоровья, удачи и счастья?! Или купить два кило конфет шоколадных и раздать детворе! Или же броситься к старушке немощной, поднять её на руки и донести до квартиры, и плевать, если восьмой этаж! Другой человек – чужой. Он гадок, равнодушен, жаден и зол. Он другой, он другой, он другой...»

Хотя, может быть, всё совсем не так, и это я всех главнее и необыкновеннее? Может быть, они все завидуют мне? Что ж, если так, то пусть не ждут от меня пощады! Я буду горд и своенравен, как наш кот Сёма. И плевал я на них, в таком случае! Да-да, я буду выше этого! Пусть знают, гады, кто в доме хозяин! Пусть эти калеки ползут ко мне на своих брюхах за советом или за помощью. Но плевал я на них с высокой колокольни! Пусть подыхают, мне всё равно! Я стану избирательным в выборе слов. Язык жалких, примитивных существ не для моего тонкого слуха. Совсем скоро я перестану понимать их грязное, пошлое наречие!

Пока ещё не поздно, заклинаю всех вас: молитесь на меня, разбивайте в кровь свои лбы, ибо только так вы можете заслужить мою милость, и не коснётся своим чёрным крылом вас Кара Великая!

Неверных, сторонящихся и прочих смутьянов я буду проклинать, и когда-нибудь они умрут. Одумавшихся и осознавших я буду миловать, но и они умрут когда-нибудь...»

Положив в сумку палку сервелата, Инесса Михайловна услышала за спиной знакомый голос.

– Здравствуйте, к праздникам закупаетесь?

Инесса Михайловна обернулась и увидела соседку по лестничной площадке, Нину Савельевну. Она водрузила сетку с продуктами на прилавок.

– Да так, – пожалала плечами старушка, – решила вот с пенсии прикупить кое-чего к столу. А вы домой сейчас?

– Домой, только хлеба возьму. Покараулите моё добро?

Инесса Михайловна кивнула, прислонилась к прилавку, и придвинула сетку к себе.

Соседка поспешила к кондитерскому отделу.

Через пять минут они вышли из магазина.

– Эх, а снегу-то навалило за ночь, – перехватив из руки в руку тяжёлую сетку, натянула варежки Нина Савельевна. Васятка мой вчера все ноги промочил, гулявши. Слякоть-то какая была. А сегодня морозец крепкий, аж щёки жгёт.

Осторожно, боясь поскользнуться, старушки поковыляли по многолюдному проспекту.

– А я-то как мучилась вчера, – Инесса Михайловна взяла соседку под руку, – как погода меняется, суставы ныть начинают, и я в лёжку. Врача на дом вызывали. Сказали, что это у меня ревматизм. Мол, возрастное это, старческое. Таблетки какие-то прописали и мазь...

Подруга сочувствующе качала головой.

Они срезали путь через парк, вышли к пятидесятому дому и прошли мимо запорошенной детской площадки.

У подъезда топтался сутулый, средних лет мужчина в ондатровой шапке и лоснящемся старомодном пальто. Он неуклюже переваливался с ноги на ногу и что-то бормотал, спрятав лицо под шарфом. Изредка он вынимал руку из кармана и грозил кому-то кулаком.

– Вить, а ты чего это тут мёрзнешь, а? – Инесса Михайловна стряхнула снег с его плеча.

Мужчина замотал головой и, освободив рот от шарфа, по-детски улыбнулся.

– Да Королёва эта опять, небось, уборку затеяла, вот и выгнала бедолагу, чтоб не мешался, – сказала соседка.

– Ну, салтычиха! Сердца у ней нету! – Инесса Михайловна приобняла Витю, – давай-ка, пойдём, родненький, я тебя чаем с зефиром угощу...

Старушки пропустили Виктора вперёд и вошли в подъезд следом за ним.

Утро

Воскресенье. Семь утра. Ночное дежурство Игоря закончилось. Скрючившись от январского мороза, он семенил к остановке. В витрине магазина Игорь рассеянно поймал своё отражение. Жидкая бородка. Спущенная на глаза лыжная шапочка. Укороченный пуховик. Штаны цвета хаки. Высокие армейские ботинки.

Снег хрустел под рифлёной подошвой. Шарф, влажный от дыхания, покрылся инеем.

Разгоняя снежные клубы, прополз рабочий трамвай.

Игорь приблизился к остановке. Постучал в крошечное окошко киоска.

– Пачку «Максима», – сказал он и вытряхнул из кармана мелочь.

Игорь курил, не вынимая сигареты изо рта. Пытаясь согреться, вращался на месте, хлопая локтями по бокам. Выходил какой-то странный шаманский танец.

На другой стороне улицы вяло переругивались дворники в оранжевых жилетах поверх ватников.

К соседней остановке подкатил «пазик». Замёрзшие работяги привычно выстроились в очередь. Они предъявляли водителю пропуска и поднимались в салон. Выплёвывая пар, автобус отправился на завод. С отъездом рабочих, улица, ненадолго пробудившаяся от зимней спячки, вновь погружалась в дремоту. Лишь хитро подмигивал светофор на перекрёстке Ленина и Гайдара.

Наконец показался троллейбус. Двигался он медленно, словно кто-то нарочно удерживал его за «рога». Игорь вошёл в заднюю дверь, махнул проезным кондуктору и, получив в ответ одобрительный кивок, плюхнулся на сиденье у окна.

Стараясь не разбудить бабушку, Игорь неслышно прикрыл дверь коммуналки и на цыпочках прошёл к своей кровати. Над кроватью висели два постера – Бакунин и Че Гевара. Сняв с вешалки ключ на цепочке, он вышел из комнаты. Спустился в подвал, пошарил рукой под коробками и нащупал свёрток из грубой мешковины. Аккуратно развернув, Игорь осмотрел бутылки с «коктейлем Молотова». До встречи с кандидатами на пост мэра оставалось чуть меньше трёх часов.

Литературно-исторические миниатюры

Великие провалы, или Провалы великих

История искусства, в частности театрального, знает много курьёзов, когда, казалось бы, очевидные шедевры оказывались, мягко говоря, невосребованными.

Наиболее хрестоматийным примером является провал «Чайки» – гениального произведения великого русского писателя и драматурга Антона Павловича Чехова.

Премьера «Чайки» состоялась 17 октября 1896 года в Петербурге в Александринском театре. Если сказать, что пьеса успеха не имела, значит, ничего не сказать. Это был полный провал. Вот, как вспоминал очевидец той исторической премьеры И.Н. Потапенко: «Я не видел всего, но то, что видел, было уныло и странно до чрезвычайности. Ролей не знали, играли деревянно, все пали духом; пала духом и Комиссаржевская, которая играла неважно, и в театре было жарко, как в аду. Казалось, против пьесы были все стихии».

Но самое трагичное был не провал спектакля, а то, что его очевидцем был автор. Незадолго до окончания спектакля Чехов вышел из зала, а на следующий день и вовсе уехал из Петербурга.

Это представление и последовавшая травля Чехова в прессе, когда дело дошло до того, что стали отрицать, какой бы то ни было талант у автора, сделали своё дело – Чехов заболел.

«Злополучное представление <...> состоялось поздней осенью 1896 года, а уже ранней весной следующего года – следовательно, менее чем через полгода – Чехов лежал в московской клинике с явно обнаруженными признаками чахотки» (И.Л. Щеглов «Из воспоминаний об Антоне Чехове»).

Как здесь не вспомнить одну из реплик, которая для самого Чехова прозвучала как

Виктор ГРИБКОВ-МАЙСКИЙ

Виктор Грибков-Майский – поэт, публицист, драматург, член Союза журналистов России. Автор множества публикаций в различных СМИ.

Живёт в Твери.

пророчество. «Это началось с того вечера, когда так глупо провалилась моя пьеса», – говорит Треплев – один из персонажей «Чайки».

Но и это ещё не всё. Самое удивительное в этой истории то, что она была лишь продолжением трагедии, которая разыгралась на сцене Александринского театра за шестьдесят лет до чеховской премьеры – 28 апреля 1836 года здесь впервые давали другое гениальное произведение другого великого русского писателя – гоголевского «Ревизора». Удивительно, как схожи описания этих двух премьер: «"Ревизора" нельзя было видеть без отвращения, все актёры впали в отвратительную карикатуру. Сосницкий сначала был недурён; много было естественности и правды в его игре; слышно было, что Гоголь сам два раза читал ему "Ревизора", он перенял кое-что и ещё не забыл; но как скоро дошло до волнений духа, до *страсти*, говоря по-театральному, – Сосницкий сделался невыносимым ломакой, балаганным паясом». (С.Т. Аксаков «История моего знакомства с Гоголем»).

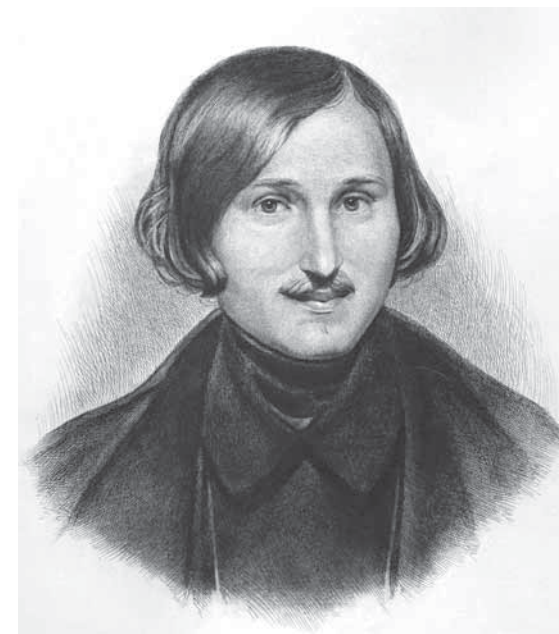
А вскоре после провала «Ревизора» Николай Васильевич Гоголь спешно покидает Петербург. Покидает, даже не простившись с самыми, казалось бы, близкими людьми – Пушкиным и Жуковским.

Считается, что эта неудача не имела такого трагического значения в судьбе Гоголя, как провал «Чайки» для Чехова. Общеизвестно, что Гоголя «убил» второй том его «Мёртвых душ». Но, кто знает, как сложилась бы его жизнь, не будь той злосчастной премьеры в Петербурге. Ведь полученная рана была настолько глубока, что даже спустя полгода одно упоминание о театре вызывало у Гоголя отвращение: «Не води речи о театре: кроме мерзостей, ничего другого не соединяется с ним» (Из письма Гоголя Н.П. Погодину, 28 ноября 1836 г.). И если тот провал «Ревизора» не убил его физически, то, без всякого сомнения, он убил в нём драматурга.

Даже спустя много лет, в 1848 году, будучи в Италии, Гоголь писал Жуковскому, что не может спокойно говорить о том провале: «Представление "Ревизора" произвело на меня тягостное впечатление. Я был сердит и на зрителей, меня не понявших, и на себя самого, бывшего виной тому, что меня не поняли. Мне хотелось убежать от всего».

Чем же объяснить эти, казалось бы, необъяснимые провалы? Тем более что все последующие представления прошли с успехом. Одно лишь ясно – дело здесь не только в плохой игре Комиссаржевской и Сосницкого...

Чтобы лучше понять природу подобных сценических провалов, казалось бы, неоспоримо-гениальных драматических произведений, углубимся ещё немного в историю театра и обратимся к творчеству не

Н.В. Гоголь (1809–1852).

А.П. Чехов с актёрами МХТ.

менее гениального, но теперь уже французского драматурга – Пьера Огюстена Бомарше.

Бомарше – автор знаменитой драматической трилогии о Фигаро, которую открывает комедия «Сивильский цирюльник, или Тщетная предосторожность» – одно из лучших произведений не только самого Бомарше, но и всей французской литературы.

Премьера «Цирюльника» состоялась в пятницу 23 февраля 1775 года в Париже. Спектакль... провалился. Пьеса показалась утомительно длинной. Говорили о полном провале. Рецензенты воспользовались возможностью, чтобы как можно больше унижить самого драматурга. Вот что писал один из них: «Репутация господина Бомарше сильно пошатнулась. Порядочные люди поняли наконец, что, когда из него выдёргивают павлиньи перья, то под ними окажется противная чёрная ворона, наглая и назойливая, как и все вороны».

Но в отличие от Гоголя и Чехова, Бомарше спокойно отнёсся к этому. Можно даже сказать, что неудача его только раззадорила. И вот, после небольшой авторской доработки, пьеса, так бесславно провалившаяся в пятницу, спустя всего лишь два дня снова была дана и прошла... с триумфальным успехом. Удивительный факт и, вполне возможно, исключительный по своей уникальности.

Вот как писала об этом современница Бомарше г-жа дю Деффан: «В первом своём представлении она была освистана, вчера имела необычайный успех».

«Чайка», «Ревизор», «Сивильский цирюльник» – сегодня эти признанные шедевры мирового искусства ни у кого не вызывают сомнений. И надо очень сильно «постараться» и режиссёру, и актёрам, чтобы зритель ушёл из театра недовольным.

Но тогда, когда они только что появились на свет – это было, как принято сегодня говорить, «ноу-хау» в театральном искусстве того времени. А то, что ново – не всегда можно понять и по достоинству оценить с первого раза.

Русские литераторы «в глуши, во мраке заточенья»

*Кровать, да стол, да стул убогий,
Да, чтобы я не мог уйти,
Был часовой поставлен строгий
У двери, запертой на ключ,
Как будто я был так могуч,
Что мог бы вырваться оттуда...
Без сверхъестественного чуда...*

Николай Огарёв «Тюрьма»

В июле 1824 г. А.С. Пушкин был отстранён от службы и направлен в Михайловское и только в сентябре 1826 г. ему было позволено вернуться в Москву.

Время ссылки поэт провёл с пользой и для себя и для русской литературы. За это время им было написано много: поэмы «Цыгане» и «Граф Нулин», автобиографические записки, драма «Борис Годунов», главы «Евгения Онегина» и большое количество стихотворений, в том числе и одно из его лучших стихотворений «Я помню чудное мгновенье», из которого взята и строчка в название данной статьи.

Справедливости ради, стоит сказать, что эта ссылка, вполне возможно, уберегла Пушкина от более тяжёлого испытания – каземата, рудников, поселения или солдатчины, как это стало с участниками восстания декабристов, среди которых оказался его друг и брат по перу Вильгельм Кюхельбекер.

За участие в мятеже Кюхельбекер сначала был приговорён к смертной казни, которую затем заменили 20 годами каторги и пожизненным поселением в Сибири. Но окончательным стало осуждение на 10 лет одиночного тюремного заключения.

В.К. Кюхельбекер (1797–1846).

За это время Кюхельбекеру пришлось посидеть в разных тюрьмах: в Петропавловской крепости, в Шлиссельбурге, в Динабурге и, наконец, в Вышгородском замке г. Ревеля, где и был освобождён 14 декабря 1835 года в день десятилетия восстания декабристов. А затем путь его лежал на поселение в Сибирь.

Можно без преувеличения утверждать, что в таких условия Кюхельбекеру помогла выжить литература. В одиночной камере он много пишет, читает, изучает иностранные языки, чтобы иметь возможность читать книги в оригинале. С 1831 года ведёт дневник, где есть удивительные записи:

«Я принялся за греческий язык – читаю четвертую книгу «Илиады».

«Этот месяц подарил меня шестью лирическими стихотвореньями, которые, кажется, пригодятся для моего собрания...».

«Кончил первое действие своей сказки. Начинаю читать Гомера с удовольствием».

«Провидение меня воспитывает и обстоятельствами принуждает к занятиям, о которых по природной лениности, вероятно, и не думал бы: в Шлиссельбурге я выучился по-английски...» и т.д.

Ещё на одного литератора-декабриста, князя Александра Петровича Борятинского, Петропавловская крепость оказала, самое что ни на есть благотворное влияние. Именно здесь он написал лучшее из своих произведений – циклизированное стихотворение «Стансы в темнице», причём на французском языке. Русскоязычному читателю оно стало доступно только в 1931 году, когда было опубликовано в переводе В.М. Нечкиной.

Не избегал своей ссылки и известный русский писатель И.С. Тургенев. В апреле 1852 года за публикацию статьи на смерть Гоголя он был арестован и сослан в своё имение. Ссылка продлилась до ноября 1853 года. «Несмотря на суровое начало, арест в дальнейшем своём течении принёс ему немало добра, дав возможность создать одну крупную вещь – рассказ «Муму» (Н.В. Анненков «Молодость Тургенева»)...

В 1862 году в Петропавловской крепости оказался Н.Г. Чернышевский. Процесс его шёл медленно, прямых улик не было – только косвенные, и чтобы не терять времени даром Николай Гаврилович много пишет. Его лучшее произведение – роман «Что делать?» написан за решёткой, в Петропавловской крепости, где писатель просидел 678 дней. А после того, как был написан роман «Что делать?», писатель принялся за повесть «Алферьев» и ещё один роман «Повести в повести».

В тюрьме, на каторге и в ссылке Чернышевский провёл, в общей сложности, более 20 лет и никогда не оставлял своих литературных занятий.

Но в истории русской литературы иногда происходили уж совсем удивительные вещи. И хорошо, что лишь иногда. Именно тюремное заключение стало самым плодотворным периодом в творчестве известного русского публициста Д. И. Писарева.

В 1862 году им был написан памфлет с призывом к ликвидации дома Романовых, где, кстати, были и, как показала жизнь, пророческие слова:

«То, что мертво и гнило, должно само собой свалиться в могилу, нам останется только дать им последний толчок и забросать грязью их смердящие трупы».

Наказание не заставило себя ждать. Больше 4 лет провёл Писарев в одиночной камере Петропавловской крепости. Но как ни странно, именно здесь им были написаны его лучшие статьи, принёсшие автору настоящую

литературную славу. Всего им было написано в заточенье 25 работ. Другого Писарева русская литература так и не узнала. Спустя два года после освобождения, по амнистии в 1866 году, он трагически погиб.

Но если Писарев был осуждён за призывы не только к свержению, но и к физическому уничтожению самодержавия, то совершенно непонятно, за что так жестоко пострадал 12 годами раньше один из величайших русских писателей – Фёдор Михайлович Достоевский. Ведь вся его вина состояла в том, что он входил в кружок Петрашевского и всего лишь. Не было ни вооружённого восстания, ни призывов к насильственному изменению существовавшего строя, но был приговор – смертная казнь, который, правда, заменили на 4 года каторжных работ с лишением всех прав состояния и с последующей солдатчиной.

Справедливость такого жестокого приговора ставит под сомнение в своих воспоминаниях один из современников Достоевского, известный путешественник граф П.П. Семёнов-Тян-Шанский: «Только на одного Петрашевского можно было указать, как на несколько сумасбродного агитатора... Все же остальные... не составляли никакого тайного общества и не только не совершали, но и не замыслили никаких преступных действий...».

Другой участник кружка Петрашевского Д.Д. Ахшарумов впоследствии подробно описал жуткую сцену гражданской казни петрашевцев, но дело не в этом. Даже в тюрьме Достоевский остаётся писателем. Ещё в Петропавловской крепости, ставшей со временем

Д.И. Писарев (1840–1868).

Ф.М. Достоевский (1821–1881).

М.Л. Михайлов (1829–1865).

своеобразным «домом литераторов», в ожидании приговора он пишет рассказ «Маленький герой». На каторге из под его пера выходят повести «Село Степанчиково и его обитатели» и «Дядюшкин сон». А впечатления от пережитого были обобщены писателем в «Записках из Мёртвого дома».

Достоевский был освобождён в 1859 году и сразу приезжает в Тверь, где в память об этом событии его именем со временем была названа одна из улиц города.

В 1861 году, арестованный по доносу провокатора, поэт, переводчик и критик Михаил Ларионович Михайлов, был осуждён на шесть лет каторжных работ и к пожизненному поселению в Сибири.

А уже в следующем году он написал свои «Записки», ко-

торые критики относят к лучшим произведениям Михайлова. Ещё через три года появляются научно-популярные очерки «За пределами истории». В ссылке был написан и роман о «новых людях» – «Вместе».

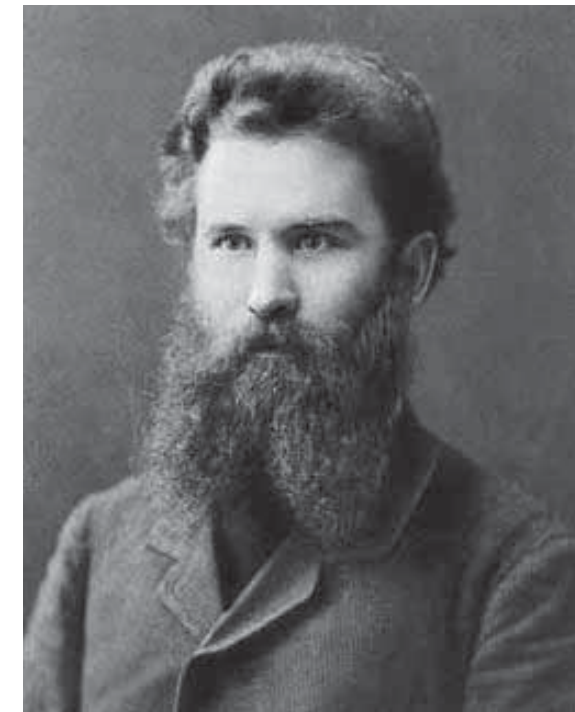
В 1884 году при возвращении из-за границы был арестован один из самых известных русский «морских» писателей К.М. Станюкович – автор «Вокруг света на «Коршуне»».

Сразу после ареста писатель был препровождён... в Петропавловскую крепость. После года заключения в крепости, Станюковича высылают на три года в Сибирь, где он снова возвращается к своей любимой теме – морским рассказам.

В 1901 году тогда широко известный и популярный поэт Константин Бальмонт публично прочитал стихотворение «Маленький султан»... и оказался в ссылке в имение Сабынино под Курском, где сразу же принялся к работе над новой книгой «Будем как солнце»...

В феврале 1905 года оказался в Таганской тюрьме известный русский писатель Леонид Николаевич Андреев, которому вменялось в вину авторство черновика листовки, призывающей к вооружённому восстанию. Усугубило положение Андреева и то, что у него был револьвер. К счастью, в тюрьме он пробыл всего две недели и был выпущен под залог в 10 тыс. рублей. Но даже за столь короткий срок он «ухитрился» написать небольшое литературное произведение под названием «Записки без адреса».

И тверские тюрьмы внесли, пусть и небольшой, но свой вклад в историю русской литературы. В 1880 году почти полгода в Вышневолоцкой политической тюрьме провёл известный в будущем русский писатель В.Г. Короленко. Именно здесь у Владимира Галактионовича проявился его писательский дар – он написал один из своих первых рассказов «Чудная».

В.Г. Короленко (1853–1921).

Во многих тюрьмах побывали российские литераторы, но несомненно, первенство принадлежит Петропавловской крепости, где в январе 1905 года оказался и Алексей Максимович Горький. И вот удивительное дело, несмотря на то, что в заключении Горький провёл всего 11 дней, за столь короткий срок ему удалось написать здесь пьесу «Дети солнца»... Может быть, сами стены казематов Петропавловской крепости так располагали к творчеству...

Справедливости ради надо сказать, что «сия грустная традиция» получила своё продолжение и в советское время, но это уже совсем другая история. Что же касается огарёвского эпитафия, то русские писатели не раз показали своим личным примером, что своей мыслью они всегда были на свободе.

ПОЭЗИЯ

Инна Юрьевна Мухина – по профессии металлург и металлург, кандидат технических наук, ведущий специалист в области авиационного материаловедения. В течение многих лет стихотворения И. Мухиной постоянно появляются на страницах периодической печати, в коллективных сборниках и альманахах. Автор трёх поэтических книг и лауреат многих литературных конкурсов. Член Союза писателей России.

Живёт в Москве.

Инна МУХИНА

«А только наших душ миры...»

От римских блях
до пуговицы русского солдата
Максимилиан Волошин

Это Крым и исконно Россия.
Всюду слышится русская речь,
Города здесь такие родные
Феодосия, Ялта и Керчь.

Айвазовский и Чехов, Волошин –
Здесь великого творчества след.
В настоящем наследие прошлого
«Дом поэта»¹ оставил поэт.

Крымская тетрадь (история одной любви)

1

Пролог

Здесь, на старой земле генуэзской,
Среди морем обрызганных скал,
Среди пенного шума и плеска
Солнца луч на камнях ликовал.

¹ Коктебель

Он за стенами крепости крался,
Аю-Дагу зализывал рот,
То по улочкам узким шатался,
То запрыгивал в каменный грот.
Вслед за лучиком этим влюблённым
Афродита и местный рыбак
Танцевали на улочке сонной,
Поцелуями путая такт.
Позабыты и книги, и снасти,
И ревниво злословил причал,
Что рыбак, ошалевший от счастья,
Свою душу уже потерял.
Он дарил ей коралловых крабов,
Дикий мёд киммерийских цветов,
К Ай-Даларам летел их корабль
Под названием вечным «Любовь».

.....
Он за нею – из города в город:
Самолёты, такси, поезда.
Цвет глицинии майской недолог,
А любовь? Может быть, навсегда...

Гурзуф

2

Фотография

Дрожит и тает на губах улыбка,
Владелец мира, ты сегодня нежен.
А ветер за окном с метелью зыбкой
Опять этюд разучивает снежный.
И проплывают в звуках этих дружных
Предлунные далёкие мечты.
О, если б знал ты только, как мне нужно,
Чтоб слышал эту музыку и ты.

3

Поиск

Я не помню тебя отдельно
от любви. Равенства знак.

Марина Цветаева

Отдай, гора, любимого,
Хоть больше нам не встретиться.
Отдай, гора, любимого
Цветами мая месяца.

Отставшего, заблудшего,
С судьбой непримиримого,
Забьтого и лучшего,
Отдай, гора, любимого...

Ялта

4

Ora pro nobis¹

Не растравляй души измученной,
Гурзуф – такая благодать!
Ведь я и так судьбы заученной
С телеги сбрасываю кладь.
Ты мне назначил встречу тайную
У той сомкнувшейся горы,
Где места нет людским случайностям,
А только наших душ миры.

Ялта

5

Ты, меня любивший дольше времени.
Марина Цветаева

Серые разрушенные горы,
Крымская тугая тишина.
Жгут воспоминаний сдавит горло,
Закачает памяти волна.
Наплывают зыбкие мотивы
Той далёкой ласковой любви.
Ай-Далары, как мне быть счастливой,
Как отрава та любовь в крови.
Воздух ей пропитан здесь и камни,
Свет подлунный не даёт уснуть.
Успокойся, ворожея-память,
Я сюда вернулась
...помянуть.

Гурзуф

6

Эпилог

*Буду любить тебя
Даже за гробом,
Даже и мертвый
Всё буду любить.*

Саша Чёрный

Цвели глицинии, сиял Гурзуфский май.
Кружились бабочки, как одалиски.
Шептал причал: «Смотри и вспоминай!
Ковчег любви затерянный. Он близко».
О, отзовись! Мне здесь невоготу.
Так невозможно отраженье в камне.
Судьбы превозмогая немоту,
Прочти мне Сашу Чёрного на память.
А дерево иудино цветёт
Малиновым, как наважденье мая.
«Ora pro nobis» – твой заветный код,
Как душу отмолить твою, я знаю.

Гурзуф

¹ Ora pro nobis – молись за нас (лат.)

Особенности натаски немецкой легавой по кабану

К полевой пернатой дичи курцхаар Нора особого азарта не проявляла, так, с ленцой исполняла то, что от неё требовали во время дрессуры. Вот отец и решил выставить её на испытания по кровавому следу. У людей, перенёсших инфаркт миокарда, есть обычай переоценивать свои силы – через пару километров отцу стало плохо с сердцем. Много чего можно было сказать нелицеприятного о Норе, но вот душой она не была – как только хозяин принял нитроглицерин, и его немного отпустило, она развернулась и потащила отца к старту (до него было ближе). Конечно, её сняли с трассы: раз собака потеряла след – значит, не выдержала испытание!

Папа был искренне расстроен – по его вине Нора не справилась с заданием. Он тут же пошёл к ближайшему егерю, специалисту по кабану. Вольер представлял собой огороженное сеткой-рабицей пространство где-то в пятнадцать соток с редкими деревьями. Поверх забора был положен настил из досок с перилами, метрах в двух от земли, по которому можно было обойти вольер по периметру, с безопасного расстояния наблюдая, как кабан расправляется с собаками.

С охотоведом, отвечающим за испытание по кабану, удалось договориться без особых проблем, – пять литров медицинского спирта – и вольер со свинтусом в нашем распоряжении: «Травите зверя хоть до темна!» Учитывая, что было около двух часов дня, предложение выглядело щедрым, под стать подношению.

По скрипучей деревянной лесенке мы с собакой и егерем взобрались на помост вольера. Мне показали на мостки – две узкие доски, сшитые вместе и скреплённые несколькими перекладинами-ступеньками. Судья, он же охотовед, провёл краткий ликбез, просто-таки лучась удовольствием:

– Слезаешь с собакой, вон по этим жёрдочкам, держа её на коротком поводке, – вещал он, – подводишь к кабану, командуешь, спускаешь с

Борис Борисович Катковский – поэт, бард, лауреат конкурсов военно-патриотической песни и декламации, песен о Москве, фестивалей авторской песни, международного поэтического конкурса «Классный час» (2010), лауреат литературно-общественной премии «Звёздная строфа» в рамках конкурса МГО СП России «Лучшая книга 2008-2011», диплом имени С.А. Есенина конкурса «Галерея избранного стихотворения» в номинации «Страна великая». Автор поэтических сборников «Старая колода» (2010), «Парный танец» (2011). Живёт в Москве.

карабина, подбадриваешь собаку. Если что пойдёт не так – на сетку не лезь, всё равно не получится. Беги к мосткам, они для кабана тонкие, он по ним вверх не влезет!

И ехидно мне подмигнул. «Что-то он излишне веселится», – подумалось мне. Отец был всё ещё бледен после приступа, хотя живости не потерял и норовил сам отправиться на испытание. Я вздохнул, поддёрнул за поводок собаку поближе и потащил её вниз. Мы сползли на землю, обречённо переглянулись и, под громкие советы и наставления отца и подхохотывание егеря, начали красться к кабану.

Тот стоял посреди вольера и смачно чесал спину и правый бок о ствол осинки, так, что деревце изрядно подрагивало. К нам он был повернут задницей, вёл себя более-менее смирно. Самое время было на него науськать Нору. Получив разрешение егеря, я снял собаку с поводка и тихо скомандовал:

– Возьми! – махнув рукой в сторону свинтуса. Нора посмотрела оценивающе на тушу, сотрясающую почёсыванием ствол тридцатисантиметрового диаметра, оглянулась на отца (он стоял, прихлёбывая чай из эмалированной кружки и поощрительно кивая нам головой). Потом выразила мне взглядом всю свою преданность... Я подтолкнул её к кабану коленом и поторопил:

– Куси его!

Щетинистый монстр всхрапнул – посторонние звуки мешали ему наслаждаться гигиенической процедурой. Я отвлекся, чтобы убедиться, что он не поменял своего положения в пространстве. Через штанину джинсов вдруг ощутил колебание воздуха. Когда собаке необходимо, она умеет очень быстро бегать: Нора уже миновала мостки, встала на помосте перед отцом и начала показывать, как она отчаянно и бесстрашно его защищает от злого и страшного зверя. Она щёлкала зубами, рычала, лаяла, опять утробно взрывалась рыком. В общем, всему свету было видно и слышно, какая она грозная, там, в двух метрах над землёй и в полусотне от дикой свиньи. Егерь хохотал до слёз, а я несколько обиделся на мою суку за столь неспортивное поведение: меня-то она внизу забыла...

В спину ткнулось что-то тарелкообразное. Резко развернувшись, убедился, что скопировать здравомыслящий поступок собаки не удастся. Кабан-пятiletок был ростом мне по подбородок – по крайней мере его острый хребет. Огромный не пятачок – пятак, с дырками носовых ходов, розовел перед моей грудью, большущая голова с жёлто-коричневыми от осиновой коры клыками, маленькие чёрные свиные глазки, где-то внизу острые немаленькие копытца. Он стоял спокойно, но «с претензией».

Я нервно обернулся к егерю – на того надежды было мало. Он с удовольствием вытирал кулаком слёзы, выступившие от хохота. Посмотрел на отца... Нора продолжала поносить хрюка на собачьем языке всемерно и самозабвенно, но от ноги папы не отлипала.

– Ну, и что мне делать? – поинтересовался я. Папа экспрессивно помахал кружкой, расплёскивая чай, и предположил:

– Собака не понимает, что тебе грозит опасность. Прояви к кабану агрессию!

Егерь сполз на мостки, подвывая и взвизгивая, это уже была истерика, он перекачивался по мосткам, со всхлипом пытаясь втянуть воздух, и снова истерически постанывал – на хохот сил у него уже не осталось. Я снова повернулся к хрюку. Тот так же внимательно продолжал на меня пялиться. Вдруг

его пятак резко опустился вниз и начал усиленно приплюсываться к моему правому ботинку. Чуток подвинувшись ко мне, он наклонил голову и с завидным упорством начал сдирать ботинок с моей ноги. Слава Богу, ступня стояла в одной из ямок, которыми щедро был изрыт этот участок вольера. Свинтусу очень неудобно было ухватывать носок ботинка, но он не терял надежды обрести столь родной запах в собственное безраздельное пользование.

Левую ногу я судорожно отставил подальше назад, а правую вдавливал в землю изо всех сил – мне очень не хотелось отдавать ботинок. Эту пару обуви (армейские боты) мне привезли в подарок из ГДР, они пользовались изрядной популярностью: друзья выпрашивали их поносить на несколько денёчков. Мама специально перед поездкой наканифолила их свиным растопленным салом – чтобы «не скрипели, распугивая дичь, и не промокали». Отдавать культовый прикид дикому зверю не имело смысла: он бы не смог справиться со шнуровкой; я бы не смог с ней быстро управиться тоже. Надежды на стоящих на мостках не было: егерю явно поплохело – он лежал навзничь, слегка постанывая и взбрыкивая ногами; отец, расплескав весь чай, добавлял новую порцию из термоса; собака неустанно облаивала нас с хряком – прямо вылитая гончая... Вломил бы ей по мягкому месту, да свин не пускает.

Вот тут меня и настигло состояние бесшабашного веселья и неопишуемой храбрости. Я, стоя в раскоряку, один на один с матёрым секачом, начал тоже смеяться. Хохотал над ситуацией, над собой, чаем, снова выплёскиваемым щедрой рукой отца в порыве азарта, неадекватным егерем, кабаном-каннибалом.

Нора перестала лаять, щетинистое отродье отстало от моего ботинка и подняло морду вверх, даже егерь перестал поскуливать. Я упёрся в острый хребет свина и попытался сдвинуть его с места – не получилось... Он только недоумённо покосился на меня. Тогда я совершил, наверно, один из самых безумных поступков в своей жизни – отведённой назад левой ногой с размаха заехал ему по упругому боку с криком:

– Пошёл домой!!!

Свин послушно развернулся и потрусил к обгрызенной осинке. Я, гордо выпрямив спину и повернувшись тылом к любителю немецкого обувного производства, пошёл к мосткам, краем глаза кося на происходящее сзади. Егерь уже немного пришёл во вменяемое состояние, по крайней мере – предпринял попытку занять вертикальное положение. Забравшись на чуть подрагивающих ногах по мосткам на галерею, я был встречен упрёком отца, который проявлял недовольство происходящим и требовал, чтобы я снова стащил собаку вниз, – в этот раз у неё всё получится. Нора стояла за ним, состроив умильную морду.

Категорически отказался лезть в вольер к дикому лесному гиганту, пусть себе осину трескает. Подошедший егерь поперхнулся:

– Подожди, парень, так ты что, не знал?..

Я недоумённо посмотрел на его красное от смеха лицо:

– О чём вы, уважаемый?

Егерь долго вглядывался, ища какой-то подвох, затем резко посерьёзnel и объяснил:

– Этого кабана полосатым подвинком нашли возле убитой браконьерами свиньи. Его отдали в соседний пионерский лагерь; до сих пор боится швабры. Выращенный людьми, он их как опасность не воспринимает, вот собак – дерёт,

они его много раз обижали... А ты, значит, к дикому кабану в вольер полез? Ну, ты, юноша, или самый храбрый человек на моей памяти, или самый глупый...

Мне в то время казалось, что вторая характеристика как-то ближе отражала моё тогдашнее поведение, да и сейчас я недалеко ушёл от того мнения.

Нора диплом по зверю так и не получила. А на правом ботинке остались следы от кабаньих клыков – несколько неровных полос на коже, почти незаметных, особенно если сначала пройтись коричневым кремом для обуви, а потом растопленным свиным салом, чтобы не скрипели и не пропускали воду...

ПОЭЗИЯ

Тамара ПОТЁМКИНА

Тамара Викторовна Потёмкина – родилась в Иркутской области. Кандидат исторических наук, доцент, член Союза писателей России и Российского союза писателей. Публикуется в многочисленных сборниках, журналах, альманахах. Автор трёх сборников стихов: «Многоликость судьбы» (2006), «Многогранность любви» (2011), «Сезоны любви» (2014), совместно с композитором В. Аграновичем выпущен музыкально-поэтический альбом «На перекрёстке чувств» (2014). Финалист городских и национальных литературных конкурсов, победитель нескольких московских, а также международных конкурсов. В 2014 г. вошла в число финалистов международного конкурса «Наследие».

Живёт в Москве.

Полёты Ангелов

Два странника

Два странника искали Бога,
Всю ночь, взывая к тишине,
Молили им помочь дорогой
Не заплутать в кромешной тьме.

Один сказал: «Господь всемогущ,
Он создал души и тела,
А человеку остаётся
Исполнить Божьи дела.
И если вдруг ты оступился,
То в этом – не твоя вина,
Всем бедам есть одна причина –
Злой искушитель сатана».

Два странника искали Бога,
Всю ночь, взывая к тишине,
Молили им помочь дорогой
Не заплутать в кромешной тьме.

Другой твердил: «Нет Бога в небе,
И в звёздах нет, и в облаках,
Но, где б ты ни был, кем бы ни был,
Господь живёт в людских сердцах».

ТАМАРА ПОТЁМКИНА

Пётр Григорьев. «...Ибо приблизилось...». Х.м. 60x110 см. 2011 г.

Его почувствовать непросто.
Но, если не кривишь душой,
Найдёшь ответы на вопросы,
Как жить в гармонии с собой».

Два странника искали Бога,
И день, и ночь брели в пыли.
И каждый шёл своей дорогой,
Моля о счастье и любви.

Два странника искали Бога...

У храма

Деревья пробуждались после стужи,
Кормил служитель стаю голубей.
Мне показалось, это были души
Когда-то живших на Земле людей.

Страстям своим они не знали меры,
Ни перед кем не чувствуя вины,
Прожили без молитвы и без веры,
Не видя в синем небе глубины.

Пётр Григорьев. «Юрьев-Польский пейзаж». Х.м. 50x60 см. 2015 г.

И души их, отвергнутые Богом,
 Метались и искали утешенья,
 Внезапно к Храму привела дорога,
 Где ждёт их
 милость Божья и спасенье.

Седой священник
 щедро сыплет крошки
 И шёпотом молитвы всё читает.
 Жалеет и ворчит на них немножко
 И все грехи земные отпускает.

Полёты Ангелов

Незримо Ангелы парят над нами,
 И в суете не замечая их,
 Мы думали, что жизнь наладим сами,
 Не зная о Хранителях своих.

Пётр Григорьев. «Ангелы в облаках». Х.м. 130x200 см. 2000 г.

В молитве и посте мы не радели,
 В потоке дней не ведая о том,
 Что крылья ангелов ломались и горели,
 Когда они от зла спасали дом.

Мечтали о богатстве мы и славе,
 Стремясь в душе заполнить пустоту.
 Как трудно ангелам бывает с нами:
 И защитить, и отвести беду!

Но видя бесконечные ошибки,
 Спасают вечно нас от тяжких бед,
 И ангельской волшебной улыбкой
 В сердцах незримый оставляют след.

Не требуют ни жертвы, ни награды.
 Христос дарует силы, и любовь...
 Им только видеть наше счастье надо.
 Храни их, Господи... и защити нас вновь!

Птица-Время

(под впечатлением от стихотворения
 В. Стоянова «Едно бяло перо»)

Потеряло перо время-птица,
 Вот и папа мой не возвратится
 Из миров, где предков могилы,
 Станет Ангелом белокрылым.

Пётр Григорьев. «Сошедший с неба». Х.м. 119x85 см. 2016 г.

На Земле лик родной не увижу,
 Лишь во сне
 голос ласковый слышу:
 Он меня окликает оттуда,
 Лечит душу,
 как в детстве простуду.
 Бережёт от невзгод,
 огорчений,
 Охраняет от зла искушений...

Вновь обронит перо
 птица в воду,
 И приблизится время ухода.
 Пусть живут в мире
 счастливо люди,
 Их хранить
 вместе с папой мы будем.

Пётр Григорьев. «Большой светлый ангел». Х.м. 200x100 см. 2010 г.

Аллилуйя

На всё, что создано Всевышним,
 Я с удивлением смотрю,
 За миг дарованной мне жизни
 Тебя, Господь, благодарю.

За то, что в небе бледно-синем
 Плывут и тают облака,
 И что зимой – на ветках иней,
 И словно зеркало – река.

За грома первого раскаты,
За утра раннего зарю
И за багровые закаты
Тебя, Господь, благодарю.

За тихий шелест листопада,
Начало зимних холодов,
И за нежданную прохладу
Июльских томных вечеров.

Я всё, что было и умчалось,
В своих молитвах повторю:
За то, что в жизни мне досталось,
Тебя, Господь, благодарю.

Когда мы были на войне...

Зачем?

Взятые в заголовок слова из популярной казачьей песни мне неоднократно приходилось петь в казачьих ансамблях «Казачий курень» и «Ясна зброя».

Исполняя эту песню, я всегда испытывал какую-то неловкость, о чём и говорил братьям казакам. Сейчас же мне петь эту песню не стыдно. Я честно исполнил свой казачий долг (а впрочем, должен ли я кому!), воюя добровольцем в Гвардейском артдивизионе Особого назначения «Восток» в/ч 08818 в Донбассе.

Меня часто спрашивают:

– Что вас, разменявшего седьмой десяток, да ещё с группой инвалидности, понесло в такое пекло?!

И ещё спрашивают:

– Настоящий вы казак или нет?

Пусть теперь мне задают подобные вопросы, в том числе любой казак, всю жизнь проживший на Дону или на Кубани у бабьей юбки и не нюхавший пороху. У меня на эти вопросы есть свои ответы.

Испокон веков казаки были защитниками Российской державы и первыми принимали на себя удар врага.

Сейчас же, когда Донецкие и Луганские исконно казачьи земли хочет отнять кучка обезумевших «бандеровцев» с их покровителями, мы, казаки просто обязаны протянуть им руку помощи.

Если все будут обывательски относиться к таким событиям по принципу «моя хата с краю», то не удивляйтесь, что в скором времени НАТОвские базы будут стоять у стен Кремля.

И, перефразируя строки Михаила Светлова, хочу сказать:

*Я хату покинул, пошёл воевать,
Чтоб землю в Донбассе шахтёрам отдать...*

Александр Михайлович Дубовский – родился 27 ноября 1954 г. в г. Белебей на Южном Урале в геодезической экспедиции. С самого раннего детства проживал в подмосковном посёлке Запрудня Талдомского района. Многие годы работал в лесном хозяйстве. Имеет ряд общественных и ведомственных наград. Публиковался в журнале «Великоросъ», ряде СМИ. Внештатный корреспондент Талдомской газеты «Заря». Дважды лауреат премии Губернатора Московской области «Наше Подмосковье» – проекты, посвящённые наследию (2015, 2016). Казак, подхорунжий Лобненского горродского казачьего общества. Участник боевых действий в Донбассе.

Живёт в Талдомском районе Московской области.

Боевые будни

Нас «мехводов» ничему не учили. Посадили на самоходки «Гвоздика», покатались менее часа. Никаких инструкторов не было. Кое-какие азы в управлении показали механики, которые сами-то машины не знают.

Командиры:

– В бою на позициях сами научитесь!

Из дневника:

«Поставили машины на боевые позиции. Перед первым залпом молюсь:

– Господи, не дай пострадать от моего снаряда невинным».

На стрелковых позициях более-менее всё видно и ясно: впереди тебя враг, и ты его должен убить, иначе он убьёт тебя или твоего товарища.

В артиллерии несколько иначе, там уже групповая ответственность. Результат стрельбы зависит, прежде всего, от вычислителей, топографов, корректировщиков, наводчиков, но машина всё же моя, и она несёт смерть и разрушения.

Многие из Новороссии, наверное, слышали случай с применением «нового секретного оружия». А было это так: местные жители заметили, что с сопредельной стороны, занятой «укропами», регулярно выезжает БТР, обстреливает мирные дома, а при появлении ополченцев быстро ретируется, причём двигается по одному определённом маршруту.

Все, кто бывал в Донбассе, наверняка обратили внимание на красивые пирамидальные тополя, растущие вдоль больших и малых дорог. Зная примерное время появления БТР, двое лесников, вооружившись... бензопилами, надпилили несколько деревьев, а бабы, вооружившись канистрами с бензином, укрылись в засаде.

Механик-водитель САУ «Гвоздика» Гвардейского артдивизиона, батальона особого назначения «Восток» в/ч 08818 Минобороны ДНР сотник Лобненского Казачьего общества.

Ловушка сработала. Как только машина появилась в заданном районе, уронили одно дерево, далее началась цепная реакция или «принцип домино» (в лесном хозяйстве это называется «батарейная валка»), деревья попадали одно за другим, тем самым блокируя манёвр боевой машины. Далее пошли в ход канистры с бензином.

Высочившие из БТР «киборги», или как их там ещё, грозились снести селение с лица земли. На что жители из укрытий предложили им сложить оружие и сдаться, в противном случае обещали из вояк сделать «жареные шпроты», факелы уже горели.

Горе-воякам ничего не оставалось, как сложить оружие и сдаться. Тут вовремя подоспели вызванные по телефону ополченцы.

Было ли страшно?

Огромный терминал, доверху забитый БК (боекомплект) – в нём свободно разъезжают КАМАЗы и «Уралы». Идёт погрузка и сортировка БК.

К концу смены изрядно измотанный боец роняет снаряд на бетонный пол, как раз той частью, где взрыватели. Раздаётся громкий удар, кто-то пытается укрыться, кто-то в растерянности.

Взрыва не последовало. А если бы последовало, шансов спастись не было бы ни у кого.

Тот эпизод, наверное, не одному бойцу прибавил седых волос.

...Молодой боец (позывной «Мангуст») был пробит осколком навывлет. Осколок прошёл в нескольких миллиметрах от сердца. Через рану было видно пульсирующее сердце.

Спасли! Сделали операцию. Боец опять вернулся в строй, был награждён, и из него впоследствии вышел хороший командир 3-й батареи.

Из дневника:

«"Скорая"... Боец с ухоженной бородой (позывной «Мюнхгаузен») лежит на носилках и держит свою оторванную ногу.

Сопровождающий:

– Да брось ты её, отвоевался...

Медсестра:

– Может, отправят в Москву, может, пришьют!

«Мюнхгаузен»:

– Пришьют – не пришьют, всё равно останусь воевать!

Он, наверное, ещё не осознаёт всю тяжесть своего положения. И вопрос: останется ли он, вообще, жить?! Говорят, это шоковое состояние».

Из дневника:

«Был на свадьбе. Настоящая фронтовая окопная свадьба. Это многого стоит. Жених – позывной «Гуляй» из Самары (2-я батарея), невеста приехала оттуда же. Невеста в белом свадебном платье, как положено. Жених в форменной «горке» с белым бантом.

Выгнали из ангара САУшки. Столы соорудили из снарядных ящиков. Водка, закуска, всё как положено, но поскромнее. Песни под гитару. Невесте подарили огромный букет кроваво-красных роз и танкистский шлем, который она тут же надела вместо фаты».

...На построении командиры задали вопрос:

– Какие будут жалобы, пожелания?

Я попросил пригласить в дивизион священника. Командование пошло на встречу.

В ближайшее время мне было поручено съездить за батюшкой. Он благословил меня в алтарники.

Мы провели молебен. Кто-то исповедовался, кто-то просил совета. Раздали иконки, крестики, освятили казармы (или, как здесь принято говорить, «кубрики»), столовую, оружейку, боевые машины (колесница, как в молитве). Это происходило несколько раз.

Узнав, что я веду дневники и собираю материал для будущей книги, некоторые бойцы просили не упоминать их имена, позывные и, тем более, фамилии, так как у многих на «той стороне» остались родственники. И дабы избежать репрессий к ним со стороны «укропов», я выполняю их просьбу.

...Ночь. Ополченец А. стоит в карауле на въезде в «располагу». Луна, в звёздном небе замечает какое-то лёгкое движение, разглядел низко летящий беспилотник. Очередь из автомата, беспилотник падает вниз.

Бегут начкар, разбуженные офицеры и бойцы. Разглядывают остатки беспилотника с видеоаппаратурой. Офицеры благодарят бойца за бдительность:

– Готовь дырочку для награды.

Вдруг появляется микроавтобус, из него выскакивают бойцы в спецназовской экипировке, оружие наготове:

– Всем оставаться на своих местах, не двигаться, стреляем без предупреждения!

Какой-то спец фотографирует остатки беспилотника.

Наши тоже хватаются за оружие.

– Кто стрелял? – голос из группы приехавших.

Наши командиры оттесняют «виновника» и закрывают своими спинами.

– Кто стрелял? Пойдёт под трибунал!

Оказывается, беспилотник принадлежал соседнему батальону.

– А какого х... он оказался над нашей «располагой»? – гремят голоса с нашей стороны.

До серьёзного конфликта не дошло. Когда страсти улеглись, соседи собрали остатки своего «заблудившегося» разведчика, а ополченца – «виновника» отправили спать, заменив его другим. А. остался без награды, но и до трибунала, слава Богу, не дошло.

О несогласованности действий отдельных батальонов и подразделений говорит и такой факт.

По разведанным, на территории ДНР в то время работало не менее 20 ДРГ (диверсионно-разведывательных групп) «укропов». Они, как правило, разъезжали на микроавтобусах, «каблучках», комби и мусоровозах. Мы их называли «бурбухайками».

Эти «бурбухайки» могли остановиться в центре города, возле какого-нибудь важного объекта или просто в густонаселённом районе, через открывающуюся крышу машины дать залп из миномёта и скрыться.

Преследуя такой мусоровоз, группа бойцов открыла предупредительный огонь из стрелкового оружия. Водитель не среагировал. Мусорка уходила всё дальше и дальше. Видя, что на «Урале» её не догнать, старшим в группе пере хвата была дана команда стрелять на поражение, что и было сделано.

После нескольких пулемётных очередей мусорка встала: трое «двухсотых», четвёртый – тоже кандидат.

И опять такая же картина. Подруливает машина с каким-то спецподразделением:

– Кто стрелял? Пойдёте под трибунал! Они нам нужны живыми! Мы за ними уже давно охотимся.

– Пока вы за ними охотитесь, они перебьют пол-Донецка, а на ваш век таких «бурбухаек» ещё хватит.

После долгих пререканий инцидент замяли.

Почему я называю сопредельную сторону «укропами»?

Это не моё изобретение и не наше, а их. В бытность правления Януковича существовала группа оппозиционеров, именовавшая себя «украинской оппозицией» – «укроп». Ныне она влилась в правящую верхушку, но не вся.

В моей батарее воевал мой ровесник 1954 года рождения, позывной «Дед». Он прославился тем, что в самом начале зарождавшегося конфликта из ракетницы сжёг «укроповский» вертолёт, который только-только начал набирать высоту. Прямо как в фильме «Крепкий орешек».

Из дневника:

«22/II. У “Немца” праздник. Его жену освободили из трёхмесячного плена, обменяли на нескольких “бандеровцев”».

Почему “немец”?! Его отец был военнослужащим и нёс службу в Группе Советских войск в Германии, там и народил сына.

Жена “немца” оставалась в районе, занятом “укропами”. Участковый, знавший, что она по профессии маркшейдер, доложил руководству, что она владеет навыками геодезии и топографии, и её обвинили в сотрудничестве с ополченцами как корректировщицу огня. И начались её страдания по застенкам и подвалам “незалежной Вкраины”. Её томили в одиночке, сутками держали с мешком на голове, содержали с уголовницами. Кстати, уголовницы приняли её очень хорошо и относились к ней с уважением, чего не скажешь о представителях власти “незалежной”!

В расположении части, перед оружейкой, стенд с наглядной агитацией и «внимание розыск» – фотографии молодых симпатичных девчат, человек 10-12, информация:

«Эти девушки заводят знакомства с ополченцами, приглашают их в гости, после чего те бесследно исчезают. При встрече с оными – задерживать и доставлять в ближайшую спецчасть или к командованию, при оказании сопротивления поступать по законам военного времени».

Страшная формулировка!!!

Боевые друзья

В первую очередь хочу поблагодарить своего боевого командира Абрамова Вадима Владимировича, позывной «Карась». По гражданке пожарный капитан. Воевать начал с первых дней. Участвовал в кровавой «мясорубке» на Саур-Могиле, где ещё в годы Великой Отечественной войны полегло много наших воинов. Это историческая господствующая высота 277,9 м над уровнем моря.

Кстати, на разбитом мемориале я нашёл фамилию давно разыскиваемого нашего родственника лейтенанта Дубовского И.М., погибшего там в Великую Отечественную войну.

Так вот, наш «Карась» пользовался большим авторитетом у бойцов артиллеристов и миномётчиков, имел две боевые медали и «География», а там медали, а тем более кресты просто так не дают. Про таких и поют :

*Комбат батяня, батяня комбат,
Ты сердце не прятал за спины ребят...*

У меня язык не поворачивался называть его «Карасём», ведь по морским понятиям – это оскорбление, как «салага», и я, в зависимости от присутствующих, хотя он был ровесник моего сына, звал его – «батяня-атаман», или «батяня-командир».

Своим наставником я считал Николаевича – позывной «Охотник», который начинал войну действительно с охотничьей двустволкой. Единственный, кто старше меня на год, с 1953 года.

А другой Николаевич, позывной «Лёня», правда мы все звали его «Санька-Санька», младше меня лет на десять. Справедливый, честный и авторитетный товарищ, который и в обиду не даст, и поделится последним. Сам он из предпринимателей, в нём действительно есть хозяйская жилка. Когда началась война, закрыл своё кафе, два магазина, один оставил дочери и ушёл воевать. Его сын тоже воевал, только в подразделении командиром, был тяжело ранен, лишился двух рёбер. По выздоровлению опять ушёл воевать. Это всё поступки настоящих мужчин, ну а каково же их жене и матери? Такая женщина заслуживает глубочайшего уважения.

Мои друзья «Леонидович» и «Камазик» тоже воевали с первых дней и заслужили боевые награды. Огромное спасибо им за поддержку в моей ратной службе.

Из командиров хочу отметить: «Доброполье», «Свата» и Пашу «Памира».

Не для кого уже не секрет, что в Новороссии воюет много добровольцев из России: из Питера, Москвы, Тулы, Магадана, Якутии, Самары, Чувашии, Чечни... Есть бойцы и командиры из Абхазии, Франции, Греции, видел двух чернокожих...

Был мальчик лет 12, о нём много писали и снимало телевидение. Многие ранее в армии не служили, а были и с уголовным прошлым, отсидевшие пять и более лет. Здесь уместно помнить слова из пени В. Высоцкого: «Если Родина в опасности, значит всем идти на фронт».

Нельзя не вспомнить «Кристиночку» – зам. командира артдивизиона по работе с личным составом, а попросту «замполит». Этот человек действительно на своём месте. Она даже иногда конфликтовала с командованием и защищала права бойцов. Привлекла и меня к политработе – проводил лекции на темы: «Армия и религия», «Фалеристика – наука о наградах» и другие, отправляла меня в школы Донецка для участия в акции «Георгиевская лента».

Хочется ещё отметить маленькую амазонку Оксаночку. Она служила при штабе как секретарь и телеграфистка, а когда Кристину взяли с повышением в батальон, занималась и политработой. Её внешность вызывает улыбку. Одна сторона её головы была с обычными длинными волосами, а другая выбрита наголо и от плеча до шеи большая татуировка. И как бы её внешность не казалась агрессивной, в сущности это была добрая и отзывчивая девочка. Пришлось мне, будучи в карауле на «яме» (так у нас называется гауптвахта), охранять вместе со штрафниками и Леночку – позывной «Змея». Она содержалась в отдельной камере. И мне приходилось водить её в туалет. А так как женского туалета в «располаге» не было, то приходилось выгонять бойцов из

туалета и с автоматом охранять её, пока она не справит свои надобности и не приведёт себя в порядок. По прошествии нескольких дней мы с ней со смехом вспоминали это. В дальнейшем, я от таких караулов отказывался.

О жителях Новороссии

Хочется вспомнить добрым словом жителей Новороссии. Эти люди живут в основном ещё теми, «совковыми» понятиями. «Совковый» в хорошем смысле слова, их ещё не испортила западная цивилизация. Здесь, наверное, следует вспомнить Редьярда Киплинга:

*О, Запад есть Запад, Восток есть Восток.
И с места они не сойдут,
Пока не предстанут Небо с Землёй
На страшный Господень суд.*

Когда мы двигались по городам и посёлкам в составе колонны бронетехники, люди высыпали на улицы, с восторгом приветствовали нас, осеняли крестным знаменем, кидали цветы, выносили продукты.

Так только встречала Европа Советских воинов в 1945 году, но, правда, сейчас они забыли своих освободителей.

Если колонна останавливалась, к нам тут же бежали местные жители, несли продукты, предлагали вино, горилку, давали адреса и номера телефонов. Проникали на боевые позиции (хотя это категорически запрещалось), приносили огромные кастрюли их знаменитого борща и их традиционного сала, другие домашние продукты и домашние заготовки.

О детях хочется сказать особо. В перерывах между боями нас приглашали в школы, в педучилище. И не надо особо приглядываться, чтобы ощутить разницу между ними и нашими ребятами «демократической России». По их лицам, по взглядам на жизнь, по их недетским вопросам чувствуется – дети войны. О них уже не скажешь «поколение пепси», это не поклонники «Гарри Поттера». Часто приходилось слышать от 7-10-летних мальчиков и не только мальчиков, но и девочек после разрыва снарядов, или отдалённых залпов:

– Это 122-миллиметровками бьют «укропы» по Ясиноватой. Во гады, опять Горловку градами накрывают. А это наши 150-миллиметровки из Макеевки лупят.

Город труженик, город воин

Лоборясь из Алчевска в Донецк, я предполагал увидеть заштатный городишко, закопчённый угольной пылью, но каково было моё удивление, когда я увидел огромный красивый город – миллионник с рекой Кальмиус. Он красив и зимой, и весной, и особенно летом. Весь в зелени, аккуратный, ухоженный город. В городе я нигде не видел переполненные урны, а тем более мусорные мешки, как у нас в Подмосковье, не видел даже окурков на автобусных остановках. И не подумаешь, что это прифронтовой город. Работают детские сады, школы, концертные залы, театры, библиотеки, филармония. И только кое-где о войне напоминают разрушенные мосты, сожжённые и полуразрушенные дома, которые ещё не успели восстановить. А восстановление идёт быстрыми темпами.

К круглосуточной канонаде люди в основном уже привыкли. Просматривая

свои дневниковые записи, я не нашёл ни одного дня без артобстрелов, хотя давно уже подписано перемирие.

Дембель

Ура! Я теперь гражданский! Взял на последние копейки две бутылки пива и пошёл на природу. Смерть и тяготы боевой жизни позади. Сижку на пеньке, потягиваю пиво. Вокруг порхают фазаны, хоть сбивай шапкой. В Подмосковье я их не видел. Прыгают две белки. Кстати, две белки жили у нас перед окнами «располагаи». Побрёл далее через поляну. Красота, а мысли о доме. Вдруг вижу табличку: «Проход закрыт. Осторожно мины». Вот и отдохнул. Ещё не хватало после всего увиденного и пережитого взлететь на воздух будучи уже гражданским. Кое-как с величайшей осторожностью выбрался, это, наверное, прибавило мне ещё седин.

Не говорю: «Прощай». До свиданья, Донбасс, дай Бог тебе мирного неба. Ты этого заслужил.

ПОЭЗИЯ

Юрий ПАВЛОВ

Юрий Сергеевич Павлов – поэт и прозаик. Родился 15 июня 1950 г. в г. Владимире. По окончании пединститута работал учителем русского языка и литературы в сельской школе. Затем на комсомольской и партийной работе. Закончил Горьковскую ВПШ и Российскую академию государственной службы при Президенте РФ. Более четверти века работает в органах исполнительной власти Владимирской области. Член Союза писателей России. Автор поэтических книг «В прощальный праздник листопада», «Минута молчания», «В краю берёзовых рассветов» и др. Автор книги рассказов «Куковала кукушка». Печатался в коллективных сборниках, альманахах «Памятники Отечества», «Владимир», «Годова гора», а также в журналах «Православный воин», «Наши современники» и «Родная Ладога», еженедельнике «Литературная Россия», газете «Советская Россия». Лауреат премии «Слово к народу» редакции газеты «Советская Россия» (2011). Кавалер ордена «Свято-Евгеньевский Крест» 3-ей степени (2012).

Живёт во Владимире.

«Метут снега, метут по всей России...»

И пошатнулись осени устои,
Когда под вечер стихло всё, и вдруг
Снег полосой повалил густою,
Таинственно смешавший всё вокруг.

Он осыпал раскидистые ивы,
Преобразил в мгновение старый сад,
Он шёл такой доверчиво-стыдливый,
Как будто в чём-то был он виноват...

Он сразу обновил ребятам горку
И этим был желаннее всего.
Щенок юлой вертелся от восторга,
Всё нюхал снег и лаял на него!

И было необычным ощущение
Взволнованности, счастья, красоты!
Как будто в светлый праздник очищенья
Был ясен ум и помыслы чисты!

В лес декабрьский вхожу, как в палату,
Где от снега светло и стерильно
И где ветер, как доктор в халате –
То в движенье, то сникнет бессильно...

То опять по велению долга –
Весь в делах, отдыхать ещё рано,
Он к деревьям прильнёт ненадолго,
Берестой забинтует им раны.

И затихнет, слегка озабочен,
Боль чужую чувствуя остро,
И берёзы стоят у обочин –
Милосердия сёстры...

Осень не скупилась на подарки:
На багрянец, золото, рубин.
Как в снегу горят сегодня ярко
Светофоры красные рябин!

И с момента самого зажженья
К ним на свет летят со всех сторон,
Нарушая правила движенья,
Стайки шумных галок и ворон.

Но сгорят огни и наземь лягут,
И когда пройдёт немалый срок,
Вспыхнут над землёй гирлянды ягод
В праздничном убранстве у дорог!

Была в этом скрытая тайна,
Незримая с Вечностью связь,
В то утро над полем прощально
Мелодия грусти лилась...

И зову её повинуюсь,
Я вышел в знобящий простор,
И вспомнилась давняя юность –
Души непотухший костёр...

По ком это грустное пение?
По лету, сторевшему враз?!
По жизни, мелькнувшей мгновением?
По Родине, втопанной в грязь?!

По мне ль эта музыка адова,
Щемящая песня до слёз...
Как много я в жизни загадывал,
Как мало сегодня сбылось!

А ветер расшторивал дали,
Во все устремляясь концы,
И долго рыдали, рыдали
Над полем глухим бубенцы...

В чудеса не верю я, но знаю:
Всё бывает в жизни. Невзначай
В Будапеште, около Дуная,
Я берёзку нашу повстречал.

Здравствуй, белоствольная, родная,
От волнения не нашёл я слов.
К берегам далёкого Дуная
Как тебя, подружка, занесло?

До Москвы отсюда сотни станций,
Но стократ милее стало мне,
Что с тобой мы оба иностранцы
В этой тёплой маленькой стране.

В Будапеште вновь колдует осень
И с цветами входит в каждый дом.
В волосах подружки вижу проседь,
Только ль осень виновата в том?!

Ветер её обнял, как невесту,
Разгадать загадку мне помог:
Вот она, сойти не в силах с места,
Простирает руки на восток...

Этой ночью приснилась мне Родина.
Я подумал – ты, может, больна?
Ничего не случилось, а вроде бы
Стала пыткой чужая страна.

Три недели из поезда в поезд,
Города... города... города...
Каждый раз, о тебе беспокоясь,
Письма-птицы летели туда.

Без обратного адреса птицы...
А к чему? Где обратная связь?!
Если что и могло бы случиться –
Я молил: Боже мой, не сейчас!

Ни сейчас, ни потом, никогда бы!
Лишь одной тебе было видней –
Отзвук жизни моей – пусть хоть слабый
Долетал через несколько дней...

Если б что-то случилось, едва ли
Можно б было прервать «марафон».
Мы, выходит, как в детстве играли,
Помнишь нашу игру «в телефон»?!

И я понял: чтоб вновь повстречаться –
Лучше веры во все чудеса –
Уходя далеко, не прощаться,
Не спешить оставлять адреса...

Город крепко связали метели,
Осадив все его уголки.
В неуютном холодном отеле
«Изучали» мы потолки.

И экзотика не манила,
Хоть и многое виделось там,
Вдруг какая-то странная сила
Потянула к родимым местам.

И сейчас уже трудно припомнить,
Отчего с чьей-то лёгкой руки
Иностранный крутили приёмник –
Но скорее всего – от тоски...

И сквозь многоязычье и всхлипы,
Словно шелест осенней листвы:
«Ой, рябина, рябинушка...» – выплыл
Милый голос далёкой Москвы.

Ой, рябина, рябинушка, где ты?
Стало так на душе хорошо,
Словно в песне бесхитростной этой
Каждый что-то родное нашёл...

Будет в памяти долго храниться,
Словно лента, где запись не стёр,
Как нас грел далеко за границей
Тот уральской рябины костёр..

По пустякам с тобой поссорюсь,
Я как в аптеку – в зимний лес,
Где снега рыхлого – по пояс,
Где масса сказок и чудес.

Всего наслушаюсь, увижу,
Душой отгаю, отойду,
И ты мне снова станешь ближе –
На радость или на беду?!

И я себе признаюсь честно,
Чувств обнажая наготу,
Хоть и бывает вместе тесно,
Но врозь, хоть брось – невмоготу!

И дятла, труженика леса,
Я попрошу, чтоб для тебя
Он передал открытым текстом:
«Страдаю. Мучаюсь, любя...»

Пригрел кто-то добрую птицу!
Когда это было? – Давно?!
Но всякий раз голубь садится –
Почтовый – ко мне на окно.

Рассвет удивительно розов,
И вот уже с первым лучом
Он здесь, и дыханье морозов,
Выходит, ему нипочём!

И весь истоптав подоконник,
В снегу проторил он пути,
Моей писанины поклонник,
В стекло постучался: «Впусти!»

Окно открываю, и снова,
Довольный собою весьма,
Является голубь почтовый,
Увы, как всегда – без письма...

Метут снега, метут по всей России,
Который день – призывно и светло,
И лишь метель стихает, обессилив,
Другая вновь ложится на крыло...

Лежит земля – бела и первозданна,
Лишённая обычной суеты,
И каждая безмолвная поляна,
Как совесть, – самой высшей чистоты!

Что в белизне? Какая мощь и сила?
Какие краски в стынущих полях?
Но мне милей без ретуши Россия, –
Как мама, что умаялась в делах...

И сердце вдруг пронзительно уколёт
Предчувствием недалёкая беда, –
Что мир неповторим, и это поле
Я не увижу больше никогда!..

Березняки из простенького ситца,
Где в сумерках светло, как будто днём...
Как ты смогла, Россия, поместиться,
Большая, – в сердце маленьком моём...

Может, скоро годы мне итожить,
Пусть другим видней на склоне лет,
Я хочу, чтоб был достойно прожит
Каждый новый день мой на земле.

Ничего, что пройдено немного,
Но и в этом тоже есть резон –
Непростой была моя дорога:
Чаще в гору, реже – под уклон.

Я учусь быть преданным и мудрым,
Я спешу любить родную Русь.
Это счастье – просыпаться утром!
А случится – вдруг да не проснусь...

Потому пришлось мне научиться
Радостями маленькими жить:
Светит солнце, и ликуют птицы –
Этим мигом нужно дорожить!

Провода в синичках, словно счёты!
Насчитать бы лет ещё на сто!
Да расселись непонятно что-то:
Справа – три, а слева – большинство...

Может быть, и рано мне тревожить
Дней ушедших светлую канву...
Раз уж так случилось... ну и что же? –
Остальное лучше доживу!..

Рассказы

Молоток

В этот погожий, майский денёк новостройка (строили многоэтажку) дышала полной грудью: без конца подъезжали большие и не очень большие машины, разгружались. Башенный кран, устремившись к яркому, красноватому солнышку, постоянно что-то поднимал-опускал, бетонщики бетонировали, плотники плотничали, каменщики клали кладку, штукатуры штукатурили, и всё у работяг происходило весело, с матерком – русским и не очень русским. Короче, работа на стройке шла полным ходом.

Плотник Палыч сколачивал обыкновенную опалубку, в которую потом зальют бетон. Сколачивал он её с такой любовью, так подгонял доску к досочке, как будто это вовсе не опалубка будет, а мебель какая-то, или... гроб (прости меня, Господи), или... конь троянский. Палыч, высунув язык, старательно загонял гвозди, вдруг молоток в его руке «разобрался» – стальная головка слетела с деревянной рукоятки. Плотник начал было материться – с чувством, с расстановкой, но тут его на самом интересном месте прервал молодой мужской голос:

– Палыч!

– Ну, – повернул тот голову. Перед ним стоял бригадир плотников Серёга – бойкий, любящий деньги, тридцатилетний парень.

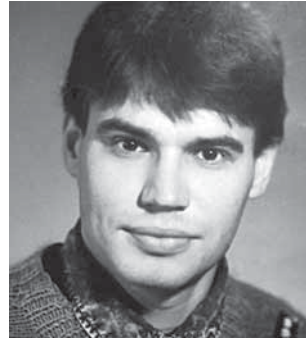
– Тебя прораб зовёт.

– Прораб? Зовёт? Великий начальник! – Палыч усмехнулся, подбирая головку от молотка. – Серый, ты лучше скажи, когда на стройке инструментальщик появится?

– Я откуда знаю. Вот с прораба и спросишь. Иди, у него к тебе дело.

– Ну-ну... дело...

Палыч вошёл в вагончик прораба без стука – как привык. Снял каску, обнажив седую голову, прибрал волосы.

Олег Евгеньевич Пряничников – родился 3 августа 1969 года. Женат, растёт сын. Окончив восьмилетку и профтехучилище служил в армии, затем освоил множество профессий. Второй десяток лет работает на предприятии ВСМПО-АВИСМА. Впервые опубликовал свои юморески в журнале «Рабоче-крестьянский корреспондент», в 1986 г. Затем были публикации в журналах «Крокодил», «Чаян», «Калейдоскоп», «Вокруг смеха», «Начинающий писатель», «ЛитОгранка», «Союз писателей», в газетах «На смену!», «Уральский рабочий», «Литературная Россия» «Веселуха», «Кайф по выходным», «Нескучная газета» и других. Участвовал в сборнике «Шутка ли...2». Автор книжки «Игра длиною в жизнь».

Живёт в Верхней Салде.

– Звал, Семён Кондратьич?

– Зва-а-ал! – протянул прораб Пулькин, живо выходя из-за стола. Он метнулся к плотнику, словно к дорогому гостю. Маленький лысик: пузатый, толстозадый, заискивающе глядя снизу вверх, приобнял высокого, плоскогрудого, широкоплечего Палыча и подвёл его к своему столу, вернее к стулу. Кожаному.

– Садись, дорогой.

Плотник не спешил садиться. Видя к себе хорошее отношение начальства, он всегда ожидал худого.

– Что ж ты не садишься?

Палыч сел и демонстративно выложил на стол молоток – головка отдельно, рукоятка отдельно. Прораб, засунув руки в карманы брюк, стал расхаживать вдоль стола.

– Ну, – указал плотник взглядом на «запчасти».

– Что, ну? – сделал вид, что не понял намёка, прораб Пулькин.

– Ты когда инструментальщика на работу примешь, Семён Кондратьич? На инструментальщике экономите, на новом, современном инструменте экономите, на...

– Тпррру-у! – осадил Палыча прораб. – Ты чё завёлся? Да ещё при людях.

И только теперь Палыч заметил «людю». В тёмном углу прямоугольного помещения сидел парень. Сообразив, что его плохо видно, парень поёрзал задницей по лавке, тем самым передвинувшись ближе к окошку. Дневной свет выхватил фигуру и лицо юноши лет восемнадцати. Худой, белобрысый парень смотрел как-то чересчур прямолинейно, я бы даже сказал – с вызовом.

– Знакомся, Палыч, Виктор... э...э...

– Можно просто – Витя, – сказал парень, решительно оторвавшись от лавки.

– Инструментальщик?! – обрадовался Палыч, приподнимаясь и пожимая вспотевшую, напряжённую ладонь парню.

– Я? Не. Я этот... плотник. Меня с «Центра занятости» направили.

– Не просто плотник, а выпускник строительного колледжа, плотник третьего разряда, – прорекламиривал Пулькин юношу и, добавив торжественно: «Принимай напарника!», подтолкнул того к Палычу, мол, раскрывай объяття, старый, счастье тебе привалило.

Палыч объятий не раскрыл. У него в мгновение пересохло во рту, он плюхнулся обратно на кожаный стул и машинально схватил за горло графин с водой. Прораб услужливо подставил стакан. Палыч выпил, выпил ещё. Парень по имени Витя стал переминаться с ноги на ногу.

– Се... Семён Кондратьич, а зачем мне напарник? Ты же знаешь, я работаю исключительно один.

– Один. Что значит – один? Вас семеро в бригаде плотников. Палыч, я знаю, что ты плотник экстра-класса, но пойми и меня: ты – пенсионер, а вдруг завтра ты плюнешь на меня, на стройку и уйдёшь.

– Куда уйду? – удивился Палыч.

– Не туда – куда ты подумал. А, к примеру, в лес – по грибы, на рыбалку – по...

– По рыбу, – подсказал плотник экстра-класса.

– Да хотя бы – по неё. Скажешь: всё, устал, завязываю работать, отдыхать хочу. С кем я тогда строить буду, Палыч?

– Да куда я уйду? У меня же контракт, Семён Контра... тьфу... Кондратьич.
 – Контракт! – уже кричал прораб Пулькин, меряя шажками периметр вагончика. – А если с тобой действительно что-нибудь случится?! Годы-то берут своё! Палыч, – тут прораб сбавил тон. – Ну разве тебе самому не хочется передать кому-нибудь свои знания, навыки, секреты?
 – Я сыну передал, – потупил взор Палыч.
 – Кто у нас сын?
 –...Менеджер.
 – Фу-у-уххх! Короче, возьмёшь напарника? – прораб Пулькин дал понять, что разговор заканчивается. Он вытащил из брюк большой носовой платок и начал сушить им от пота раскрасневшиеся лицо, лысину, толстую шею. Палыч молчал. Затем проворчал, возвращаясь к наболевшему:
 – Лучше бы ты инструментальщика взял.
 – Инструментальщика? Стоп! – начальник хитро прищурился. – Подожди, Палыч. У тебя какой разряд? Шестой. А я помню, я учился: плотник второго тире шестого разряда должен уметь насаживать на рукоятку головку – будь то молоток, кувалдочка...
 – Лопата, – без всякой иронии, совершенно серьёзно вставил своё слово парень по имени Витя. Вставил и осёкся.
 – При чём тут лопата? – нахмурился прораб.
 – Ах, значит, помнишь, учился? Тогда так, – Палыч с шумом покинул кожаный стул. – Какой, говоришь, у него разряд? Третий?
 Пулькин и Витя кивнули одновременно.
 – Тогда так: отремонтирует мой молоток – возьму напарником! – отрезал плотник экстра-класса.
 – Отремонтирует, Палыч. Отремонтирует, – залебезил прораб.
 – Лег-ко! – почему-то щёлкнул каблуками тужель по-гусарски парень по имени Витя.
 – М-да, – посмотрел на новенькие, блестящие тужель юноши Палыч. – Ладно. Приноси, как отремонтируешь.
 – Вместе принесём, – весь сияя, пообещал Пулькин и хлопнул плотника экстра-класса по груди.
 – Ну-ну, – Палыч напялил на голову каску и вышел из вагончика, оставив свой «разобравшийся» молоток на столе прораба.
 С испорченным настроением он вернулся к любимой опалубке. Да, настроение было неважнецким, но работать-то надо. Плотник решил воспользоваться запасным молотком, благо такой был. Не успел он забить и пяти гвоздей, как перед ним выросли двое: прораб и парень по имени Витя. Прораб выглядел довольным, а глаза парня теперь смотрели не только с вызовом, но и с каким-то снисхождением.
 – Готово! – объявил прораб.
 – Хм, – хмыкнул Витя и протянул молоток Палычу.
 Палыч молоток не взял, но осмотрел.
 – Готово, говоришь. Тогда испытывай. Бери гвоздь, забивай.
 – Куда? – растерялся Витя.
 – Да прямо в опалубку и забивай, в любую доску.
 – Давай, выпускник колледжа! – подзадорил новоявленного плотника прораб Пулькин. – Покажи, чему тебя учили три года!
 – Покажи, ага, – пробормотал Палыч и отошёл. Подальше. Прораб махнул на него рукой, оставшись стоять, как стоял.

Юноша взял в левую руку гвоздь, в правую молоток, приблизился к опалубке, приставил гвоздь к доске, размахнулся и-и-и...
 – Уби-и-и-ли-и-и!!! – полетел по стройке истошный крик беременной штукатурщицы Вали Брусничкиной. – Прора-аба-а уби-и-и-ли-и-и!!!
 Самосвалы перестали вываливать, бетонщики бетонировать, плотники колотить, каменщики и штукатуры побросали мастерки, замер и башенный кран, устремившись к уже не такому яркому солнышку. Работяги стройки образовали круг, в центре которого, раскинув руки, лежал прораб. На лбу прораба покоилась стальная головка от молотка. Держа голую рукоятку, рядом с прорабом стоял парень по имени Витя, очень похожий на статую из гипса. Над прорабом склонился плотник экстра-класса Палыч, он делал начальнику искусственное дыхание: в рот, правда, не дул, но на грудь давил от всей души. Ещё одна деталь – кроме Палыча над прорабом склонилась беременная штукатурщица Валя Брусничкина. Она в полголоса причитала какую-то бракадабру.
 Палыч продолжал давить даже тогда, когда Пулькин открыл глаза.
 – Ты ещё мне рёбра сломай, – прохрипел тот.
 – Живой! – победно выкрикнул плотник. Работяги вздохнули с облегчением. А Валя Брусничкина разревелась. Понятно, что от радости.
 – Подними меня, Палыч, – снова прохрипел прораб и, нащупав, зачем-то сжал в руке стальную головку от молотка.
 – Конечно-конечно, – отбирая у начальника головку, пообещал Палыч и обещанье своё выполнил. Прораб Пулькин после долгих колебаний наконец принял устойчивую позу.
 – Кто же так молотком, без клинышка, работает? – укоризненно сказал Палыч Виктору. – В рукоятке же прорезь есть, надо было клинышек забить.
 – А вы нам не оставили... клинышка, – парировал упрёк, оживая, Витя.
 – Идиот, – обречённо вымолвил прораб Пулькин. Поперёк лба его красовалась огромная лиловая шишенция. – И я – идиот, хотя и учился. Ух... темно в глазах. Местами. Видимо сотрясение.
 – Сейчас «скорая» приедет. Наверное, – перестала реветь штукатурщица Валя Брусничкина. Она подхватила пошатнувшегося Пулькина.
 – Не надо, – отстранился прораб. – Завтра же позвоню в «Центр занятости», чтобы этого... обратно...
 – Ладно уж, Семён Кондратьич, – добродушно сказал плотник Палыч. – Оставь мне парня, научу – чему смогу. А в «Центр занятости» всё равно позвони.
 – Зачем? – блуждал зрачками прораб.
 – Пускай инструментальщика пришлют!!! – выпалил со всей дури Палыч.

Договор

Осенним поздним вечером Кувыкин возвращался с работы домой. Только зашёл в полутёмную арку, и на тебе – классическая ситуация: двое вальжанных типов преградили ему дорогу.
 – Мужик, деньги при себе имеются? – спросил, подмигнув, первый бандюган.
 – Не юли, а то карманы оторвём, – пригрозил второй.
 – Имеются, – честно ответил Кувыкин. – Восемьсот рублей: пятисотка и три по сто.

– Ну. И чего же ты ждёшь? Отдавай, – снова подмигнул первый.

– А то бить будем, – пообещал второй. И, в качестве аргумента, бандюганы показали свои нехилые кулаки.

– Щас. Разбежался, – вдруг огрызнулся с вызовом Кувыкин. – Почему это я свою, честно заработанную, заначку должен кому-то отдавать? Завтра суббота, я что – на сухую буду отдыхать? Не отдам.

– Как это... не отдашь? – опешил первый бандюган, беспорядочно моргая на оба глаза.

– Что?! Да мы тебя сейчас тут так укатаем! – взвился второй.

– Давайте. Но несколько фингалов и, возможно, пару переломчиков я вам гарантирую. – Будучи человеком неробкого десятка Кувыкин был настроен решительно, а в качестве контраргумента он вытащил из карманов свои, тоже внушительного размера кулаки.

– Так, спокойно, – осадил нервного подельника первый бандюган. – Мужик, все мы тут цивилизованные люди. Гони нам пятьсот рубликов, и разойдёмся кто куда.

– Не пригону.

– Но мы же не можем тебя просто так отпустить. Подумай, что о нас скажут в нашем бандитском сообществе? Мужик, надо договариваться. Короче, и тебе, и нам не резон светить фингалками в темноте, о переломах я вообще молчу. Давай договоримся так – подерёмся, но не сильно. С тебя – триста рублей. И ты не потеряешь к себе уважение, и мы сохраним свой имидж. К тому же, у тебя остаётся пятисоточка – на выходные. Ну, договорились? Мужик?

Кувыкин в раздумье зачесал затылок.

– Ладно. Дерёмся несильно на... двести рублей, – согласился он, ввернув свою поправочку в договор.

– Чёрт с тобой, – вздохнули бандюганы.

И все трое ударили по рукам. Для начала.

Каменный цветок Тришкина

Богатый человек – Тришкин на досуге прочитал сказку Бажова про каменный цветок, ну и зацепила она его.

«Хочу, чтобы перед моим домом каменный цветок стоял!» – загорелся Тришкин. Он подбежал к окну, за которым робко блестело майское солнышко и мощно фонтанировал голубой кит помпезного исполнения: «Как раз вот тут, возле фонтана!»

Тут же Тришкин отдал приказ своим амбалам – разыскать человека, который смог бы осуществить его прихоть. И такой человек был найден. Это был местный скульптор абстракционист-натуралист-пофигист без имени, отчества и фамилии, все его звали просто – Мастер.

Тришкин встретил Мастера как родного: обнял его за плечи, усадил за стол, а на столе ой как было что выпить и чем закусить.

Выяснив заранее то, что Мастер пьёт всё подряд, но только стаканами, Тришкин сходу поднёс тому полный стакан «Абсолюта» и терпеливо дождался, пока тот допьёт и дожует ломтик ананаса, спросил:

– Скажи-ка, Мастер. А сможешь ли ты из камня цветок мне сварганить?

Мастер грустно заглянул в пустой стакан, почесал небритый подбородок и сказал:

– Смогу. Вам большой или так, к пиджаку прицепить?

– Огромный! – Тришкин взмахнул руками так, словно собирался взлететь. – Он будет стоять прямо под окнами моего трёхэтажного дома, возле фонтана.

Мастер опять почесал подбородок.

Снова забулькала водка. Мастер хлопнул второй стакан (на этот раз ничего не стал кушать) и сказал:

– Хорошо – выдолблю и такой. С вас гранит цельный размером с цветок, то есть кусок должен быть огромным, аванс сто баксов, ну и название цветка.

Тришкин обрадовался как ребёнок. Он отстегнул сто баксов, и тут же задумался:

– Название цветка... название... Знаешь что, Мастер, а ты на меня погляди.

– Ну, – Мастер качнулся вместе со стулом.

Тришкин наполнил третий стакан. Мастер выпил.

– Я сильный?!

– Допустим.

– Меня конкуренты боятся?!

– По-видимому.

– Мастер, я богат, суров, ко мне лучше не лезть и в то же время я – красивый. Вот я какой! Значит и цветок должен быть мне под стать.

– Ага, – Мастер сощурился. – Кажется я знаю, что вас устроит. Значит так, с вас огромный цельный гранит и арматуры сто метров. Как только будет материал – будет вам цветок.

– Завтра же всё будет доставлено.

– Окей! – Мастер козырнул. – Да, и фонтан выключите. – Он удалился, выпив на посошок четвёртый стакан водки.

На следующий день под окнами роскошного дома Тришкина был установлен огромный кусок гранита, рядом была свалена арматура. Явился и Мастер. Работа закипела.

Тришкин от стука кувалдой, визга перфоратора и «болгарки» чуть с ума не сошёл, поэтому на пару неделек умотал на Канары. Вернулся загорелый, в настроении и сразу к фонтану, к камню.

Камень был накрыт белым брезентом. Рядом, облокотившись на своё творение, со счастливым лицом стоял Мастер.

– Неужели готово? – недоверчиво поинтересовался Тришкин.

– Так точно! – взял под козырёк Мастер и дёрнул что есть силы за брезент. – Нуаля!

У Тришкина отвисла челюсть. Из голубого кита зафантанировала вода.

– Как вы и хотели! – Мастер весь сиял. – Огромный, грозный, устрашающий всех и вся и в тоже время красивый!.. кактус!!!

Грузовик

Катерина и Алексей безумно любили дочь, потому воспринимали её приезды на дачу как праздник, которого ждали и к которому готовились заранее. Каждую пятницу Алексей надрывал полы в доме, а Катерина готовила разные вкусности. Иногда им приходилось целую неделю есть блюда, приготовленные Катей, ведь Лизавета из-за своей занятости (адвокат всё-таки) не часто баловала их своим появлением. Лиза могла появиться у ворот совершенно неожиданно, поэтому в выходные родители нарядно одевались, несмотря на многочисленные сельскохозяйственные и строительные работы на участке.

Катерина с утра ходила в сарафанчике лимонного цвета с красивым кружевным лифом и в широкой шляпе с большими мягкими полями. Главным достоинством сарафана был небольшой карман, куда без труда помещался мобильный телефон, что было чрезвычайно актуально: на участке полным ходом шли работы по благоустройству территории. Проведя всё детство в Юрмале, Катерина мечтала придать их участку этакий прибалтийский шарм, потому с начала летнего сезона к ним приезжали грузовики то с песком, то с бетоном, то с трубами. Без звонка к их забору не добирался ни один грузовик. Дело в том, что их участок находился в укромном местечке, называемом в народе «аппендикс». Не то что новый – не каждый «старый» садовод знал, как туда подъехать. Не говоря уже о водителях, которым Катерина подробно объясняла, где сворачивать.

В эту субботу должны были привезти камень для садовых дорожек. Она была в доме, как вдруг услышала грохот – грузовик остановился прямо у их забора. Катерина поспешила к калитке. Не успела она выйти на дорогу, как увидела Лизавету. Дочь соскочила с грузовика с огромным рюкзаком в руках, подошла к Катерине, и, чмокнув её в щёку, выпалила:

– Привет, мамуль! Представляешь, машина в ремонте. Я на электричку – и к вам. До садов

Юлия Геннадиевна Александрова – родилась в 1965 г. в Москве в семье служащих. В 1987 г. окончила МГПИ им. В.И. Ленина по специальности «учитель английского и немецкого языков». В 2000 г. ей было присвоено звание учитель высшей категории. С 2001 г. работает старшим преподавателем кафедры английского языка на факультете экономистов-международников Всероссийской академии внешней торговли. С 2011 г. имеет звание доцента. Автор пяти сборников лирических стихотворений – «Имя моё...» (2006), «Сретенье» (2007), «Воздушный шар» (2009), «Жизнь-река» (2010) и «Крылатая мечта» (2012), а также двух сборников прозы – «Букет ландышей» (2009) и «Окно в сад» (2011). Член Союза писателей России.

Живёт в Москве.

быстро дошла, минут за пятнадцать. Не успела подойти к воротам, как меня догнал грузовик. Водитель растерялся совсем: перед ним три дороги, по какой ехать не знает, спрашивает, как до нашего участка добраться. Ну я к нему в грузовик запрыгнула, и вот мы здесь! Есть хочу ужасно!

– Иди в дом и пришли сюда отца – пусть руководит разгрузкой. Как только он придёт, я тебя покормлю: у меня всё готово.

Лиза пошла. Несмотря на тяжёлый рюкзак, шла она легко, будто юная девушка. Катерина посмотрела ей вслед и вспомнила такой же солнечный день много лет назад, когда её должны были выписывать из роддома с маленькой королевичной – так она ласково называла свою новорожденную дочку. Лизочка родилась светловолосой, с ярко-голубыми (совсем как у отца) глазами. К выписке Алексей передал все необходимые вещи: стёганое одеяльце с красивым кружевным пододеяльником, фланелевую распашонку, ползунки, марлевые подгузники, чепчик и даже крошечные вязаные пинеточки. Всё было нежно-розового цвета в тон коже новорожденного младенца, которого папа ещё не видел: в конце семидесятых пап в роддом не пускали – боялись инфекции, а присутствие отца на родах и вовсе казалось полной утопией.

Девочку, завёрнутую в одеяльце, перехваченное розовой лентой, вынесли Алексею перед тем, как спустилась Катерина. Медсестра, готовившая младенца к выписке, постаралась всё сделать очень быстро, ибо в их маленьком подмосковном городке получить коробку конфет в подарок было большой удачей. Алексей с удовольствием освободился от красивого полиэтиленового пакета, в котором лежала привезённая из самой Бельгии! коробка конфет, и взял в руки драгоценный свёрток. Он боялся дышать на ребёнка, не то что приподнять кружева, скрывавшие личико сладко спящей дочурки.

Погружённый в свои мысли, куда, согласно традициям города, сначала повезти младенца: к памятнику Ленина или к военному мемориалу, он не заметил, как в дверях появилась жена. Катерина, которой не терпелось скорей оказаться дома, быстро подошла к ожидавшим её родственникам и, взяв цветы, села в новенькую «семёрку» Жигулей на переднее сиденье. Алексей с ребёнком на руках и Алевтина Петровна, Катерина мама, сели на заднее. Друзья и родственники разошлись по своим машинам. Кортёж тронулся.

Отодвинув краешек кружевного пододеяльника, Алевтина Петровна произнесла: «Какие глазки-угольки у нашей королевичны!» Алексей удивлённо посмотрел на свекровь. Он знал, что Алевтина Петровна слегка подслеповата и, наверное, чего-то не разглядела, ведь после рождения дочери Катерина позвонила ему с медицинского поста и сказала, что дочурка очень на него похожа. Алексей взглянул на ребёнка: на него с любопытством смотрели антрацитовые глаза. В голове мелькнула мысль: «Может, на радостях он что-то перепутал?» Однако этой мыслью он не стал ни с кем делиться. Праздничный кортеж объехал памятник Ленину и военный мемориал и направился в сторону дома – и девочку, и гостей нужно было кормить.

Гостей пригласили в большую комнату, где при виде большого стола, раздвинутого Владимиром Ивановичем, отцом Кати, и накрытого с утра Алевтиной Петровной, у них потекли слюнки. Сама Алевтина Петровна побежала на кухню за энным количеством блюд, ждущих своего часа в холодильнике. Лизочку положили на кровать в маленькой комнате. Она лежала тихо и удивлённо смотрела на стоящего перед ней мужчину. Как только Катерина вошла в маленькую комнату, Алексей отправился к гостям. Но не успел он войти в столовую, как вдруг все услышали крик – нет, нет, не младенца, а её мамы.

Мягким светом меня приласкали
 Очи серые девы молодой
 В край любви за собою позвали
 Поманили ушедшей весной

Жаль, что годы широкой преградой
 Между мною и девой легли
 Только взгляды мне будут отрадой
 Те, что сердце нежданно сожгли

Не поддамся я страсти осенней
 Ясный ум до зимы сохраню
 Всё же отблеск отрады весенней
 Я всем сердцем уставшим ценю

Осень

И снова буйство осени холодной
 С её багряно-золотым огнём
 Она то поливает нас дождём
 То тешит солнечной надеждою бесплодной

Когда пригреет солнце осторожно
 Мне кажется, что холод не придёт
 Что круглый год в его лучах согреться можно
 Что завтра снова в рост трава пойдёт

Так и душа, то мокнет, холодеет
 То просветляется, и птицы ей поют
 И солнце как весной нежно греет
 И трепетные чувства в ней живут

И мимолётный взгляд ещё меня волнует
 Что бросит дева из-под крашенных ресниц
 Но ветер северный всё ощутимей дует
 И нет давно уж пламенных зарниц

Враги России

Сколько же жёлчи и злобы никчёмной
 Скрыто в сердцах у лукавых людей
 Злит их величье державы огромной
 Бесит их мощь наших светлых идей

Меры не знают они в глупой злобе
 Удержу нету в их наглом вранье
 Видно ещё в материнской утробе
 Злобу впитали к нашей стране

Я для боёв заточу остро лиру
 Против всевластия денег пойду
 Правду сказать попытаюсь я миру
 Может быть, отклик я в душах найду

Свет и Добро защитить попытаюсь
 С ложью бесстыдной войну поведу
 Души людей осветить постараюсь
 И попытаюсь осилить беду

ЮБИЛЕЙ

К 155-летию со дня рождения О. Генри

Фармацевт, ставший знаменитым писателем...

В американском городке Гринборо южно-атлантического штата Северная Каролина в семидесятые годы XIX века жила благополучная и преуспевающая семья деревенского доктора Сидни Портера. В начале мягкой и по-южному праздничной осени 1862 года, в 11-й день сентября, жена Портера благополучно разрешилась от бремени сыном. Сыну дали имя Уильям, сокращённо Билли. Итак, на свет появился новорождённый по имени Уильям Сидни Портер.

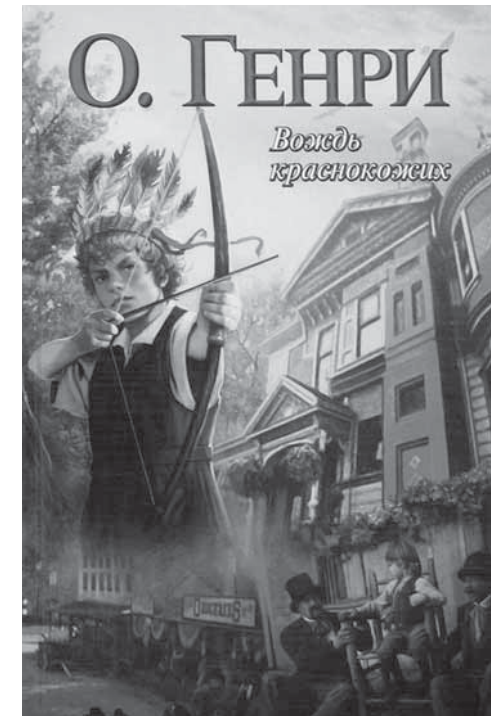
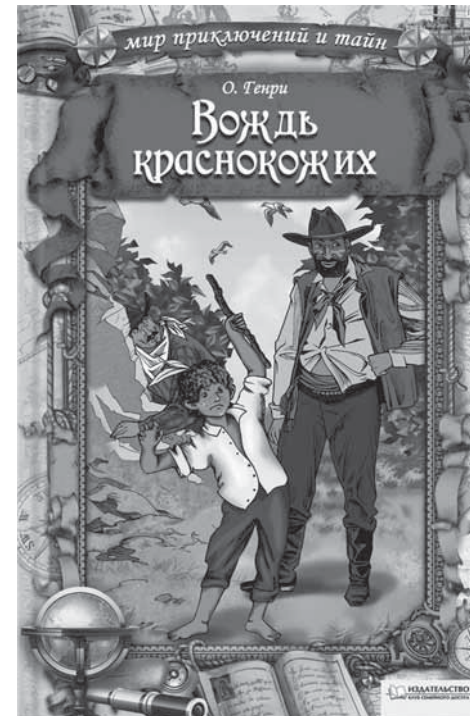

О. Генри (Уильям Сидни Портер. 1862 – 1910).

Василий ПОЛЯКОВ

Василий Евгеньевич Поляков – коренной москвич, родился 4 июля 1938 г., окончил 330-ю среднюю мужскую школу, затем 2-й Московский медицинский институт, клиническую ординатуру и клиническую аспирантуру в НИИ педиатрии АМН СССР. Врач-педиатр, гематолог, лимфолог, онколог и детский онколог, организатор здравоохранения. Защитил кандидатскую и докторскую диссертации. Профессор, академик Международной Академии Информатизации ООН и Международной Славянской Академии наук, образования, искусств и культуры. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

Мальчик рос смышлёным и весёлым и доставлял много радости счастливым родителям. Как все здоровые дети, Уильям был фантазёром и непоседой, а впоследствии и заводилой в очень многих шалостях и проказах. Его лихие проделки и фантазии знала вся округа. Отец был вечно в разъездах по больным, а мать... Мать любила своего Уильяма и никогда не наказывала. Развитой острый ум, весёлый нрав и задиристость нравились матери. Она считала, что с такими чертами характера сын не пропадёт в жизни. К матери Уильям относился столь же влюблённо и нежно, как отец. В семье Портеров женщину боготворили.

Детство окончилось неожиданно. Мать заболела и умерла. Отец не выдержал свалившегося на него горя и запил. Спившийся человек не может помогать больным и страждущим. Он быстро роняет авторитет, к нему перестают обращаться. Сидни Портер – человек, известный на много миль в округе, умевший быть необходимым людям, стал объектом их скрытых издёвок и явных насмешек. От горя и жгучего стыда он запил ещё сильнее, спился окончательно и навсегда забросил врачебную практику.

Этот надломленный человек сам нуждался в помощи. Воспитывать сына он уже не мог. Хорошо, что рядом жила тётка, которая кормила Уильяма, обстирывала его и горько вздыхала о судьбе сироты. Пьянство Портера-старшего она, естественно, осуждала.

Столь резкая перемена в жизни как-то сразу сделала Билли взрослым. Он рано понял, что в жизни следует рассчитывать только на свои силы.

В пятнадцать лет Портер-младший окончил школу и тут же поступил учеником в аптеку. Сообразительность и исполнительность позволили ему с первых же дней справляться со своими обязанностями безупречно. К двадцати годам Уильям получил диплом фармацевта. Пять лет самостоятельной жизни в лавчонке-аптеке, которая в Америке одновременно является чем-то вроде экспресс-закусочной, выковали в нём острую наблюдательность, познакомили с изнанкой жизни.

Но в двадцать лет однообразие и бескрылое существование быстро надоедают. Приятели подбили Уильяма оставить затхлую аптеку, узнать жизнь и укрепить здоровье. Он согласился и перебрался в Техас. Два года он жил на ранчо, помогая фермерам выращивать лошадей. Каких только людей не повидал У. Портер, сколько судеб прошло перед его глазами! Цепкий ум Портера незаметно для себя впитывал острые жизненные ситуации и яркие чёрточки отдельных людей.

Настал момент, когда страстно потянуло к знаниям, в библиотеку, к книге. И вот через два года Портер перебрался в небольшой городок Остин, исполнявший роль столицы штата Техас. Ещё работая в аптеке, Уильям выказал способности к рисованию и черчению. Сейчас это пригодилось. В земельную управу потребовался клерк-чертёжник. Поскольку Уильям чертил чётко, красиво и уверенно, земельная управа наняла его.

Упорная работа по самообразованию, весёлый нрав, общительность быстро ввели Портера в светское общество Остина. Городок быстро распознал и оценил в Уильяме живой ум, умение вести непринуждённую и интересную беседу, способность шалить пером – рисовать шаржи и карикатуры, описывать юмористические сценки.

В 1894 году в Остинском банке неожиданно освободилось место кассира. Последовало личное приглашение Уильяму. Поскольку близость к деньгам в

Кадр из к/ф «Деловые люди» (1962, реж. Л. Гайдай).

американском обществе чрезвычайно престижна, для Портера это был успех, значительное повышение в должности. Бывший фармацевт, ковбой и чертёжник не отказался от приглашения. Место было занято им.

В этом же году У. Портер начал издавать в Остине юмористический еженедельник под названием «Роллинг-Стоун» («Перекасти-поле»).

В этом издании он впервые выступил и автором литературных произведений. Меткие сатирические стрелы 32-летнего начинающего литератора часто попадали в цель, и этого нельзя было не заметить. И следующий год с небольшим Портер уже работает фельетонистом еженедельной газеты «Пост», издававшейся в тexasском городе Хьюстоне.

Следует упомянуть, однако, что У. Портер оставил место банковского кассира города Остина не добровольно. Его отстранили от должности в декабре 1894 года в связи с недостачей в кассе 5000 долларов. Это установила неожиданная ревизия. Теперь, очевидно, мы никогда не узнаем истинной причины недостачи. Есть версия, что Портер стал жертвой халатности. По другим догадкам, Портер решил воспользоваться деньгами в кассе временно, для неотложной оплаты расходов по своему еженедельнику, а вовремя возместить деньги в кассу не сумел. В последнее время, анализируя отдельные факты его биографии и творчества, додумались, что вся история с недостачей и ревизией была тонко обставленной мстью едкому сатирику и карикатуристу со стороны какого-то важного должностного лица, например, самого директора банка. Сатира, карикатура, смех – оружие опасное. Для определённой категории людей лучше оклеветать невинного, чем попасть в когорту осмеянных. В подоплёке подлой расправы по третьей версии определённая логика просматривается.

Несмотря на то, что У. Портера отстранили от должности кассира, его сразу же не арестовали. Судебное следствие продолжалось больше года: с декабря 1894 года до февраля 1896 года. А в феврале Портера арестовали и ознакомили с обвинением: хищение банковских денег.

В XIX веке существовало слово джентльмена, которое было синонимом чести. Под это самое слово Портера отпустили вплоть до приглашения на судебное разбирательство. Дома У. Портер быстро осознал сложившуюся ситуацию. Он понял, что у него нет ни свидетелей, ни аргументов, которые могли бы ему помочь защититься. Отрицать результаты ревизии было смешно: если

у кассира нет в кассе денег, какой бы ни была причина этого, он виновен. А это значит, что его ожидает осуждение и тюрьма.

Поскольку он часто ездил по своим журналистским делам в Хьюстон, никто не обратил внимания на его отъезд из Остина. Но на этот раз Портер миновал Хьюстон со всеми необходимыми предосторожностями и доехал до порта Новый Орлеан. Купив билет на пароход, отправлявшийся в Центральную Америку, Портер бежал в Гондурас. Теперь он был недосыгаем для судебных органов США.

Меньше полугода Портер скрывался в Гондурасе. В этой же стране судьба свела его с поездным налётчи-

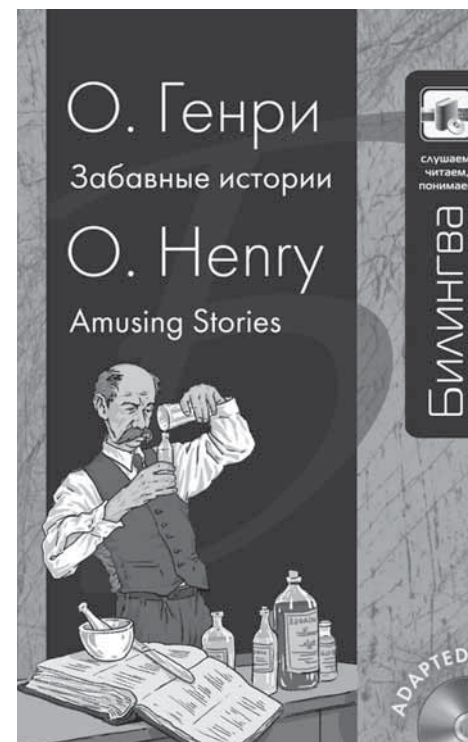
ком Элом Дженнингсом – потомком разорившегося южноамериканского плантатора. Это было их первое знакомство. Есть сведения, что именно от него Портер узнал, что жена сбежавшего кассира, допустившего растрату в Остине, благополучно разрешилась от бремени девочкой, но в результате родов тяжело заболела. Портер без колебаний помчался домой.

Жена угасала от послеродового сепсиса, и Портер уже ничем не мог ей помочь. Получив прощальное «прости» от горячо любимой женщины, матери своей новорождённой малышки, Портер добровольно отдал себя властям. Под залог, впредь до суда, его освободили. Жена умерла, и Портер похоронил её. А в феврале 1898 года, на втором году после предъявления обвинения в хищении, Портер был вызван в суд. Приговор гласил: 5 лет каторжной тюрьмы.

На северо-востоке США, прилегая к южному берегу озера Эри, располагается штат Огайо. Административным центром его является город Колумбус. Когда зачитали приговор, Портер похолодел. Каторжная тюрьма Колумбуса

имела худую славу. Каторжан заковывали в цепи, содержали в глухих каменных казематах, жестоко били кнутом, морили голодом и непосильной работой. При малейших провинностях заключённого имели право подвергнуть пытке, забить насмерть, застрелить. Среди заключённых свирепствовала чахотка, сводившая в могилу многих арестованных

задолго до истечения срока наказания. В Колумбус Портера везли той же дорогой, по которой год назад он тайно бежал в Новый Орлеан.

Судьба, однако, слегка смилостивилась над Уильямом. При тюремной больнице не оказалось ночного аптекаря. Вновь пригодились его знания и диплом фармацевта. Хотя Уильям был избавлен от многих физических мук, он сделался безмолвным свидетелем многочисленных тюремных трагедий. Человек тонкой, ранимой души, Портер молча переносил оскорбления, унижения, насмешки, безнаказанное издевательство. Стоны, крики, душераздирающие вопли заключённых во время экзекуций, муки физически и душевно искалеченных людей он пытался облегчить скудными средствами тюремной аптеки. Дни и ночи тюремного заключения тянулись мучительно долго. Здесь он второй раз встретился со своим приятелем из Гондураса Эллом Дженнингсом. Приятель не очень верил, что выйдет из тюрьмы живым, а Портер всё-таки не терял надежды выйти на волю.

Сидя как-то вечером в подслеповатой аптечной комнатке, Билли подумал, что приближается Рождество. Сколько доставляло оно радости в детстве в родном Гринсборо, когда отец и мать втайне от него начинали приготовления к празднику Санта-Клауса. Сколько счастья доставлял ему первый день Рождества, когда, просунув руку под подушку, он нащупывал приготовленный родителями подарок.

А теперь его собственная маленькая дочурка, оставленная на попечение тётки, может быть, тоже ждёт этот день. Кто знает, какие мысли посещают голову даже совсем маленького ребёнка?

Билли так захотелось раздобыть хоть немного денег и послать их в Гринсборо, чтобы и его дочурке чья-нибудь заботливая рука положила в колыбельку хотя бы самую скромную игрушку.

– Что же предпринять? – мучительно думал Билли. – Как же раздобыть деньги?

И вот тогда, рискуя быть насмерть запоротым плетьюми, тревожно прислушиваясь к ужасным звукам гулкой тюрьмы, раздираемый страхом бичевания и восхитительной отцовской нежностью к дочери, он написал три рассказа с надеждой тайно передать их за стены тюрьмы. Ставить своё имя было нельзя. Портер машинально поднял голову. Взгляд его остановился на фармацевтическом справочнике, автором которого был никому не известный фармацевт из Ирландии по имени О. Генри...

Через некоторое время за «хорошее поведение» Портера освободили из тюрьмы. Он провёл в ней чуть больше трёх лет. Надо было начинать жизнь сначала. Это было летом 1901 года.

Приехав в Нью-Йорк и набродившись по городу, Портер присел на скамейку в сквере. Кто-то перед ним читал газету и не взял её с собой. Уильям протянул руку, развернул одну страницу, другую, пробежал глазами несколько любопытных сообщений и вдруг увидел набранным свой рассказ. Он прочитал его весь и удивился тому, что в газете рассказ воспринимался ещё плотнее и рельефнее, чем в рукописи. И от сознания, что это его, именно его напечатали, Уильям почувствовал, как сначала холодок побежал к затылку и пальцам, а потом от сердца потекло блаженное тепло.

... Его переполняли сюжеты и жизненные впечатления. Наладив связи с редакциями газет, живя в номерах плохоньких гостиниц, О. Генри занялся литературным трудом.

Через два года судьба улыбнулась ему. Принеся в редакцию самой солидной по тиражу нью-йоркской газеты «Уорлд» («Свет») несколько написанных рассказов, О. Генри добился контракта на 52 еженедельных воскресных рассказа в год по 100 долларов за каждый. Теперь уже любой американец, купивший Нью-Йоркскую газету, каждое воскресенье мог наслаждаться рассказами и историями никому неведомого ирландца О. Генри.

Однажды, когда Портер принёс, согласно контракту, очередной рассказ, редактор, прежде чем прочитать новый рассказ, протянул ему письмо. Портер изумился, внимательно повертел конверт в руках, обнаружил на конверте штемпель родного города Гринсборо. Почерк был явно женским – аккуратным, круглым и красивым, но писала не тётка.

Вероятно, каждый человек излагает свои мысли только одному ему присущим способом. Чем ярче и тоньше человек, тем своеобразнее его язык, отдельные выражения, манера поведения, способ изъясняться. Кроме того, любой писатель использует в своих сочинениях пережитые ситуации, переплетающиеся с его биографией события, имевшие место в его родном городе, наделяет персонажи собственных сочинений тонкими характеристиками близких и хорошо знакомых ему людей. Бывают узнаваемы описания и события

детства, памятные происшествия, школьные учителя и друзья. Вот по этим-то признакам Салли Коломен, сподвижница детских забав Билли, догадалась, что О. Генри никакой не иммигрант-ирландец, а её ровесник и земляк американец Уильям Портер. Письмо заканчивалось восхищённым признанием писательского таланта бывшего обидчика девчонок, лихого шутника и насмешника, лидера мальчишеских проделок Билли Портера.

Искренность, теплота и сердечность письма тронули какие-то струны неочерствевшей души Портера. Он ответил на письмо. Завязалась переписка. Два одиноких, но одновременно близких друг другу по взглядам на жизнь и литературу человека потянулись друг к другу.

После непродолжительной переписки они вновь встретились и стали жить вместе. Это произошло после того, как Салли официально стала миссис Портер.

Салли понимала, что характер у Портера не из лёгких, что добропорядочная, но очень пресная семейная жизнь может погубить его как писателя. В связи с этим она не изводила его ревностью и не покушалась на его свободу поступков и временами наступавшую отчуждённость. Она не протестовала, когда он на несколько недель исчезал из дома и жил холостяком в каком-нибудь плохоньком гостиничном номере или снятой квартирке. Она любила его талант и суровое мужское обаяние.

Известно, что Салли познакомилась и с дочерью Уильяма от первого брака, подружилась с ней и до конца дней своих поддерживала с ней отношения близкого родства.

По выходе из тюрьмы, о пребывании в которой до конца своих дней он не обмолвился ни единому человеку, О. Генри творил в течение девяти лет. Проницательная Салли, видя, с кем водит дружбу и бражничает её муж, может быть, о чём-то и догадывалась, но была настолько умна, что ни разу не заговорила об этом.

При жизни писатель О. Генри написал в общей сложности 273 новеллы и один роман. Увидели свет десять его книг: «Короли и капуста» (1904), «Четыре миллиона» (1906), «Сердце Запада» (1907), «Горящий светильник» (1907), «Голос большого города» (1908), «Благородный жулик» (1908), «Дороги судьбы» (1909), «На выбор» (1909), «Деловые люди» (1910), «Коловращение» (1910).

Для дружков своего квартала У. Портер был молчаливым, но смачным собутыльником, которого кормила и поила правильная, хорошо воспитанная (с мужской точки зрения) жена.

Знали бы они, как много и порой мучительно О. Генри работал втайне, в одиночестве, над своими произведениями! Контракт с нью-йоркской «Уорлд» требовал ежедневной, почти ежечасной работы.

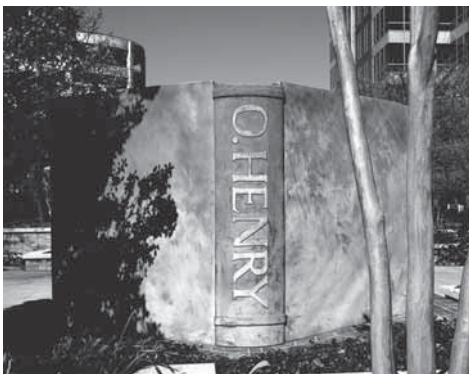
Через четыре года такой непрерывной, напряжённой работы У. Портер впервые почувствовал, что он «выдыхается», и начал «покупать сюжеты» у друзей и знакомых. Переживания, тюрьма, напряжённый труд в одиночестве до изнеможения, жизнь в гостиничных номерах, бражничество с друзьями и постоянная

нужда в деньгах пристрастили его к крепким напиткам.

К неполным сорока восьми годам жизни О. Генри превратился в старика и алкоголика. 5 июня 1910 года он умер в одной из нью-йоркских больниц. Многие известные литераторы впервые увидели замечательного писателя-сатирика лишь на смертном одре.

Только через много лет читатели узнали о тюремном прошлом писателя О. Генри – арестанта каторжной тюрьмы Колумбуса № 34627. Дело в том, что в 1923 году бывший бродяга и арестант Элл Дженнингс опубликовал книгу «О. Генри на дне». В 1926 году эту книгу впервые перевели на русский язык. Единственный экземпляр этой правдивой и захватывающей книги есть и в Государственной библиотеке России.

Тот, кому доводилось читать рассказы американского писателя с ирландской фамилией О. Генри, а также его едкий роман «Короли и капуста», никогда не забудет неожиданную цепь событий, составляющих их сюжеты и почти анекдотическую развязку. Рассказы читаются без напряжения, легко. Интересно, что в каждом рассказе так много стрел в адрес американского общества и американского образа жизни, что, можно сказать, их юмор перерастает в сатиру, разоблачающую пороки так восхваляемой ныне «самой демократической страны» мира.

В России ещё помнят, любят и читают О. Генри – писателя из народа, глубоко познавшего своим личным опытом американскую действительность и с такой умной издёвкой обрисовавшего её отточенным пером сатирика.

Так никому не известный фармацевт Уильям Портер обессмертил имя другого, известного лишь медикам фармацевта, став всемирно известным писателем О. Генри.

ПОЭЗИЯ

Алеся МИХОЛАП

Алеся Леонидовна Михолап – родилась 12 ноября 1999 г. в отдалённом гарнизоне на границе с Казахстаном в городе Ясном Оренбургской области в семье военнослужащих. С родителями исколесила Россию. Побывала на Урале, в астраханских степях и на Вятке. В 4 года начала сочинять стихи и рассказы. Закончила музыкальную школу. Играет на синтезаторе и гитаре. Прекрасно плавает. Любит путешествовать. Много рисует и читает. Увлекается спортивным туризмом. Участвует в литературных чтениях Дома Культуры города Новороссийска.

Живёт в Новороссийске.

«Приходи в наши мечты...»

Приходи, обменяй боль на слёзы.
Приходи, оставляй тут тоску.
Приходи, я отдам тебе грёзы.
Приходи ко мне, я прошу.

Если станет до чёртиков страшно.
Если мир отвернётся навек.
Приходи, когда станет опасно,
Когда время замедлит свой бег.

Приходи, утонув в многоточьях.
Приходи, когда станет темно.
Залечу в душе кровоточья.
Проиграю немое кино.

Приходи, коли память осталась.
Приходи от мирской суеты.
Приходи, как только захочешь.
Приходи в наши мечты.

Маяк

Зашумел океан, поднимая грязную пену.
Поднялась стая чаек со скал,
Устремляясь к мёртвому небу.
Одноглазый вспыхнул маяк.

Зарычал разгневанный ветер.
Нет кричащих на пирсе зевак,
Шторм не может быть незаметен.

Небосвод почернел, разлагаясь,
Где-то там в вышине облака.
И обрушился дождь, разлетаясь
По асфальту того городка.

Здесь опасно гулять в одиночку,
Коль не местный – иди на маяк.
Там и встретит, расскажет про дочку
Полоумный смотритель-моряк.

Он когда-то любил океаны,
Видел даже огромных китов,
А теперь все друзья – тараканы,
И богатство сшито из слов.

Он живёт между всеми мирами,
В дымке призрачной яви и сна.
Как другие, забытые нами,
Но живые ещё имена.

В добровольном он заключенье,
Всё мигает матросам вдали,
Предрекает им приключенья,
Прозябая в серой пыли.

Приютит он случайного гостя,
Всё расскажет – о, жалкий старик –
Всё своё к ногам его бросит,
Лишь продлить бы беседу на миг.

Нет совсем у него потомков,
Как умерший, при жизни забыт.
А маяк, состоя из обломков,
Словно склеп за спиною стоит.

Разлетаются годы, как птицы,
Размывается краска со стен.
В городке меняются лица,
Но не знает маяк перемен.

Твои руки слишком холодные

А твои глаза – слишком синие.
Песни слушаешь слишком модные,
По линейке чертишь линии.
Твои пальцы до ужаса тонкие,
Твоё тело с помесью птицы.
И сердца в руках слишком ломкие,
И характер с примесью львицы.
Твои фразы до чёртиков скучные.
Твоё тело изучено мною.
Твои мысли, вечно все тучные.
Телом тут, душой не с тобою.

«...И тоска бесконечных равнин...»

(Из книги

«Записки счастливого неудачника»)

Все имена, места действия и события, описание личностей, образы мужские и женские в этой книге являются художественным вымыслом, и всякое и любое сходство и попытки угадать в них реально существующих людей и нелюдей (за исключением животных), и любое совпадение с возможными реальными событиями в жизни, умерших или ещё живых людей, могут представлять собой вымысел самого читателя и чистую случайность и парадоксальное безосновательное совпадение, которые совершенно не требуют тщательного и ненужного анализа.

После трёх-четырёх рюмок коньяка и походных бутербродиков мы разговорились. Вернее, разговорился он. Хотя я тоже любитель поразглагольствовать в таком состоянии. Не знаю, почему он рассказал историю своей влюблённости и своего разочарования. Не знаю, какая причина. Скорее всего, некому было рассказать. Либо засмеют, либо пожалеют. И так, и эдак – получается неприятно. Наверное, причиной были ошибки молодости, в которых не хочется сознаваться. Сначала попутчик мой долго молчал, потом стал говорить как бы сам для себя, изредка посматривая на меня и, казалось, ища понимания и внимания. Я слушал, посматривая из окна междугороднего автобуса на пробегающие пейзажи московских, рязанских, липецких, тамбовских степей и перелесков. Одновременно я думал о своём. А он говорил и говорил. Как будто на исповеди. Он мне доверял, и от этого было тепло на душе и на сердце. И я верил его неспешному, но основательному рассказу. Попутчик мой говорил логично, простым и чётким языком, что выдавало в нём человека образованного по нормам советского периода России. Он как бы говорил и со мной, и сам с собой, иногда говоря о себе в третьем лице.

Александр ГАНИН

Александр Ганин (Александр Васильевич Гниненко) – состоит в Московской городской организации Союза писателей России с 2005 г. Автор поэтических сборников, рассказов, текстов песен и музыки, исполнитель авторских песен (компакт-диск «Песни для друзей»). Состоит в Российском Авторском Обществе. Кандидат экономических наук, доцент. Творчество автора отмечено общественными наградами МГО СПР («Золотая Есенинская медаль», орден «В.В. Маяковский», памятная медаль «А.С. Грибоедов», медаль им. М.Ю. Лермонтова), Союза писателей-переводчиков, Союза писателей Евразии, Московской областной организации Союза писателей России, юбилейными медалями, конкурсными дипломами (имени Ф.И. Тютчева, имени И.М. Рубцова и др.). Живёт в Москве.

Это ничего, что она в молодости, в студенческой, после-студенческой и даже когда была молодой матерью двух детей, ну, конечно, когда подвыпьет, танцевала иногда голой, иногда полуголой на столе в уютной компании своих уже взрослых двадцати-тридцати летних друзей по детскому саду, по улице, по двору, по начальной школе, по факультету. Нет-нет, никакого секса не было. На столе. Что бывало потом – не знаю. Как правило, это была художественная импровизация. Просто всем хотелось веселья от хорошего плодово-ягодного советского, коммунистического, а не химического, современного буржуазного портвейна, интуитивного понимания быстротечности жизни и молодости. Ведь не будешь танцевать на столе в таком виде в шестьдесят или семьдесят лет, хотя, может быть, если хорошо подпить в дружеской компании, да ещё элитного не палёного, а, может быть, нынешнего палёного капиталистического коньяка или вискаря... Вопрос в другом, а кто же останется смотреть на тебя из ровесников в такие-то годы... с такими-то формами, с брюхом до колен у мужчин или с увядшей грудью у женщин. Многие уже просто умерли. Одни от болезней, как правило от алкоголизма или венерических, от рака лёгких, хотя никогда не курили и не пили, а те, кто не пил и не курил, умерли от жизни. Увы, жизнь, она и для того жизнь, для того чтобы убивать. Подавляющее большинство падших в этой изнурительной и неравной борьбе со смертью и жизнью, мемуаров не оставили. Наверное, принципиально. Не хотелось писать про себя и других естественных гадостей и глупостей, вернее, гадостей, совершаемых по глупости, человеком на своём жизненном пути. Нехорошо и хорошо. Необходимый пробел в истории. Необходимый разрыв в поколениях. Отсутствие бездуховных и духовных «скреп» между отцами и детьми. А кто же кроме них, нас, не расскажет им будущим поколениям «всю правду о смутных, тяжёлых последних годах существования Советского Союза. О голоде, холоде и пуританстве, о тяжёлом рабском труде студентов, преподавателей, колхозников, высокообразованных инженеров, живших в жутких условиях застоя в период правления всеми горячо любимого Леонида Ильича Брежнева». Трудный был период. Все отдыхали, веселились. Рестораны были дешёвые, палёного алкоголя в магазинах не было, заработную плату, так называемую «получку» платили всем, богатых и бедных не было, молодёжь любила и размножалась, квартирная плата была мизерной, родители ездили по профсоюзным путёвкам в дома отдыха, а дети в пионерские лагеря. Пиво было настоящим пивом, а не пенным напитком. Ох, «как было тяжело». Колбасы было всего два сорта. Катастрофа. Но никаких консервантов, ГМО. Джинсы были только у фарцовщиков по жутким для обычного советского человека ценам. Это, конечно, трагедия. Все хотели не натурального, но чего-то изящного западного: чтобы всё плотно облегалo задницу и гениталии, все хотели красивых этикеток на заморских фальсифицированных искусственных эрзац-продуктах. Нейлон. Кремплин. Полиэтиленовые пакеты как признак предела интеллигентности и изящности. Но так как производство советских товаров регламентировалось жёсткими гигиеническими рамками, всё должно было быть натуральным. Чего-то не хватало, конечно. Но почему? Вероятно, может быть, кто-то намеренно вредил. А почему нет? Ведь когда наступило смутное время Горбачёва-Ельцина, подавляющее количество коммунистических функционеров основало капиталистические предприятия, ларьки, коммерческие киоски или перебежало в стан идеологов реставрации капитализма в России. Их никто не заставлял, они давно уже были готовы к этому, они

только ждали своего часа, воспитанные своими родителями в духе ненависти к социалистическому устройству государства. О, как долго они терпели, притворялись, вступали в члены КПСС, выступали на коммунистических и комсомольских собраниях, избирались в партийные организации. И ненавидели, и ждали, и не верили в идеалы бесклассового общества. Занимали высокие и самые высокие посты в советском государстве. А кто не верит во что-то, тот либо ничего не будет делать, либо будет вредить тому, во что он не верит.

В молодости моей был у меня приятель, образованный, умный, интеллигентный. Олешка. Его предки сильно пострадали от советской власти. Он был из дворян. Наверное, из крещённых евреев. Говорил, что его предки были выходцами из Сирии. Считал себя благородным человеком. Но почему-то, обладая хорошими способностями к рисованию, всегда искусно и регулярно подделывал проездной билет на общественный транспорт. А ведь проезд тогда стоил три копейки. Кондукторов при Брежневке уже не было, и всякий пассажир спокойно и безмятежно бросал свои три копейки и сам (!) отрывал себе билет. Разглядывал: счастливый он или несчастливый. Цифр было шесть, и надо было, чтобы сумма первых трёх и вторых трёх цифр были одинаковыми. Если было так, то тогда счастливый обладатель такого билета просто и непринуждённо сжёвывал этот билетик на счастье. Хотя он уже и так был счастливым, не понимая этого, живя, практически, при коммунизме. А мой хороший рисовал фальшивые проездные билеты. Выносил по частям пишущую машинку через проходную почтового ящика, аккуратно размещая компоненты в «авоське», сетчатом мешке, который он эротично и бережно привязывал между ног, прикрывая всю эту мудрёную конструкцию длинным поповского стиля пальто. Потом он стал ярым демократом. В дни выборов, по ночам срывал агитки коммунистов длинным железным крючком и похихикивал от удовольствия. Но почему-то, как жил он в частном покосившемся домике при ненавистной советской власти, так он и остался в нём жить и теперь при реставрированном капитализме. Не видел его лет тридцать. Наши дорожки разошлись. Не по моей вине. Я никогда не испытывал к нему враждебных чувств. Но недавно, посетив город моей молодости, прогуливаясь после пляжного пива по набережной, увидел странный персонаж. Седой старик с огромной, именно огромной, бородицей до пояса и с палочкой в руках внимательно смотрел на меня. Просто библейский Моисей или Вий Гоголя. Я от такого неожиданного ко мне внимания оторопел, постарался быстро отвести взгляд и прошёл мимо, сделав вид, что я его не заметил. Отойдя шагов десять, я понял, что это был никто иной как Олешка! Какие метаморфозы! С ужасом я ускорил шаг, стараясь отдалиться от этого дикого старика-демократа как можно дальше.

Тогда никто не думал о том, что они, в искусно срежиссированном антикоммунистическом угаре, поддержав идеи «демократии и общечеловеческих ценностей», через пять или десять лет после «коммунистического рабства» могут закончить свою жизнь, собирая отбросы в мусорных баках, а их полуголодные и голодные нищие дети, ставшие жертвами «борьбы с инфляцией», не смогут получить хорошего питания, хорошего медицинского обслуживания и хорошего образования, будут потреблять наркотики, станут проститутками и бандитами из-за безысходности или по глупости. Многих убьют из-за квартир. Ельцинская не западная, но ростовщическая демократия обернулась откровенным геноцидом русского народа.

Кто же им, дурачкам, детям товарищей, за одну ночь объявленными «псевдогосподами» и «псевододами», расскажет правду. Им расскажут другую правду, то есть откровенную ложь о том времени те, кто никогда не жил по своей молодости в Советском Союзе, но именно они, эти детишки родителей из бывших сословий (жандармов, урядников, купцов, ростовщиков, домовладельцев) благополучно встроившихся в коммунистическую модель, но тайно и люто ненавидящих честных русских людей, для которых собственно и была создана эта коммунистическая модель, стали основными проповедниками антирусской псевдолиберальной модели «развития России» после расстрела Б.Н. Ельциным парламента России. Нам, жившим в СССР, стыдно. Им, проплаченным лгунам, не стыдно. Они все, и я, существую только в моей и их нынешней и загробной памяти. Плохие и хорошие, пьяные и трезвые, женатые, замужние, разведённые, кандидаты и доктора наук, купившие свои дипломы, учительницы-училки, умные дуры-филологини, бывшие в двух и более браках, но не нашедшие покоя и счастья, несчастные интеллектуалы-мужички, споткнувшиеся на однообразном, технологическом и непосильном нормальному человеку, а не кролику, сексе, который от них требовали сомнительно целомудренные, в далёком прошлом, невесты, а теперь жёны.

Идёт такой грустный мужчина с просветлённой отрешённой улыбкой на лице и думает: «Да, пусть она танцевала полуголая и пьяная на столе, пусть сидела на лавочке на набережной в обнимку с двумя молодыми людьми. Ну где найти другую, не такую. А может быть, “она и не такая” и зря на неё наговаривают». Один её похотливо целовал в губы и просунул левую руку через цветастое платье под левую грудь, а другой молодой человек целовал её в шею, напомаженную «Сигнатюром». Да-да. Это был августовский пряный и манящий на приключения вечер. Он – студент, приехал из строительного отряда. Ждал встречи два месяца. Во что-то верил. Студент. Зарабатывал деньги. Посылал ей эксклюзивные по тем временам подарки из колхозных магазинов. Кому там в колхозных полях были нужны французская косметика и изящные колготки? Ходить на молочные фермы и на сенокос? А он в этот август, в этот вечер шёл по набережной после очередной непонятной ссоры с ней, его нежно и страстно возлюбленной, не понимая причины ссоры. А причина была проста. Не было конкретных половых отношений. Она ему не давала. Он был недостоин. Студент. Так на «про запас». Она давала другим, кто был более перспективен. Она ему позволяла только петтинг. В кустах, в кино, в тёмных аллеях и садиках частных домиков. Ну, этого, конечно, мало. Но я этого абсолютно не понимал. Она для меня была просто ангел непорочный. Дурак. Таких как он у неё было несколько, и она с ними регулярно спала. А я был неудобный, у меня не было места, где можно было бы уединиться. И в тоже время я был перспективный «дурачок», за которого можно было выйти замуж в случае облома, то есть отказа со стороны других более материально обеспеченных молодых людей, курсантов-выпускников военных училищ, милиционеров, лётчиков гражданской авиации. Она всё правильно рассчитывала. Но они на ней не женились. Женился на ней только я. Но тогда я об этих хитросплетениях не догадывался. Однажды случилась катастрофа. Наверное, это был перст божий, которому я не внял и которого я не увидел. Идиот. Я её, мою нежную любовь, увидел в интересном окружении. Вместе с ней их было трое. Трое, на одной лавочке, и я не мог глазам своим поверить, что в этой сладкой компании была она, она моя единственная, возжеленная, невинная и непорочная Лялечка. А Лялечка первая быстро меня узнала и отвернула голову,

спрятав своё напомаженное, как у проститутки, личико, которое казалось ему в то время ангельским, за плечо одного из своих партнёров. Замерла. Я, студент, прошёл мимо, не в силах прийти к напрашивающемуся выводу: «она или не она». Конечно, это была она. Я это увидел сразу. Но эта мысль не укладывалась в моей голове никак. Как квадратура куба, как большая сфера внутри меньшей. Это было немыслимо. После таких нежных слов, сказанных в её адрес, после нежных поцелуев и подаренных живых цветов среди зимы... Я сам себе не поверил. Я не поверил в то, что ясно видел. Да, именно такой и бывает настоящая любовь. Увы. Потом я видел её поздним вечером, когда она вся ещё пылающая от секса, слегка взлохмаченная, в измятом платъице шла в естественной, но по тем советским временам, непристойной обнимке с красивым статным брюнетом дождливым вечером. Я и на этот раз узнал её. Но не смог признаться себе в этом. Прошёл ещё один год. Я всему этому не поверил. Хотя мне и намекали, и говорили прямо. Но молодость, глупость, абстрактные надежда, вера и любовь заставили меня совершить ошибку или то, что было предначертано судьбой. Потом я на ней женился. Зачем? Я и сам не знаю. Перед свадьбой она принесла мне справку из поликлиники о том, что она девственница, хотя я её не просил. Наверное, справку ей сделал по знакомству её друг-гинеколог. После свадьбы и первых брачных отношений у меня пошли какие-то прыщи. Справка оказалось фальшивой. Спать мне с ней больше не хотелось. Да и ей тоже. Её опыт был богат более внушительными размерами. Развелись мы через год. Иногда мы видимся. При встрече я всегда думаю: «Ну что я нашёл в этой, в сущности, макаке, хорошего, и зачем я ей нищий студент был нужен?» Я догадывался, что она знает ответ на этот наивный вопрос, а я – нет. Потому что я дурачок. Дурачок, но не совсем пропащий. Учитывая то, что её второй муж просто и непринуждённо, познав её методы ведения жизни, повесился в погребе, заранее предупредив об этом близких. Но никто не принял его слова всерьёз. А ведь я её любил даже сильнее чем он.

Вот и всё, что рассказал мне мой случайный попутчик, когда мы ехали по необъятным чернозёмным российским просторам по своим суетным, но необходимым делам, заполняя промежуточные стоянки рюмкой коньяка. Поля, перелески, речки, птицы в небе, лёгкая изморозь на стёклах окон междугороднего автобуса. Всё уносится вдаль, всё остаётся позади. А что впереди, и как скоро – ничего не известно. Только мерное гудение мотора автобуса. Скоро доберёмся до конечного пункта и расстанемся с моим собеседником. И всё. И ничего. И никаких выводов. Так всё просто. За нами придут другие. Такие же. Может быть, лучше. Может быть, хуже. Дурачки... Он также неожиданно замолчал, как и неожиданно начинал свой рассказ. Мы сидим молча. Он, кажется, заснул. Я тоже закрыл глаза, сделал вид, что я сплю и не очень внимательно слушал рассказ моего попутчика. Я не спрашивал и не переспрашивал... За окном пробежала дорога, лесополосы стройных берёз, дубовые рощицы, огоньки деревенек с русскими и татарскими названиями, поля, покрытые лёгким ноябрьским снегом. Одиноко, красиво, грозно и неожиданно возникали из-за косоголовых отреставрированных стройные церкви с куполами, покрашенными в ярко-синий цвет и жёлто-золотистыми звёздами, вкрапленными на этом фоне. Эти церкви и церквушки напоминают о грозных, тяжёлых и кровопролитных временах продвижения Московской Руси на юг и юго-восток, когда она, тесня татарских ханов, отчаянно отбиваясь и отгоняя грабительские орды подальше от

Москвы, где договорами, а где кровью и мечом, отвоёвывала себе право на свою жизнь и жизнь потомков, нашу жизнь...

Темнело, начинался мелкий осенний дождь со снегом. После истории, рассказанной моим случайным попутчиком, вспомнились и мои, отчасти похожие страдания и переживания. И в моей жизни были подобные случаи. Как и моего попутчика половые страдания и переживания, на мгновение, показались мне смешными и пошлыми по сравнению с той борьбой, которую вели наши предки. Таких в народе метко, как и всегда в народе, называли «издо-страдальцами», что актуально и по сей день. Сейчас, слава Господу, эти мои страдания почти все позади...

Через полчаса мой попутчик вышел, предварительно легко и непринуждённо попрощавшись, как будто и не было такого грустного и откровенного рассказа. Как будто мы с ним уже и не были знакомы. Да и зачем это знакомство, ведь мы, наверное, никогда уже больше не встретимся, а если и встретимся, то пройдём мимо, сделав вид, что мы не знакомы. Я ехал дальше. Уже было совсем темно, за окном ничего не было видно, только полный месяц, ещё не закрытый осенними тучами, неустанно сопровождал наш автобус и настойчиво заглядывал в его окна, как будто стараясь кого-то найти, узнать внутри этого маленького Ноева ковчега, мчащегося вперёд, вперёд и вперёд. Мне подумалось о том, что как странно, вероятно, с точки зрения луны, выглядела эта микроскопическая букашка-автобус, зачем-то, куда-то мчащаяся в полной темноте, наполненная такими совсем крохотными существами со своими ничтожными, простыми, хорошими, ужасными, смешными и глупыми судьбами, несбыточными мечтами, планами, предположениями. Я слушал мерный гул мотора автобуса и ожидал встречи с малой родиной, с моим прошлым. Хорошим и не очень хорошим. Как и у всех. Вспомнились строки из вечного Есенина: «...Неуютная жидкая лунность и тоска бесконечных равнин, – вот, что видел я в резвую юность, что, любя, проклинал не один...»

ПОЭЗИЯ

Инна Авдеевна Яскевич – после окончания литейной кафедры МВТУ им. Н.Э. Баумана работала по специальности. В журнале «Литейное производство» прошла путь от научного до главного редактора. Сегодня возглавляет Издательский дом «Литейное производство», выпускающий журналы: «Литейное производство», «Металлургия машиностроения», «Библиотечка литейщика».

Живёт в Москве.

Инна ЯСКЕВИЧ

«Время алчности и амбиций...»

Напоминание

Фашизм начался с поджога Рейхстага –
Вспомните, люди, как это было.
Коммунистов назначили виноватыми,
И облаву тогда на них объявили.

То же видим сегодня в Одессе –
История развивается по спирали,
Только сейчас каждый виток страшнее –
Всё меньше совести, всё меньше морали.

Один расчёт, одна прагматика.
Покупать нацистов – для олигархов хобби.
Что же происходит? Про Холокост забыли?
Где же Израиль? Где в Сенате лобби?

Освежите память – что за этим последует,
Ну хотя б ещё раз хронику просмотрите.
Почему молчите? Просто наблюдаете.
Сегодня не получится остаться зрителем.

Третья Мировая ничем не завершится,
Не будет победителей и проигравших.
Просто Шарик на части расколется,
И всё закончится вселенским крахом.

Украина. История болезни

Мы вступили в эпоху насилия,
Время алчности и амбиций.
Каждый мнит себя Бонапартом,
Не желая сдавать позиций.

Отобрать, что можно, у слабых,
Доказать своё превосходство.
И не видеть – странною правят
Люди с признаками уродства,

Неспособные к состраданию,
Душу дьяволу заложившие.
Погружаемся в средневековье,
С их чудовищами ожившими.

Или снова пора инквизиции?
Кто не с нами – живём в костёр.
Может, это поход крестовый
Свою волю над нами простёр?

Истребить дотла несогласных –
Территории их нужны.
И оружием будет ненависть,
На войне все средства важны.

Разделить на чужих и наших,
Натаскать на убийства сброд,
Одурманить вином и наркотиками,
Натравить на свой же народ.

Вот она, бацилла фашизма –
Убедить в своём превосходстве,
Формой черепа или носа,
Иль особым видом уродства,

Генетическими отклонениями,
Необычностью своих взглядов.
Ну, а вдруг – эпидемия бешенства?
С этим как-то бороться надо!

Изолировать заболевших,
Остальных – на прививки срочно,
И обследовать всё, что можно –
Душу, голову, печень, почки.

Обнаружить очаг инфекции,
Разработать противоядие,
И лечить немедленно органы,
Те, что стали мишенью проклятия.

Монолог Коломойского

Историю делают реваншисты.
Вот и я хочу доказать свету,
Что даже тот, кто нас ненавидит,
Будет служить нам беззаветно.

Только потому, что всё покупается –
Мозги и руки, и мировоззрение.
Главное, правильную картинку показывать
Для ежедневного обозрения.

Говорите: «Зомбирую». Не возражаю.
Должен же быть пастух у стада,
Чтобы вести его, куда следует,
Чтобы показывать, что делать надо.

А иначе разбредутся, куда попало,
Каждый будет думать, что он – личность,
А я накормлю, мозги прочищу,
И сделаю жизнь их вполне приличной.

Говорите: «Не прав». Давайте поспорим.
Если не я, будет другой фюрер.
У меня, как вы знаете, только бизнес.
Тот же, неизвестно, куда зарулит.

Сумерки

Вечерами ложится туман,
И становится всё таинственным.
Вот когда затевать роман –
Будет долгим он и единственным.

На закате чувства острей,
Потому что действительность – зыбка.
И пока не зажгут фонари,
Освещают нам тьму улыбки.

И так хочется миг продлить,
Миг романсов и ожидания.
Но уж пала на землю ночь.
И куда девались мечтания?

Гастрономическое

Я обожаю помидоры –
В них вижу солнца продолжение.
Поем – и чувств прилив испытываю,
Сил нерастраченных брожение.

А если персиком полакомлюсь,
Когда он истекает соком,
Как наркоман потом кайфую,
А мысли бродят так высоко.

Ещё хорош арбуз ломтями.
Из них ты ковыряешь семечки.
И не успеешь оглянуться –
Осталось от арбуза темечко.

А с дыней надо уважительно –
Самостоятельное блюдо.
Её ты вилкой ешь и ножиком
На праздничной, учти, посуде.

Про виноград особо песня.
Его, смакуя, дегустируют.
А если угощают собственным,
Хвали – хозяин завибрирует.

Хорош и огурец пупырчатый.
В любом он годен исполнении –
В салате, ломтиками к мясу.
А с хлебом чёрным – объедение.

Любовь – зла...

*В программе «Познер» телеведущая
и сценарист Авдотья Смирнова, до того
активно отрицавшая брак, пыталась объяс-
нить, почему она вышла замуж за А. Чубайса.*

Давайте, рассмотрим версии
Странного поведения
Неглупой, вроде бы, женщины,
Имеющей своё мнение.

*Первая – сентиментальная.
Воспитанная на классике –
Толстом, Тургеневе, Тютчеве,
Спасает его от напасти.*

Он – ненавидимый всеми,
Во всех грехах уличённый,
Чем не герой для дамочки,
Поэзией увлечённой.

Интеллигентные барышни,
Доверчивые и наивные,
Всегда прохиндеев оправдывали,
Сердца им свои дарили.

Верили в свою миссию,
Надеясь спасти их души,
Будь то игрок азартный
Или поэт заблудший.

Ещё в добро они верили,
В силу любви и внушения.
Что ж, поживём – увидим.
Пока я полна сомнения.

Согласно *второй версии*,
Умный, отважный, находчивый,
Какой контраст составляет
Ленивым, часто порочным,

Нашим мужланам русским,
Как правило, не любознательным,
Как правило, не образованным,
И за добро не признательным¹.

Наглость приняв за силу,
За яркий ум – изворотливость.
В таких ещё привлекательны
Галантность, словоохотливость.

Всё потому, что в слабости
Простых мужиков упрекают.
Надо б кого покруче,
Кто капитал наживает,

С чьим мнением все считаются –
И Президент, и Дума.
Какими деньгами ворочает!
Какие проекты придумывает!

Вот вам и *третья версия* –
Тщеславие обыкновенное.
А то мы всё о возвышенном,
Забыв о мотивах презренных.

Ещё она – просто женщина.
Хочется жить достойно,
Чтоб в доме было красиво,
Чтоб дети были устроены.

Она ему чем приглянулась?
Авторитет имеет,
Профессия – творческая,
Словом прекрасно владеет.

Будет сказки рассказывать
О муже, всеми гонимом.
А он всё делает правильно!
Иначе, был бы любимым?

¹ По мнению А. Смирновой

Исповедь сына века

Человек есть существо, ко всему привыкающее, и, я думаю, это самое лучшее определение человека.

Ф.М. Достоевский

В самолёте во время полёта пассажиры либо дремлют, либо коротают время в беседе друг с другом. Перелёты располагают к искренности и откровенности, даже если потом люди больше не встретятся.

Полёт из Душанбе в казахстанский город Алма-Ату занимает около двух часов. Можно поспать, но потом неважно себя чувствуешь, голова тяжёлая и всё тело ломит, как после утомительной работы. Значит, остаётся разговор по душам, тем более что мой сосед, сидящий у иллюминатора, то и дело испытующе взглядывал на меня. По виду русский, возраст лет за тридцать, внешность самая обычная, вот только лицо смуглое от загара.

В свою очередь я пристально посмотрел на него. Он улыбнулся и спросил:

– Я вижу, вы не узнали меня?

– Вроде кажешься знакомым, но где мы виделись, не припомню.

– Давайте перенесёмся лет на пятнадцать назад. Вы тогда в своём гараже занимались ремонтом машины, а я то и дело прибегал к вам. То гаечные ключи просил, то насос, то дистиллированной воды для аккумулятора. У отца был старенький «Москвич», и мы его больше чинили, чем ездили на нём.

Я припомнил.

– Было такое. Но ты сейчас мало похож на того мальчишку. Повзрослел, возмужал. Чем сейчас занимаешься?

Мой собеседник помедлил. Он словно прикидывал: стоит ли ему откровенничать со мной или отделяться ничего не значащими фразами? И в то же время чувствовалось, что ему хочется выговориться. Так бывает, когда накапливается много впечатлений, но не с кем облегчить душу. А тут появилась такая возможность.

Леонид Александрович Чигрин – родился в Белоруссии, в посёлке Осинторфе в 1942 г. Журналист, сценарист, прозаик. Один из ведущих русских писателей Средней Азии. Романы и повести переведены на английский, китайский, японский, турецкий языки. Живёт в Душанбе.

Самолёт был заполнен пассажирами наполовину. Сиденья впереди были свободными, сзади тоже, и можно было не опасаться любопытных ушей.

– Ну, поскольку мы старые знакомые, да и соседи бывшие, вам скажу. Был в Сирии.

– Вот как, – удивился я. – И что ты там делал?

Он пожал плечами.

– Что там делают? Воевал.

– И на чьей стороне?

Он опять помедлил.

– На стороне игиловцев¹, конечно.

Я оторопел от услышанного. Знал, что в рядах этих бандформирований есть выходцы из Средней Азии, Кавказа, российские мусульмане, но чтобы русский парень...

– И как ты туда попал?

Мой сосед вздохнул.

– История долгая. Но у нас два часа, попробую рассказать.

Мне было семнадцать лет, когда умер отец. Старшая сестра с мужем уехали в Якутию, и мы с матерью остались вдвоём. Мать работала учительницей в начальных классах, заработок невеликий, но концы с концами сводили. Она хотела, чтобы я получил высшее образование, хотя я намеревался пойти на курсы шоферов, а потом начать трудиться. Но мать упростила меня, и я поступил в Таджикский политехнический институт, на энергофак. Окончил учёбу, получил диплом, а вот с работой оказалась проблема. Таджикистан стал суверенным государством, пережил гражданскую войну. Предприятия бездействовали, повальная безработица, и я со своим инженерным образованием оказался за бортом жизни. И добро бы только это. У матери от переживаний случился инсульт, её частично парализовало. Передвигалась она по квартире с трудом, что-то делала по хозяйству, но о полноценной жизни говорить не приходилось. Забота о семье легла на мои плечи. Я зарабатывал, где только мог. Рядом базар, там строились магазины, открывались лавчонки. Я прокладывал проводку, подключал свет, холодильники. Платили деньгами, продуктами. Когда не было такой работы, помогал соседу, уже старику. У него была тележка, на которой он привозил на базар для торговцев фрукты и овощи, другие какие грузы. Если заболел, я катал эту тележку. Не по себе было, здоровый парень, с высшим образованием, а занимаюсь такой вот работой. И уехать никуда не мог, матери становилось всё хуже.

Время шло. Предприятия стали оживать, но чем-то стоящим я заняться не мог. Был принят закон о государственном языке, знание таджикского языка было обязательным, я же объяснялся на нём на бытовом уровне. В приёме на работу отказывали или предлагали занятия вроде грузчика или чернорабочего. Горько было от сознания своей ненужности. Русские покидали Таджикистан, а оставшиеся скатились до уровня людей второго сорта.

Не знаю, что бы дальше было, но мать умерла. Похоронил её с помощью соседей. Теперь у меня руки были развязаны, можно было уехать в Россию, но у меня не было российского гражданства, а без него и там бы предстояли мытарства. Решил пробиться в российское посольство, может, присоветуют что-то дельное. Всё-таки я русский, не чужой им.

¹ ИГИЛ – запрещённая в России организация.

В российское посольство действительно нужно было пробиваться. Сотни людей осаждали его, как неприступную крепость. Только через неделю я получил возможность поговорить с одним из его сотрудников, полным, лысоватым, с брезгливо поджатыми губами. Иллюзии мои быстро рассеялись. Встречен я был без особой теплоты, более того, говорил со мной чиновник неприязненно и грубо. Мне сразу было сказано, что российское гражданство мне не светит, поскольку я родился в Таджикистане и, следовательно, являюсь гражданином этой страны.

– Но я русский, – попытался возразить я.

– Это не имеет значения. У нас не русское, а российское посольство. Привилегии русским законодательством не предусмотрены.

– Но ведь таджики имеют двойное гражданство, своё и российское?

– Об этом было подписано между Россией и Таджикистаном особое соглашение. К русским оно не относится.

– Странно, в газете было написано, что узбекам и казахам будет предоставляться облегчённый порядок предоставления российского гражданства. Почему же...

– Ты не узбек и не казах, – последовал ответ.

– Что же мне делать?

– Что хочешь, мы не собес.

С горьким чувством вышел я из российского посольства. И такая была в душе обида на Россию. Почему же мы, русские, оказавшиеся в республиках теперь уже Ближнего зарубежья, не нужны своей этнической родине, оказались в положении изгоев? Президент Таджикистана Эмомали Рахмон заявил в одном из своих выступлений, что где бы таджики ни находились, в какой точке земного шара, они всегда могут вернуться в свой исконный дом и будут встречены тепло и с заботой. Почему же никто из российских лидеров не сказал ничего подобного?

Я размышлял о вопиющей несправедливости по отношению к русским. Есть Российская Федерация, но нет русского государства, есть Москва – столица опять-таки Российской Федерации, а где столица русских? Почему мы, русские, оказались в положении курдов, у которых также нет своей земли и своего главного города? Может, в чём-то я был неправ, но тогда мне было не до государственных тонкостей. Я готов был на что угодно, только бы вырваться из замкнутого круга безнадёжности.

– Что парень, облом? – услышал я чей-то голос.

Рядом со мной стоял мужчина постарше меня. Ростом чуть выше, тёмные волосы. В голосе слышались участие, но и ирония. Небрит, но одет неплохо и держался с чувством собственного достоинства.

– Облом, – согласился я.

– Пошёл за гражданством, а получил от ворот поворот? – продолжал незнакомец.

Я пожал плечами, откровенничать не хотелось, да и что толку в пустом разговоре. Незнакомец словно прочитал мои мысли.

– Вот тут ты неправ, – не согласился он со мной. Отвернул рукав пиджака, посмотрел на часы.

– Самое время обедать. Поехали, перекусим и поговорим по душам. Гарантирую, я смогу тебе помочь. И хотя я мало верил в это, но согласился. Расположились мы за столиком в углу ресторана «Таджикистан».

– Меня зовут Джохар, – представился незнакомец...

Поели, Джохар закурил, молча рассматривал меня.

– Ты можешь не рассказывать свою историю, она такая же, как у тысяч других русских, оказавшихся за пределами России. Специальность есть?

– Инженер-энергетик.

– О-о, это то, что нам нужно.

– Кому это, нам?

– Сейчас узнаешь. Я предлагаю тебе поехать в Сирию. Поедешь не один, я уже подобрал с десяток таких же парней. Предлагаю хорошую работу, хорошую оплату. Через три-четыре года с солидными деньгами можешь поехать в любую страну, а не в нищую Россию, которой вы, русские, и на дух не нужны.

– Но там же война? – удивился я.

– Война – занятие для настоящих парней. Но кроме боевиков, нужны и инженеры, и врачи, и производственники, да мало ли кто ещё.

– К игиловцам вербуешь? – спросил я напрямую.

– Вижу, ты начитался всякой лжи в газетах, – укоризненно проговорил Джохар. – На самом деле всё не так. «Исламское государство» – крепкая организация, с огромными возможностями и таким же будущим. Там ценят смелых мужчин и высоко оплачивают их труд. Как ты думаешь, почему так быстро множатся ряды этой организации? Что, все дураки? Нет, брат. Там можно найти всё то, чего не получишь в России. Организация игиловцев – это боевое братство, это подлинный интернационал, где никто не чувствует себя отщепенцем и никто не предоставлен сам себе. Мы боремся за создание громадного государства, в котором будут все равны и которое по мощи сравняется с бывшим Советским Союзом.

– Но я не мусульманин, – привёл я решающий довод.

Джохар усмехнулся.

– Стань мусульманином для вида, а в душе оставайся кем хочешь: христианином, иудеем, буддистом. Главное, будь крепкой и стойкой личностью.

Джохар говорил спокойно, попыхивал сигаретой, и в голосе его звучала такая убеждённость, что я невольно поддался ей. В другое время я, может, и усомнился бы в его словах, но тогда чувство обиды, возникшее от посещения Российского посольства, преобладало в моей душе. «А почему бы и нет? – подумал я. – Пусть игиловцы, лишь бы какой-то просвет в этой неопределённости».

– Ну, так как? – поинтересовался Джохар.

– Согласен, – твёрдо ответил я.

– Молодец! – похвалил меня вербовщик. – Я подобрал ещё десяток таких смелых и решительных парней. Отсюда полетим в Алма-Ату, оттуда в Турцию, а из неё переберёмся в Сирию. Сделаем тебе другой паспорт, изменим имя и фамилию. Станешь таджиком по отцу, русских и в Сирии не очень любят.

– Да, но у меня тут квартира, – напомнил я. – Нужно что-то делать с ней. Быстро не продашь, а бросать не хочется.

Джохар взглянул на меня и усмехнулся. Такая у него была привычка.

– Сколько стоит сейчас твоя квартира?

– Тысяч пять долларов, – ответил я. – Немного, но я совсем без денег.

Джохар достал из внутреннего кармана пиджака солидную пачку долларов, отсчитал нужную сумму и протянул мне.

– Вот тебе пять тысяч долларов. Считай, что я купил твои апартаменты. Вот ещё две тысячи как моральная компенсация. Квартиру отдай

соседям, попроси, чтобы присматривали за ней. Скажи, что через год вернётся.

– А если не вернусь?

– Тогда пусть пользуются и дальше. Это им будет подарок от тебя.

Так я и сделал.

Действительно, с нами в Алма-Ату летели ещё десять человек. Среди них было два таджика, один туркмен, три украинца, остальные узбеки.

Я удивлялся тому, с какой лёгкостью Джохар решал все наши проблемы. Верно говорят, деньги – великая сила. Поселил он нас в загородном пансионате.

– Отдыхайте, но отсюда, ни шагу, незачем привлекать к себе внимание. Через неделю у нас были новые загранпаспорта, другие имена и фамилии. Я стал Джабраилом Мухаммадиевым...

Самолёт мерно гудел, как бы вторя неторопливому рассказу моего собеседника. Я украдкой посмотрел на часы, прошло тридцать минут, как мы вылетели из Душанбе. Время ещё было, но мне не терпелось услышать рассказ о пребывании Джабраила в Сирии.

– А как прежде тебя звали? – поинтересовался я.

Парень отрицательно покачал головой.

– Всё в прошлом. Теперь я Джабраил.

Я понял, что его откровенность тоже имеет пределы, и не стал настаивать. Джабраил, так Джабраил.

– И что потом?

Джабраил помедлил, собираясь с мыслями.

– Потом мы перелетели в Турцию. В Анкаре нас встретили, разместили в каком-то доме, больше похожем на общежитие. Поскольку мы все были разных национальностей, то разговор шёл по-русски.

– А когда окажемся в рядах игиловцев, на каком языке будем говорить? – спросил я Джохара.

Он засмеялся.

– Пусть тебя это не беспокоит. Там свой язык, за неделю освоишь.

Ночью мы разместились в кузове крытого грузовика и поехали. Ехали до рассвета. В пути несколько раз нас останавливали, светили фонарями, слышались голоса, потом катили дальше. Высадились в Алеппо. Увиденное потрясло меня. Сирия, по учебнику «История Древнего мира», представлялась музеем под открытым небом, сокровищницей мировой культуры. Ничего этого не было. Голые обгоревшие остовы многоэтажных зданий, руины, полное запустение.

– Вот это да! – вырвалось у меня.

– Война, – лаконично откликнулся Джохар.

Игиловцев было много. Все одинаково одеты, в длинных чёрных рубахах ниже колен, таких же штанах, на головах или афганские войлочные шапки «нуристанки», или чалмы, а то просто обвязаны платками. Вид у них был устрашающий, заросшие волосами, неухоженные, они производили впечатление дикарей. Впрочем, как я убедился потом, такими они и были, по сути. Все вооружены, как говорится, до зубов. Наши автоматы Калашникова, гранатомёты, ручные пулемёты, много иностранного оружия.

Нас распределили по отрядам. Я попал в отряд Юсуфа. Это был самаркандский узбек, лет сорока. Невысокий, полный, с узкими глазами, реденькая борода и усы. Хорошо говорил по-русски.

– Джохар сказал, что ты окончил политехнический институт? – спросил меня Юсуф. Я утвердительно кивнул.

– Значит, изучал военное дело?

– Лейтенант запаса.

– Оружие знаешь?

– Только советское.

– Освоишь и иностранное, принцип один и тот же. Главное, тебе не нужно будет проходить подготовку. Сразу включишься в дело. Инженер-энергетик? Я снова кивнул.

– Это хорошо, работы у тебя будет через край.

Юсуф ввёл меня в курс дела. В самом Алеппо и его окрестностях, как, впрочем, и в других городах, пленные и рабочие из местных жителей рыли тоннели, сооружали под землёй командные пункты, казармы, штабные помещения, склады для оружия и боеприпасов, продовольствия и воды.

Отряд Юсуфа, в котором было около ста человек, следил за ходом работ. Никто не должен трудиться в полсилы, тем более отдыхать, попытки убежать пресекались тут же короткой очередью из автомата. Работали сотни человек при факелах и коптилках. Подземелья напоминали картины Дантова ада. Умиряли десятками от удушья и плохого питания. Их вытаскивали наружу, бросали в ров и заменяли другими.

– Зачем столько помещений под землёй? – спросил я Юсуфа.

– На случай бомбёжек, – пояснил тот, – ну, и если сирийская армия будет наступать, укроемся под землёй.

– Но все тут не поместятся?

– А всем и не надо. Командование, элитные части...

Под моим началом числилась группа в двадцать человек. Все бывшие рабочие предприятий. Подача тока и освещение производились малогабаритными дизельными электроустановками. Нужно было отлаживать их, устанавливая в определённом порядке, прокладывая кабели и электропроводку. Мы занимались этим с утра до вечера и, надо сказать, со своими обязанностями справлялись. Время от времени нас проверяли командиры игиловцев высокого ранга. Придирчиво осматривали сделанное, одобрительно кивали и, бросив несколько слов, уходили.

– Хвалят, довольны, – пояснил Юсуф.

Я быстро осваивал язык, на котором общались между собой боевики. Он был несложен, запас слов небольшой, арабские слова, фарси, тюркские, к моему удивлению, звучали и русские.

Я вспомнил, великий физик Эйнштейн писал, когда он переселился в Америку, то знал всего триста английских слов, и этого ему вполне хватало. Тут, в Сирии, было примерно также.

Зарплату мне положили тысячу долларов в месяц. Но, к моему удивлению, прошло два месяца, а я ничего не получил. Я спросил Юсуфа, где мои деньги? Он нахмурился.

– А зачем тебе они?

– Как зачем? – удивился я. – Я их заработал.

– Они идут на твой счёт. Когда закончишь у нас службу, получишь сразу всё, что тебе полагалось. Питанием тебя обеспечивают, одеждой тоже. Оружием и боеприпасами. Чего тебе ещё надо?

– Да, но я не подписывал никакого контракта. Откуда я знаю, когда закончится срок моей службы?

Юсуф недовольно посмотрел на меня.

– Когда закончится, тогда и узнаешь. А вообще советую меньше болтать, здесь излишнее любопытство не любят.

Когда завершали один объект под землёй, то рабочих расстреливали. Во-первых, они уже не расскажут ни о тоннелях, ни складах и командных пунктах. Во-вторых, они настолько были истощены и ослаблены, что ни для чего больше не годились. В обычае игиловцев было повязывать друг друга кровью, тогда все будут равны и в одинаковой мере подсудны, если случится такое. Рабочих выводили наружу, ставили в ряд у рва или траншеи и расстреливали. Причём, расстреливать должны были все. После чего убитых засыпали землёй. Таких скрытых захоронений десятки, когда-нибудь их обнаружат.

– И ты расстреливал? – спросил я.

Джабраил передёрнул плечами и отвернулся. Вторично спрашивать было незачем, и так всё ясно.

– Тоннели под землёй тянулись на километры, укрытий тоже было множество. Объём выполненных работ поражал, это было сравнимо со строительством египетских пирамид.

Я пока не принимал участия в боевых действиях, но война слышалась и под землёй. Она вздрагивала от разрывов артиллерийских снарядов и авиационных бомб, струйками осыпалась с потолков.

Где-то через полгода отряд Юсуфа вывели на поверхность, заменили другим, и теперь мы должны были воевать наряду с другими игиловцами. Тут уже я оказался в самой гуще сражений. Они продолжались без отдыха с утра и до вечера. Ночами нас посылали на разведку или атаковать позиции противника, чтобы не давать ему роздыха.

Я постигал боевое содружество игиловцев изнутри. Они оказались не настолько спаянными, как о том говорил Джохар. Прежде всего, в Сирии воевали сотни группировок из стран Ближнего Востока, Ирана, Афганистана, Закавказья и, конечно же, из России. Одних только таджиков насчитывалось больше тысячи. Эти группировки представляли экстремистские организации Аль-Каиду, Джундулло, Ансоруллох, Джабхат ан-Нусру, Братьев мусульман, Таблигот и многие другие. Все они были фанатиками мусульманами, но единства не было, а были неприязнь и соперничество, и потому каждой группировке ставили отдельную задачу, правда, в общей тактической операции.

Они прикрывались высокой идеей – созданием громадного исламского халифата, но сами мало верили в него, да эта идея им была и неинтересна. Создавать – значит строить, а они не были склонны к созиданию, их главной заботой была нажива. Они грабили музеи, утаскивали всё, что можно было продать западным коллекционерам, нимало не заботясь о сохранении древних памятников культуры. Напротив, они уничтожали их с каким-то озлоблением, ведь их сооружали иноверцы. Они превратили города Сирии в гигантские развалины и гордились этим. Мне довелось видеть Пальмиру, Дамаск, Алеппо, Киркук и другие города, и они оставляли тягостное впечатление. Повсюду царили культ насилия и стремление очистить вселенную от христианского хлама, как говорили сами боевики.

Как-то ночью, сидя у костра, я спросил у одного факеха, знатока ислама, по имени Салим, зачем же так усердствовать в уничтожении? Ведь, если и

дальше так пойдёт, то на землях древней Сирии не останется ни одного исторического памятника, ни одного из местных языков и ни одной традиции.

Салим удивлённо взглянул на меня.

– А зачем они нам? – ответил он вопросом на вопрос. – Есть только одна вера, одна культура и одно духовное богатство – это ислам. Этого достаточно для всего человечества.

– Да, но создавать исламское государство, это значит и строить. Нужно восстанавливать разрушенные города, не будем же мы жить в развалинах. Кто будет их восстанавливать? Среди наших боевиков нет мастеров, ремесленников, строителей...

Мой вопрос позабавил факеха своей наивностью.

– Кто будет восстанавливать? – передразнил он меня. – Конечно же, Россия. Мы попросим её, и она не откажет. Достаточно только будет заявить, что мы хотим дружить с ней и налаживать тесные взаимоотношения.

Я усомнился.

– Но будет ли этого достаточно?

– Ты плохо знаешь историю, – с важностью проговорил Салим. – Ну-ка, вспомни. Советский Союз помогал десяткам стран мира, стоило им только заявить, что они хотят строить социализм. Их заваливали продовольствием, товарами, материалами, механизмами, в то время как свой народ жил впроголодь. А Афганистан? Десятилетняя война? Афганцы убивали советских солдат, а взамен получали тысячи тонн риса, масла, муки, сахара. Им строили жильё, заводы и фабрики, они ни в чём не нуждались, а советские люди стояли в очередях за куском хлеба. И теперь так будет.

Я отрицательно покачал головой.

– Теперь так не будет, другое время, другая страна, другое руководство. Салим обидно засмеялся.

– Другое, говоришь? А вот и нет. Стоит только произойти где-то наводнение, землетрясение, эпидемии какой, и сразу Россия туда гонит десятки тонн гуманитарной помощи. Своим бы она не пригодилась? Ни США, ни Германия, ни Англия особенно не расщедриваются на такую помощь, одна только Россия. Потому смеются над ней и не уважают её. Попробовал бы кто на США наложить санкции. А Россию все бьют за слабость, неумение жить и отстаивать свои интересы. Молчишь, вот так-то лучше. Будет она для нас отстраивать всё, что мы разрушили. Вот посмотришь. Мы разрушаем и этим показываем свою силу. И все помалкивают, все боятся нас. Кто сильный, тот и прав.

Я действительно молчал. Хотя я и был в обиде на Россию, но видел её своей родиной и не считал дружеское участие в чьей-то беде проявлением недальновидности. Но спорить и дальше с исламским законоведом было опасно, и я предпочёл перевести разговор на другое.

Надо сказать, что игиловцы часто говорили о России, в основном, конечно, неуважительно, как говорят о злейшем враге. Вот один из примеров. Каждый отряд готовил себе пищу отдельно. У всех был свой особый повар. Я заметил, что питаться мы стали лучше. Тогда я ещё работал под землёй и не знал толком, что происходит на поверхности. Я отметил хорошее качество пищи, желая похвалить повара. Наш повар, пожилой, худощавый Ахмад расплылся в улыбке.

– Хвала России, заботится о нас, – и видя мой недоумевающий взгляд, пояснил: – Это российская гуманитарная помощь.

Из дальнейшего рассказа я узнал, как только гуманитарная помощь поступала в какое-нибудь селение, так ночью туда отправлялись боевики ИГИЛа.

Заходили в дома и отбирали продовольствие. Кто им осмелился бы оказать сопротивление? Разговор короткий, расстреливали всю семью и уходили, унося награбленное. Как я понял, в лучшем случае населению доставалась треть помощи, остальное шло в котлы боевиков.

Жизнь в лагере борцов «за веру и халифат» волнами захлёстывала меня. Каждый день приносил что-то новое. Открылась загадка длинных волос и окладистых бород. Это была одна из форм устрашения противника. Дикий вид вселял страх в слабодушных людей. К слову сказать, в этом отношении игиловцы не были оригинальными. К таким же ухищрениям прибегали когда-то кочевники-гунны. Косматые, с глубокими шрамами на лицах, одетые в звериные шкуры, они одним своим появлением обращали врагов в бегство.

Я уже воевал в составе своего отряда против солдат сирийской армии. Это была маневренная война. Мы перемещались из города в город, из селения в селение, из квартала в квартал, внезапно нападали и быстро отходили. Я не собирался стрелять в сирийцев, но оказалось, что это невозможно. У ИГИЛа была своя внутренняя служба безопасности. Её агенты наблюдали за боевиками, и если кто стрелял, подняв ствол автомата выше голов противника, то тут же наказывался пулей в спину.

Игиловцы в силу своего приземлённого интеллекта не боялись смерти. Они были убеждены, что их ждёт рай, а как же иначе, ведь они сражаются за истинную веру. И сами сеяли смерть без раздумий. Убивали пленных, перерезали горло заложникам. Отрезать голову врагу считалось символом победы над ним.

Я заметил, что во время боёв или казни мирных жителей эти самые агенты внутренней безопасности фотографировали нас.

– Зачем это нужно? – спросил я Юсуфа. – Мы же не кинозвёзды?

Юсуф объяснил. Тот, кто связывает судьбу с боевиками ИГИЛа, связывает её навсегда. Дезертировать от них невозможно, они следят друг за другом. Попытка убежать, как и инакомыслие, караются смертью. Но кое-кому удавалось скрыться. Тогда снимки, запечатлевшие их «подвиги», выкладываются на сайтах интернета. И понятно, не всякое государство предоставит политическое убежище убийце и насильнику.

Джабраил вздохнул и посмотрел в иллюминатор. Наш самолёт летел на большой высоте. Небо казалось неправдоподобно синим, солнце слепило глаза, а внизу расстилались белёсые облака, походившие на заснеженные просторы.

– И в твоей душе пробудилось отвращение к этому скопищу кровавых бандитов? – предположил я.

Джабраил усмехнулся.

– На своём опыте я убедился, насколько был прав писатель Достоевский, утверждая, что «человек есть существо ко всему легко привыкающее». Я стал привыкать к тому, что ещё год назад казалось ужасным: к расстрелам, пыткам, насилию. Тонкая оболочка цивилизации слезала с меня, как кожа со змеи. И, наверное, ещё через пару лет я бы ничем не отличался от поднатовших в убийствах боевиков.

Стоит только попасть к игиловцам, и ты теряешь всё: свободу и право быть самим собой, ты превращаешься в безликое существо, слепо выполняешь приказы «хозяев», жизнь теряет свой смысл. У игиловцев нет никаких моральных принципов, они уподобляются свирепым хищникам. Расстрелы

пленных, мирных жителей, стариков и детей для них обычное дело. Они, ещё раз повторяю, фанатики, неверие в идеологию ДАИШ или неосторожное высказывание караются смертью. Какие нужно иметь сердца, чтобы при отступлении или атаках использовать мирное население в виде живых щитов! Тут невольно напрашивается аналогия, украинская военщина, обстреливающая селения Донецкой области, мало чем отличается от кровавых игиловцев.

– Тебе удалось убежать? – спросил я.

Джабраил отрицательно покачал головой.

– Я скажу об этом попозже.

Тогда я заговорил о другом.

– Сообщают, что во время налётов российской авиации гибнет много боевиков, поражаются склады и командные пункты. Но игиловцы сражаются с прежним рвением и не помышляют о сдаче. В чём тут дело?

Джабраил иронически улыбнулся.

– Когда я впервые оказался в лагерях боевиков, я удивился их многолюдству. Их было многие тысячи. В прессе назывались разные цифры – двадцать тысяч, сорок... Выступавший перед нами глава Исламского государства Абу Бакр аль-Багдади назвал приблизительное количество – более двухсот тысяч. Теперь посудите сами, во время бомбёжки погибло, скажем, двести боевиков. Разве это существенный урон: двести погибших из двухсот тысяч? И это при том, что ряды игиловцев постоянно пополняются. Кого-то влечёт к ним жажда обогащения, кого-то гонят нужда и безысходность, но большинство – это религиозные фанатики, для которых борьба с вероотступниками и неверными – святое дело. Да, бомбы попадают в склады с оружием или в командные пункты. Но что значит потеря одного-двух, когда их десятки глубоко под землёй. Помогает игиловцам и предательство. Они заблаговременно узнают о предполагаемом наступлении сирийских правительственных войск и меняют своё местоположение, а то и контратакуют. Кто сообщает им эти сведения, можно лишь догадываться.

Я покачал головой.

– Чему тут удивляться? – проговорил Джабраил. – Предатели были всегда и везде. Кто предавал за деньги, а кто потому, что на той стороне его близкие. Причин много, – заключил он философски.

– Как ты думаешь, долго будет длиться война в Сирии? – спросил я.

Джабраил поразмыслил.

– Я думаю, долго, очень долго. Не меньше, чем советско-афганская война. У игиловцев много источников дохода, как внешних, так и внутренних. На оккупированных землях добывается нефть, которую они продают дешевле мировых цен, а, значит, спрос на неё большой. Они распродают исторические ценности коллекционерам, которых не смущает, что на этих раритетах запеклась кровь, торгуют рабами. На их счета поступают деньги от многих благотворительных фондов из стран Персидского залива. Солидные суммы перечисляют страны Запада. Оттуда большими партиями поступают современное вооружение, воинское снаряжение.

– Но почему? – удивился я.

– Вполне понятно, – пояснил Джабраил. – США и страны Евросоюза заинтересованы в том, чтобы Россия как можно глубже завязла в этой кровопролитной войне. Её нужно ослабить экономически, подорвать основы государственности, чтобы наконец ликвидировать как конкурирующую,

неуступчивую державу. Война влечёт за собой трудности, а, значит, население начнёт выражать недовольство понижением жизненного уровня, начнутся антиправительственные выступления. Впрочем, я мало верю в это, – добавил мой собеседник, – России не привыкать переживать трудности, прежде во имя светлого будущего, ныне – чтобы не потерять страну, а разбогатевшим выскочкам, чтобы не потерять свои капиталы.

США и их вассалам не угоден президент Сирии Башар Асад. Он слишком самостоятелен, его нужно заменить на более послушного, чтобы обеспечить себе контроль над сирийской нефтью. И эту задачу тоже решают игиловцы. В Сирии завязано столько узлов, что их не сразу и распутаешь. Разве, как Александр Македонский, одним махом разрубить мечом. Но ныне это не каждому под силу.

– Ты не жалеешь, что примкнул к игиловцам?

Джабраил пожал плечами.

– Жалей, не жалей, выбор сделан, назад хода нет. И потом, если рассуждать философски, а у меня всё-таки высшее образование, всякое знание, даже если оно отрицательное, всё равно обогащает человека, делает его мудрее.

– Но не игиловцев? – уточнил я.

– Не их, – согласился Джабраил, – они давно уже перешагнули грань, отделяющую людей от свирепых хищников-людоедов.

– Русских много среди игиловцев?

– Слышал, что есть, но не встречался с ними. Вряд ли много, их идеология чужда нашему народу. Если и есть, то это скорее криминальные элементы, которым нужно скрыться от российского правосудия.

– Вижу, ты перестал обижаться на Россию?

Джабраил задумался, как бы выверяя свою душевную трансформацию.

– За два года войны в Сирии я понял главное: страна не виновата, если кто-то наталкивается на равнодушие, а то и хамство власть предержащих. Виноваты они сами, на них и стоит гневаться. Вода обладает способностью к самоочищению, так и страна рано или поздно смоеет с себя ил бездуховности и эгоизма, привнесённых диким капитализмом. Россия всегда славилась радушием и человеколюбием, и она вернёт себе эти ценности.

Джабраил замолчал. Мне хотелось узнать ещё многое об игиловцах, и я возобновил прерванный разговор.

– Что ещё поразило тебя в боевиках ИГИЛа?

– Уровень духовности всякого общества определяется отношением к женщине. Для игиловцев женщина – низшее существо, самим Всевышним созданная для услужения мужчине. На захваченных территориях они обращают молодых женщин и девушек в рабынь, торгуют ими, или держат в качестве прислуги. Мало того, что наложницы должны денно и ночно ублажать своего повелителя, так ещё служат «угощением» для его приятелей.

В таких случаях я вспоминаю слова еврейской молитвы: «Благодарю тебя, Адонаи, Господь наш, что не сотворил меня женщиной».

Когда рабыня надоедает, то с ней расстаются по отработанной схеме – заводят в развалины и там пристреливают. Это в худшем случае, а в лучшем просто дарят кому-нибудь, и кошмар её существования продолжается дальше.

У меня был радиоприёмник, который я отыскал в развалинах в Пальмире. Иногда по ночам слушал передачи российских радиостанций. Меня заинтересовала история московской студентки Карауловой, которая пыталась

пробраться в Сирию к любимому игиловцу. Жаль, что это ей не удалось, она бы в полной мере извела все «прелести» сексуального рабства и, может, тогда бы излечилась от наивной романтики. Её пример послужил бы уроком и другим девушкам, которые зачастую видят не то, что есть, а то, что им хочется видеть.

Боевики ИГИЛа не ведают жалости, но особенно жестоки они к ассасинам.

– Ассасинам? – удивился я. – Разве они ещё существуют?

Я читал об этой старинной мусульманской секте и думал, что они ушли в небытие.

Ассасины появились в XI веке. Они вели суровый образ жизни, отменили все законы шариата, свели на «нет» разницу между высшими и низшими слоями населения. За малейшее отступление от их правил грозила смертная казнь. Ассасинам человечество обязано убийцами-смертниками, террористами, употреблением наркотических веществ, чтобы познакомить с радостями рая. В истории сообщается, что они просуществовали до XIII века, и вот, пожалуйста...

– Существуют, – подтвердил Джабраил, – в Сирии, Ираке и других восточных странах их довольно много. Духовные лидеры игиловцев считают, что ассасины «загрязняют» ислам и призывают уничтожать всех до единого, а женщин и девушек продают в рабство. Меня за подземные работы «премировали» ассасинкой по имени Файзия. Некрасивая, худая, с крючковатым носом и «совиными», глубоко сидящими глазами. Но отказаться от неё я не мог, хотя мне она была не нужна. Я отыскал для неё жильё в развалинах Алеппо, поместил туда, обеспечивал продовольствием и флягами с водой. Дай бог, чтобы она уцелела до того времени, когда игиловцев вытеснят из Сирии.

– Ну, вытеснят их, и тогда в Сирии станет поспокойнее?

– Разве угли перестают тлеть, если их слегка прикроет пепел? – ответил Джабраил вопросом. – Игиловцы обоснуются в Ираке и других соседних странах, и оттуда будут продолжать нападать на Сирию и обстреливать её из орудий и ракетами. Они вроде болезнетворных бактерий, которые быстро размножаются в благоприятной среде. Они уже проникли в Ливию, Афганистан, их аппетиты растут. Сколько в Афганистане ведётся борьба с движением «Талибан» и безуспешно. Талибы по-прежнему прямая угроза безопасности страны, а ведь организация ДАИШ намного мощнее.

– Неужели положение с игиловцами настолько безнадежное?

– Их можно было бы одолеть, если бы так называемые союзники России по сирийскому вопросу не вели двойную игру. Они соглашаются с тем, что игиловцы представляют собой прямую угрозу миру, а сами тайком снабжают оружием и «подпитывают» деньгами, чтобы укрепить их мощь. Я уже говорил, что цель этих союзников полнее втянуть Россию в сирийский кризис.

Мы уже подлетали к Алма-Ате, и я старался выведать у Джабраила дополнительные подробности его сирийской «одиссеи».

– Как же ты оказался в Средней Азии, если бежать от игиловцев невозможно?

– Ну что ж, скажу и об этом. Меня с Джохаром вызвали к самому Абу Бакру аль-Багдади, главе «Исламского государства». Это неслыханная честь, далеко не каждому удаётся увидеть его даже издали. Он объезжал захваченные территории в Сирии и призывал своих сторонников сражаться ещё упорнее, победа уже близка.

Абу Бакр аль-Багдади сидел в уцелевшем домике на окраине Дамаска.

Он был ещё не стар, излишне полный, круглились щёки, заросшие бородой. Держался величественно, говорил негромко, выделяя для значимости каждое слово.

Нас поставили перед ним, о том, чтобы сесть, не могло быть и речи.

Арабского языка я не знал, и Джохар шёпотом пояснял мне, о чём говорит глава игиловцев. А говорил Абу Бакр аль-Багдади следующее.

– Ты стараешься, – он ткнул пальцем в сторону Джохара, – но ты мало привозишь парней из бывшего Советского Союза. Привозишь десятки, а счёт должен идти на сотни. Остался в стороне Казахстан, а там полно желающих влиться в наши ряды. Подбери таких, как он, – палец Абу Бакра аль-Багдади устремился в мою сторону, – таких, которые хорошо знают Среднюю Азию. Пусть разъедутся по Средней Азии и агитируют молодёжь ехать к нам. Вы же отправляйтесь в Казахстан. Работайте активно, убеждайте народ в нашей правоте, не жалейте денег. Святое дело нашего движения должно расширяться.

Абу Бакр аль-Багдади махнул рукой, его телохранители вывели нас из помещения.

– Так я стал эмиссаром ИГИЛа, – продолжал Джабраил. – Мы побывали во всех среднеазиатских республиках и завербовали десятка два крепких ребят, из которых можно сделать убеждённых игиловцев. Теперь поработаем в Казахстане. Джохар ждёт меня.

– Но ведь ты теперь можешь бежать от игиловцев. Тут ведь они тебя не достанут.

Джабраил усмехнулся.

– Это как сказать, руки у них длинные. И потом бежать, но с чем? У меня скопились хорошие деньги в Сирии, и Абу Бакр аль-Багдади обещал каждому вознаграждение в размере пятидесяти тысяч долларов, если будем действовать успешно. Я должен вернуться в Сирию и попытаться получить свои доллары. Скажу, что переправлю их сестре, она, мол, хочет купить в Москве квартиру. Тогда можно будет бежать. Тут надо действовать умно, чтобы разоблачающие меня материалы не появились в интернете. Исчезнуть лучше всего тогда, когда российская авиация совершает налёты. Вроде попал под бомбёжку и завалило рухнувшей стеной. Таких случаев сколько угодно. Паспорт я сохранил, деньги будут, можно начать жить заново.

– И где? – полюбопытствовал я.

– Меня привлекает Дальний Восток, там обещают каждому переселенцу по гектару земли. И потом в отдалении легче затеряться...

Наш самолёт пошёл на посадку. Лёгкий толчок, колёса лайнера коснулись бетонной полосы.

– Эх, не поговорили толком, – произнёс я с досадой. – Мало двух часов. Досадно было ещё и от того, что не во всём я был согласен с Джабраилом, но спорить не было времени.

Джабраил согласился со мной.

– Об игиловцах всего и за сутки не расскажешь. Ну, что есть, то есть.

– Интересно, что будет с тобой дальше, я ведь всё-таки журналист?

– А вы дайте мне номер своего мобильного телефона, – предложил Джабраил. – Буду по возможности коротко информировать вас. Только, как говорится, не для печати.

Так я и поступил.

Когда мы вышли из самолёта, мой попутчик сделал вид, что не знаком со мной. Он отделился от меня и затерялся в толпе прилетевших пассажиров.

Его предосторожность была понятна, мало ли что может произойти, не стоило привлекать ко мне внимания, случись ему попасть в поле зрения сотрудников органов безопасности.

С того дня, слушая в телевизионных вестях репортажи из Сирии, я часто вспоминал моего земляка по имени Джабраил. Как его зовут по-настоящему, он так мне и не сообщил. Оставалось только гадать, как сложилась его дальнейшая судьба.

Как-то глубокой ночью мобильный телефон разбудил меня своим сигналом. Я схватил его.

Далёкий мужской голос медленно проговорил по-таджикски.

– Он шиноси шумо дар вакти бомбарон аз таркиш халок гардид. (Тот ваш знакомый погиб от разрыва во время бомбёжки.)

– Ки гап мезанад? Шумо кистед? (Кто говорит? Кто вы?) – закричал я.

Послышались короткие гудки отбоя.

Я обдумывал услышанное. Значило ли это, что Джабраил действительно погиб? Или он начал осуществление своего плана по побегу от игиловцев? Но почему тогда не позвонил сам, а доверил кому-то связаться со мной?

Если его нет в живых, тогда можно рассказать о встрече и беседе с ним, ему это уже не повредит.

Но оставалась надежда, что он уцелел.

Так ли это, покажет время.

Организации, признанные в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими: «Исламское государство», «Имарат Кавказ», «Аль-Каида» в странах исламского Магриба, «Исламский джихад – Джамаат моджахедов», «Джунд аш-Шам» (Войско Великой Сирии), «Общество возрождения исламского наследия», «Исламская партия Туркестана» (бывшее «Исламское движение Узбекистана»), движение «Талибан», «Исламская группа» («Джамаат-и-Ислами»), «Партия исламского освобождения» («Хизб ут-Тахрир аль-Ислами»), «Братья мусульмане», «Исламская группа», «Священная война» («Аль-Джихад» или «Египетский исламский джихад»), «Асбат аль-Ансар», «База» («Аль-Каида»), «Конгресс народов Ичкерии и Дагестана», «Высший военный Маджлисуль Шура Объединенных сил моджахедов Кавказа», «Лашкар-И-Тайба», «Общество социальных реформ» («Джамият аль-Ислах аль-Идждимаи»), «Дом двух святых» («Аль-Харамейн»), «Синдикат «Автономная боевая террористическая организация (АВТО)»», «Джабхат ан-Нусра («Фронт победы»)».

Солнце

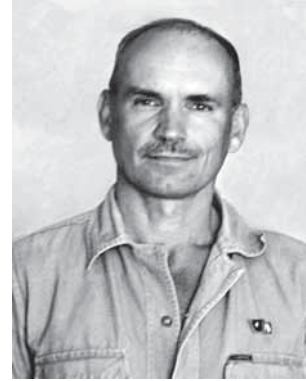
«Солнце...» – это звучит целительно. Лет с восемнадцати у меня к Солнцу особое осознанное отношение. Если насморк, першит в горле, воспалены дёсны или миндалины, «ячмень» на глазу, то вперёд – на едва просохший от талой воды пригорок, в безветренное место. Загар тоже важен. Смуглый человек, как дитя природы, чувствует себя увереннее. Клещи по загорелому телу ползают в нерешительности.

Говорят о сложностях жизни, что «утро вечера мудренее». Однако дожидаться утра не обязательно – можно пойти и к вечернему солнцу: полежать, поработать, пройтись, поесть и т.д. На визит «Большого брата планеты» нужно реагировать немедленно практически во всех регионах России. «Обидевшись на невнимание», капризное светило может быстро спрятаться за облака.

Оздоровительный эффект даёт даже кратковременное воздействие Солнца, пусть не на всё тело, а только на лицо и руки. Меня удивляют проблемы людей, зависимых от алкоголя или никотина. Отсутствие воли вызывает жалость и недоумение. Есть же естественный и бесплатный стимулятор активности! Психотерапевтическое воздействие солнечных ванн трудно переоценить. Острые проблемы становятся не животрепещущими, а фоновыми, находятся их решения, появляется ощущение, что жизнь продолжается.

Дружить в меру. Многие к Солнцу относятся с опаской, потому что не знают, когда, где и как загорать. Другие рассматривают увлечение «солнцеедов» как блажь, не ведая о нормализации обменных процессов и синтезе витаминов в организме под действием солнечных лучей.

К экзотическим местам и авиатуризму я равнодушен. Холод наш организм переносит легче, чем избыточное тепло. В жару не работает ни физически, ни интеллектуально. Безлюдные родные пространства без какой-либо «инфраструктуры», оползневые склоны к рекам вот полноценное

Владимир Валентинович Филаретов – родился 17 августа 1959 г. в Ульяновске. Доктор технических наук, ответственный редактор международного сборника научных трудов «Синтез, анализ и диагностика электронных цепей», издаваемого Ульяновским государственным техническим университетом (УлГТУ).

Живёт в Ульяновске.

место для активного отдыха того, кто досыта нахлебался достижениями цивилизации.

Самое полезное солнце там, где родился. Перебирать с радиацией, особенно «чужой», не следует – чревато злокачественными новообразованиями. Солнечные ванны требуются организму круглогодично, и надеяться приобрести здоровье, отправляясь за рубеж в кратковременный отпуск, не стоит.

Профессиональный солнцеед найдёт солнце в любом регионе и в любое время года, разве что не во время полярной ночи. Но и звёзды – «маленькие» солнца. Конечно, средняя полоса России наиболее пригодна для «общения» с Солнцем. Пауза может возникнуть в ноябре-декабре – в месяцы, которые отличаются пасмурными и самыми короткими днями.

Но уже январские морозы выдают тучи, а прибавляющийся день выкроит солнечные просветы. «Ловить» солнце лучше на не застеклённых балконах или лоджиях. У меня балкон перекрыт с двух сторон шкапами, защищающими от ветра. Юго-восток – подходящее направление, так как лучи восходящего Солнца наиболее полезны и заряжают на целый день.

В просторном шкафу с северной стороны можно стоять или садиться, удобно устроившись для продолжительного нахождения полулёжа, например, отдыхая в раздумьях или принимая пищу. Конечно, в январе-феврале, когда «за кормой» неслабые минус 20, лежать или сидеть не придётся.

В зимнее время солнечные ванны принимаются, стоя босиком на шерстяном коврике. Солнцееда дополнительно согревают: успевшая нагреться алюминиевая дверца шкафа и лучи, отражённые от оконного стекла. Ну, теперь тренируйте волю, чтобы подольше общаться с источником здоровья. Не забудьте надеть шапочку – это уменьшит потерю тепла и воздействие излучения. Темечко – уязвимое место, а вот перебор с облучением лица или тела обычно не приводит к неприятным ощущениям в голове на следующий день.

Если летом солнечные ванны чередуются с купаниями и плаванием, то зимой выходы на балкон сочетаются с работой по дому или физическими упражнениями. Например, сделав подход к перекладине, вполне естественно выбежать на балкон, чтобы нормализовать дыхание и снизить температуру разгорячённого тела.

Наедине с Солнцем. Летом подтягивания легче выполняются непосредственно после купания в реке – попутно согреваешься (в мае или сентябре) и обсыхаешь. Конечно, лучшую психическую разрядку получаешь в укромном месте, слушая только голоса птиц. Намётанный глаз не пропустит такие места в другом городе, непременно захочется «подзарядиться» после толкотни в людской массе и транспортного шума.

В качестве такого солярия подойдёт склон холма или крутого берега реки. На рукотворной террасе такого берега можно сделать нишу в отвесном глинистом грунте и навес, защищающий от высокого солнца или дождя. При использовании в качестве солярия это укрытие будет пропускать восточные, западные или южные лучи низкого солнца в марте-мае или сентябре-октябре.

В июне-июле энергетическая активность Солнца столь высока, что оно может выступать «кормильцем» и стимулятором физической активности. Чтобы «не подавиться», следует «поедать» не полуденное, а утреннее солнце. Встав в 4-5 утра, можно приступить, например, к земляным работам по оформлению береговой зоны, выведению ливневых стоков или оборудованию родников.

Во время работы жажда утоляется водой. Организм продолжает находиться в ночном режиме энергообеспечения, расходуя жировые депо. Через пару часов тяжёлой работы будет ощущаться голод, но набирающее силу Солнце вскоре восполнит дефицит энергии, создав прекрасное расположение духа и наивысшую производительность по выемке и переноске грунта.

Часов в восемь начнёт припекать макушку, и придётся надеть кепку. Около 10 часов работу следует прекратить, перейдя к водным процедурам и чаепитию. Напившись, можно заняться приготовлением еды до появления чувства голода.

Таким образом, «львиная» часть дневного объёма работы будет выполнена с наименьшим физическим и психическим напряжением, а также минимальными затратами на питание. Использование «солнечного кормильца» сокращает расходы на питание с мая по сентябрь в 3–4 раза. Правда, здесь учитывается и сезонный переход на «подножный» корм.

Жизнь без медицинского поводка. «Поводок», которым человек привязан к обществу потребления, можно сократить до самодостаточности. Для этого достаточно следовать нескольким несложным правилам, оптимизирующим работу организма.

1. Регулярные солнечные, воздушные и водные ванны. «Встряска» организма контрастами: солнце-тень, тепло-холод, ветер-затишье и т.д. Горячее купание завершать холодным обливанием. Не вытираться, а обсыхать после любого купания.

2. Принимать пищу не «по часам», а по фактическому чувству голода, то есть при существенном расходе энергетических запасов в организме. Жажду утолять не после еды, а незадолго перед приёмом пищи, причём водой или несладким чаем. Ограничивать употребление сладких жидкостей и жидких блюд для лучшей обработки пищи в ротовой полости.

3. Утром организм запускается водой, затем несладким чаем. Такая «смазка» активизирует системы организма, утилизирует остатки пищи и способствует опорожнению кишечника. Рационально выполнять физическую работу натошак, по холодку, чтобы пища в желудке и верхних отделах кишечника не препятствовала дыханию при движениях, и сберегался ресурс организма.

4. Солить нужно уже приготовленную пищу с учётом потребности, но из расчета, чтобы не захотелось пить вскоре после еды. Перед физической работой или во время движения не следует принимать солёную пищу. Расход солей компенсируется после нагрузки – в режиме восстановления.

5. Одеваться следует настолько легко, чтобы это не вызывало потения при движении, учитывая выделяющееся тепло. Замёрз – ускорился. При регулярном активном общении с Солнцем, если даже оно прячется за облаками, так называемых «простудных заболеваний» не возникает. Это следствия неправильного образа жизни и питания.

6. Отказаться от использования моющих средств, зубной пасты, пищевых продуктов с неизвестными добавками, медикаментов, нормализующих психическое и телесное состояние, если это не связано с угрозой жизни в запущенном случае.

7. Использовать неблагоприятные факторы внешней среды для закаливания, развития физических возможностей и психической устойчивости. Следует помнить, что нет положений без преимуществ, а может быть неумение извлекать преимущества из сложившегося положения.

8. Во всех отношениях полезнее выращивать себе пищу, собирать дары Природы, набирать родниковую воду, чем приобретать это в магазинах. Тратить деньги – это тоже работа, причём неблагоприятная как из-за качества приобретаемых продуктов, так и недополученной физической нагрузки, утраченной радости общения с Природой.

9. Избыточный вес, особенно, в области талии – это бесполезный груз, который приходится не себе таскать, потеряв юношескую лёгкость движений, пластику и гибкость. Снижается иммунитет, нарушается чередование ночного и дневного режима энергообеспечения, что препятствует сжиганию жира, замыкая порочный круг.

10. Старость наступает тогда, когда резко снижаются показатели физической подготовки. Основной причиной этого является существенное превышение веса тела в юности. Интерпретируемое медициной как «возрастное увеличение веса» – это оправдание физической бездеятельности и чревоугодия. Сердечнососудистая система и опорно-двигательный аппарат не рассчитаны на значительное превышение веса. Это приводит к отказам или необратимым последствиям при попытках «вернуть молодость», перейдя в «другую весовую категорию».

«Где часто светит Солнце, там редко бывает врач». Говаривала мне мама, сама врач по профессии. Казалось бы, азбучная истина, но понимание пришло не сразу. В школьные годы я часто болел, имел противопоказания по физической культуре, а в шестом классе даже четверть учебного года провёл в черноморском санатории.

Умудрялся и там болеть, не связывая своё здоровье с пребыванием на Солнце. Выправился только к девятому классу, «заболев» прогулками и походами на Волгу. С тех пор без дружбы с Солнцем жизнь свою не мыслю, приобрёл «аллергию» на все медицинские препараты и медучреждения.

Про зубы отдельный разговор. Благодаря сердобольным стоматологам я в разное время лишился нескольких зубов из-за раздутых щёк – флюса. А было достаточно немного потерпеть, выставив рожу на Солнце. Подвигаться в солнечную погоду, избавившись от застоя крови в дёснах. Поест чёрного хлеба с подсолнечным маслом, луком или чесноком.

Обладатели зубных прорех и кариозных полостей не должны ограничиваться кашей – важно жевать твёрдую пищу: чёрствый хлеб, незрелые яблоки и т.д., нагружая и массируя корни зубов. Так называемая «санация полости рта», заключающаяся в удалении корней зубов, снижает возможности по пережевыванию пищи и приводит к провалам дёсен, усугубляя деградацию зубочелюстного аппарата.

Разумнее держаться за каждый обломок зуба, пока он не изотрётся. До этого рано «сдаваться» – я 20 лет не был у стоматолога и 12 лет не чищу зубы. А если «подсел» на протезы, то твой случай будет долго обогащать стоматологию. Дружба с Солнцем, включение в рацион твёрдой пищи (для естественной очистки зубов), лука и чеснока, гарантируют отсутствие зубной боли и воспаления дёсен.

Современная медицина ориентирована на лечение болезней, а не их предупреждение путём популяризации научно обоснованных правил жизнедеятельности. Существующее положение вещей выгодно всем: врачи получают деньги на разработку новых лекарств, постигая тайны функционирования организма, а больной уверен в том, что найдётся таблетка для любой его болезни.

«Заботливая» медицинская реклама напористо внушает человеку, что от него требуются деньги, а не волевые усилия по изменению образа жизни и пищевого поведения. Организм перспективного (для потрошения содержимого кошелька) и не очень перспективного пациента доводится поеданием навязываемых препаратов и личным бездействием до состояния «пике», когда требуется радикальное вмешательство дипломированных врачей.

Врачи самонадеянно рассматривают природные компоненты лечения как необязательное дополнение к медикаментозным методам неслучайно. «Вера в медицину» в обществе потребления имеет экономическую подоплёку. Ведь Природа конкурирует с медициной, отбивая клиентов – глотателей «колёс» и завсегдатаев аптек.

Нежась под ласковым Солнцем, как в страшном сне вспоминаешь медицинскую рекламу, которой четверть века кормятся СМИ. От неё можно спрятаться разве что в природном солярии. Рекомендовать больному правильное питание, нагрузки и солнечные ванны невыгодно. Для процветания фармакологической отрасли следует дать больному таблетки, чтобы он, боже упаси, не изменил пагубный образ жизни.

«Это был русский человек...»

За свою короткую жизнь художник Левитан побывал в Крыму лишь дважды. Впервые он приехал на юг, в Крым в 1886 году. В тот год ему исполнилось 26 лет.

В прошлом остались полуголодное детство, ранняя смерть матери, затем отца, учёба в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, встречи с Перовым, Поленовым, Саврасовым, любимым учеником которого был Левитан, унижительное положение в российском обществе. В 1879 году вышел царский указ, запрещающий евреям жить в «исконной русской столице», и полиция незамедлительно выселила Левитана из Москвы. Художнику было девятнадцать лет.

Но именно там, в Максимовке, куда полиция выселила Левитана, он написал свою первую картину «Осенний день в Сокольниках», где, как писал Паустовский, «серая и золотая осень, печальная, как тогдашняя русская жизнь, как жизнь самого Левитана, дышала с холста осторожной теплотой и щемила у зрителей сердце».

В летние месяцы 1880-1884 годов Левитан много писал с натуры. В Останкино художник создал картины «Дубовая роща. Осень», «Дуб», «Сосны». Пейзажи «Последний снег. Саввинская слобода» и «Мостик. Саввинская слобода» художник написал под Звенигородом, в Саввинской слободе. К середине 1880-х годов материальное положение Левитана немного улучшилось, он продал картину «Вечер после дождя».

В 24 года, в 1885 году Левитан окончил училище, однако звания художника удостоен не был – взамен он получил диплом учителя чистописания. После окончания училища Левитан так и остался в глухой деревне Максимовке. Первых заработанных денег не было. Знакомых, которые могли бы поддержать молодого художника, тоже не было. В ту весну он себе места не находил.

Неподалёку от Максимовки находилась деревня Бабкино, а рядом с нею имение А.С. Киселёва, племянника дипломата графа П.Д. Киселёва.

Николай Фёдорович Блохин – родился в 1952 г. на Ставрополье, окончил отделение журналистики Ростовского-на-Дону государственного университета и редакторское отделение Высшей партийной школы при ЦК Компартии Украины. Работал в средствах массовой информации Ставрополя, Волгограда, Луганска, Киева корреспондентом, заведующим отделом, ответственным секретарём, был главным редактором газеты Алчевского металлургического комбината «За металл». Член Союза журналистов России. Автор книг «Река счастья» (1997), «Возвращение имени и чести» (1995), «Изгнание Параджанова» (2002) и др.

Живёт в Ставрополе.

И.И. Левитан (1860–1900).

Алексей Сергеевич служил земским начальником в Воскресенском районе. Женат он был на Марии Владимировне, дочери бывшего директора московских императорских театров В.П. Бегичева. Мария Владимировна доводилась внучкой знаменитому просветителю, писателю и издателю Н.И. Новикову. Она сотрудничала в журналах «Детский отдых», «Родник». В Бабкине часто гостили певцы, писатели, художники, общественные деятели. Мария Владимировна дружила с А.П. Чеховым, П.И. Чайковским.

Хозяйкой усадьбы была Мария Владимировна. К ней из соседних деревень приходили крестьяне за помощью, так как она ещё и врачевала. Антон Чехов принялся помогать

ей. Однажды пришла к ним из Максимовки Пелагея – жена пьяницы-горшечника, пожаловалась на болезни. Разговорились, она-то и сказала, что живёт у них на постое странный художник из Москвы. Ходит бирюк бирюком, того и гляди порешит себя, а им тогда – отвечай. И зовут-то его, прости Господи, по-чудному – Тесак Ильич.

Долго Чеховы гадали, кто это может быть, пока не смекнули, что Тесак Ильич – это, пожалуй, Исаак Ильич Левитан, товарищ Николая Павловича Чехова по училищу живописи и ваяния. Пошли в Максимовку. Нашли Левитана и переманили его в Бабкино. Третьяков незадолго перед этим купил у молодого художника картину, выставив её в своей галерее под названием «Осенний день. Сокольники», а фигуру женщины на ней, как оказалось, написал Николай Чехов, брат Антона Павловича. Случайная встреча Пелагеи с Марией Владимировной изменила жизнь Левитана. Здесь, у Киселёвых, Левитан и познакомился впервые с А.П. Чеховым. Судьба сблизила Левитана с А.П. Чеховым в 1885 году, когда они оказались в живописном подмосковном имении Киселёвых Бабкино, где семья Чеховых снимала в то лето флигель. Их дружба и творческое соперничество продолжались всю жизнь.

«А какие чудесные поэтические вечера проводили мы в парке у большого дома Киселёвых! – вспоминала через много лет сестра Чехова Мария Павловна. – Представьте себе тёплый летний вечер, красивую усадьбу, стоящую на крутом берегу, внизу реку, за рекой громадный лес... ночную тишину... Из дома через раскрытые окна и двери льются звуки бетховенских сонат, шопеновских ноктюрнов. Киселёвы, мы всей семьёй, Левитан сидим и слушаем великолепную игру на рояле Елизаветы Александровны Ефремовой. – Как хорошо! – говорит Левитан». В то лето Левитан ожил. Работал он в Бабкино много. С утра художник уходил на этюды, а Чехов, пока домашние спали, рассказы пописывал. По рассказу в день. Молодые все были, на выдумки мастера.

Брат писателя Михаил Павлович Чехов вспоминал: «Благодаря жизнерадостности милых обитателей мы все, в том числе и брат Антон, были очень

веселы. Он писал, критики его хвалили, хотя Скабичевский и предсказывал ему, что он сопьётся и умрёт где-нибудь под забором, но он верил в своё дарование и пока ещё был здоров. Иногда Антон дурил. Бывало, в летние вечера он надевал с Левитаном бухарские халаты, мазал себе лицо сажей и в чалме, с ружьём выходил в поле, по ту сторону реки. Левитан выезжал туда же на осле, слезал на землю, расстилал ковёр и, как мусульманин, начинал молиться на восток. Вдруг из-за кустов к нему подкрадывался бедуин Антон и палил в него из ружья холостыми зарядами, Левитан падал навзничь. Получалась совсем восточная картина. А то, бывало, судили Левитана. Киселёв был председателем суда, брат Антон – прокурором, специально для чего гримировался. Оба одевались в шитые золотом мундиры, уцелевшие у самого Киселёва и Бегичева. Антон говорил обвинительную речь, которая всех заставляла помирать от хохота».

И.И. Левитан вспоминал лето, проведённое в Бабкине, как самое счастливое время в его жизни. В Москве, в чеховском музее есть его небольшой этюд «Река Истра летом». Он очень солнечный! С плохим настроением такого не напишешь. В Бабкине пришла к художнику и любовь.

«Иду я однажды по дороге из Бабкина к лесу и неожиданно встречаю Левитана, – вспоминала на склоне лет Мария Павловна Чехова. – Мы остановились, начали говорить о том, о сём, как вдруг Левитан бух передо мной на колени и... объяснение в любви. Помню, как я смутилась, мне стало как-то стыдно, и я закрыла лицо руками.

– Милая Маша, каждая точка на твоём лице мне дорога... – слышу голос Левитана.

Я не нашла ничего лучшего, как повернуться и убежать. Целый день я, расстроенная, сидела в своей комнате и плакала, уткнувшись в подушку. К обеду, как всегда, пришёл Левитан. Я не вышла. Антон Павлович спросил окружающих, почему меня нет. Миша, подсмотрев, что я плачу, сказал ему об этом. Тогда Антон Павлович встал из-за стола и пришёл ко мне.

– Чего ты ревёшь?

И.И. Левитан. Осенний день. Сокольники.

А.П. Чехов (1860–1904).

М.П. Чехова (1863–1957).

Я рассказала ему о случившемся и призналась, что не знаю, как и что нужно сказать теперь Левитану. Брат ответил мне так:

– Ты, конечно, если хочешь, можешь выйти за него замуж, но имей в виду, что ему нужны женщины бальзаковского возраста, а не такие, как ты.

Мне стыдно было сознаться брату, что я не знаю, что такое “женщины бальзаковского возраста”. И, в сущности, я не поняла смысла фразы Антона Павловича, но почувствовала, что он в чём-то предостерегает меня. Левитану я тогда ничего не ответила, и он опять с неделю ходил по Бабкину мрачной тенью. Но вскоре все бабкинцы об этом “происшествии” узнали. Придёт, бывало, отец хозяйки усадьбы Владимир Петрович Бегичев и зовёт:

– Ну, Марьюшка, пойдём немного пройдёмся.

Возьмёт меня под руку и непременно поведёт в сторону левитановского флигеля, и чем ближе мы подходим, тем всё крепче прижимает мой локоть, чтобы я не убежала. Потом, как это всегда в жизни бывает, я привыкла и стала вновь встречаться с Левитаном. На этом весь наш “роман” и закончился».

Думается, что это всё-таки не так. Мария Павловна решила рассказать об этом случае лишь под самый конец своей жизни. Видимо, слишком многое он значил для неё. Да и Левитан, в продолжение всей своей жизни имевший успех у женщин, перед смертью, когда Мария Павловна навестила его, уже тяжело больного, сказал ей: «Если бы я когда-нибудь женился, то только бы на вас, Маша».

Пребывание в Бабкине, дружба с Машенькой, Чеховым, знакомство с Киселёвыми многое значили в жизни художника.

С 1884 года Левитан участвовал в передвижных выставках. Однако из-за напряжённого труда у него обострилась болезнь сердца. В 1886 году он решил съездить в Крым. После возвращения представил пятьдесят крымских пейзажей.

У писателя Сергея Дурьилина, в его воспоминаниях «В своём углу», есть такие строки: «Левитан очень любил православную церковную службу и часто заходил в церковь ко всенощной. Его поражало и пленяло своей красотой православное богослужение. Он находил бездну поэзии в вечернем сумраке малого и тесного храма, в огнях лампад, в тихом пении, в тонких струйках ладана, разносящихся по полупустой церкви, затихнувшей в полумраке. Живя в Плесе, он любил М.П.Чехову и часто вместе с ней хаживал в церковь на вечернюю службу. Старенькую деревянную плёсскую церковку он перенёс на картину. Это был русский человек, всею душой и всем талантом русский... Он любил русскую природу, как может любить её только настоящий русский человек, выросший среди неё, и, как художник, ничего другого он никогда и не любил, кроме этой природы, этих берёз, этих церковок, этого тихого звона над притихшими полями и перелесками. Он никогда не ходил в синагогу, но и Православия он не принимал, – и умно делал: он понимал, что для того, чтобы принять его, мало любить церковки, любить красоту и поэзию церковной службы, – нужно ещё и многое другое...»

После кончины на груди И.И. Левитана увидели православный крест, который он, оказывается, давно носил.

Любовь к церкви, можно предположить, пробудилась у художника не без влияния Чеховых, Киселёвых и монахов Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря, в который они ездили на службу в воскресные и праздничные дни...

В 1899 году Левитан снова отправился в Ялту, где в то время был Чехов. К этому времени художник был удостоен звания академика пейзажной живописи.

После возвращения в Москву он почти не выходил из дома, был болен. Левитан умер солнечным днём 22 июля 1900 года, оставил приблизительно сотню незаконченных картин и примерно триста этюдов. Картина «Озеро. Русь» также осталась незавершённой.

На ялтинской даче А.П. Чехова, в его любимом рабочем кабинете, на камине хранился этюд И.И. Левитана. Однажды, года через три после кончины художника, когда речь зашла о нём, Чехов сказал, глядя на этюд:

– Как мало ценят – как мало дорожат вещами Левитана. Ведь это же стыдно. Это такой огромный, самобытный, оригинальный талант. Это что-то такое свежее и сильное, что должно бы перевернуть сделать. Да, рано, рано умер Левитан.

К счастью, время всё расставило по своим местам. Любовь к художнику И.И. Левитану в России стала воистину всенародной. Живопись Левитана обрела своё место, и нет в России человека, который бы не знал его творчества.

И.И. Левитан. Озеро. Русь.

ПОЭЗИЯ

Анатолий УВАРОВ

Анатолий Васильевич Уваров – родился 3 апреля 1928 г. в селе Кезьмино Сурского района Ульяновской области. Полковник в отставке. Ветеран Великой Отечественной войны, Вооружённых Сил СССР, Атомной энергетики и промышленности Российской Федерации. Член Союза писателей России. Награждён орденом «Знак Почёта», медалями «За воинскую доблесть», «За трудовое отличие», Золотой Есенинской медалью, Большой серебряной медалью Николая Гумилёва, многими другими правительственными и ведомственными наградами. Автор книг стихов и прозы «Кезьминское поле» (2003), «С Отчизной сердце моё слилось» (2008), «Годы – веки» (2011).

Живёт в Москве.

«Нам жизнь дана на радость!..»

В.Д. Глейхману – композитору

Блажен тот человек,
Кто к музыке причастен,
Его житейский век –
Возвышен и прекрасен!

Он дарит нам огни
Волшебных звуков смело,
Ведь музыка сродни
И разуму, и телу.

И.В. Маскаевой – композитору

Есть искра Божия в душе у Вас, Ирина,
Тому живое подтвержденье – пианино!
Оно, послушное рукам умелым Вашим,
Творит оправу золотую строчкам нашим.

Поэты просят Вас ту искорку хранить,
Любить её и вдохновеньем дорожить,
Чтоб Ваши песни так же радостно звучали,
И чтобы в душах наших не было печали!

Памяти Г.В. Черноголовиной

Утомилось горячее сердце,
Дайте сердцу чуть-чуть отдохнуть.
Распахните незримую дверцу,
Пусть наполнится воздухом грудь.

Посмотрите на вольное небо,
На стремительный бег облаков...
Всё-то пишем – что было, что не было,
Под ярмом добровольных оков.

Галина Черноголовина
«Коллеге А.В. Уварову»

25.11.2013

Вы назвали меня коллегой,
Я был тронут этим до слёз:
Моё сердце наполнилось негой,
А душа запела от грёз!

В поэтическом этом слове
Солидарное что-то есть...
Я почувствовал снова и снова
Вашу нежность, признание и честь.

Притомилось горячее сердце,
Но не дам я ему отдохнуть,
Не закрою в поэзию дверцу,
Лишь прикрою на время чуть-чуть.

Устремлюсь я в бездонное небо,
Встану в плотный клин журавлей
И узнаю – что было, что не было
В поэтической жизни моей?!

Цветы

Если б цветы герани
На каждом окне цвели!
Не было б в семьях брани,
Драться б мы не могли.

Если б у каждого дома
Были живые цветы!
Нас не томила б истома,
Что мало нам красоты.

Если б везде тюльпаны,
Кашки, ромашки цвели!
Не было б гульбищ пьяных
И войн на полях земли.

Тогда бы все люди сами
Знали, как надо жить...
Ведь человек с цветами
Не может людей не любить.

Сирень

В часы апатии и лени,
И повседневной суеты
Цветущим зарослям сирени
Я доверял свои мечты.

Сирень меня всегда встречала
И утешала, как могла,
И радость сердцу доставляла,
И радость светлою была.

Мечта последняя

Увижу ль я кивок прощальный
Двух милых Кезьминских берёз?
И тополиный шум печальный
Услышу ль под наплывом грёз?

Ведь жизнь – шагреневая кожа:
Сжимается, и каждый день,
На высохший ручей похожа,
И на изношенный ремень.

Мечта моя – уже несмелая,
Ей, как в былом, не приказать,
Последняя: берёзки белые
Ещё б разочек увидеть.

Как хочется вернуться в юность
И побывать в семье родной!
Но знаю, это чушь и глупость,
И лишь томление одно.

На свете нет такого средства,
Нет и не будет никогда,
Чтоб на часок вернуться в детство
И юность встретить иногда.

Напрасны эти пожеланья –
Мне не бывать в родном краю,
Уж близок час мой расставанья,
Ведь я над пропастью стою...

Никто не скучает, как я
О Кезьмине милом моём,
О детских и юных друзьях,
О первой любви, о былом...

Ничто не волнует так кровь,
И чувства прекраснее нет,
Чем к дому родному любовь,
Где ты появился на свет...

Как быстро промчались года,
Уйдя в невозвратную даль.
Я знаю, уже никогда
Меня не покинет печаль,

Печаль по родным и друзьям,
Оставшимся в Той стороне,
По кезьминским милым полям,
По Той лучезарной весне...

Как мало счастья человеку
За жизнь короткую дано:
Чуть переплыл из детства реку,
Уж бродит юности вино.

Да и оно недолго бродит
И уплывает, как весна,
А с ней и молодость уходит,
И старость дряхлая видна,

И благородные стремленья
Со старостью уходят прочь:
Душа терзается в сомненьях,
И вскоре наступает ночь...

Письма

Вот жизнь моя уходит в Лету,
А прошлое – в туманной мгле.
Друзей моих почти уж нету,
Их очень мало на земле.

И те скучают за границей –
В чужой, нерусской стороне,
В Москве не могут появиться,
Чтоб в гости вновь придти ко мне.

Слабеет сердце, никнут силы,
И мне к друзьям не долететь...
От возраста и дней унылых
Мне лишь смиряться и скорбеть.

И только письма, как награда,
Друзей со мною наяву
Душе подмога и отрада,
Вот этим только и живу...

Не надо плакать

Не надо плакать, Ира,
Отринь печаль, Володя:
Из жизни в этом мире
Когда-то все уходят...

Вы схоронили маму,
И близок мой черёд...
Пока же мы упрямо
Всё движемся вперёд...

И в этом корень жизни –
И смысл её, и суть:
Рожденье, зрелость, тризны –
Единственный наш путь.

Поэтому – не надо
Ни плакать, ни грустить.
Нам жизнь дана на радость,
Старайтесь проще жить!

